

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 42 ОКТЯБРЬ 1979

**БЕРЛИН, 4 ОКТЯБРЯ
1979 ГОДА**

Проводы на Внуковском аэродроме.

ПОД ЗНАМЕНОМ ЕДИНСТВА И

Берлинцы приветствуют высоких гостей.

Фото А. Гостева

ДРУЖБЫ

Тепло и сердечно встретили трудящиеся ГДР советскую партийно-правительственную делегацию во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, прибывшую 4 октября в Берлин с официальным дружеским визитом по приглашению Центрального Комитета СЕПГ, Государственного совета и Совета Министров ГДР по случаю 30-летия образования республики. В составе делегации член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, посол СССР в ГДР П. А. Абрахимов.

В тот же день состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и членов советской партийно-правительственной делегации с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером и членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК СЕПГ. Беседа проходила в сердечной и братской обстановке и вновь подтвердила полное единство политических позиций и взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер вручил 4 октября Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу высшие государственные награды республики — Золотую Звезду Героя ГДР и орден Карла Маркса.

Товарищ Л. И. Брежнев вручил 5 октября члену Политбюро ЦК СЕПГ, Председателю Совета Министров ГДР В. Штофу орден Октябрьской Революции.

По случаю 30-летия образования ГДР товарищам Л. И. Брежневу, А. А. Громыко, К. У. Черненко, Н. А. Тихонову, К. В. Русакову, а также А. М. Александрову, А. И. Блатову, Л. М. Замятину в тот же день были вручены памятные медали «За заслуги в образовании и укреплении Германской Демократической Республики».

Во время пребывания в Берлине была подписана программа специализации и кооперирования производства между СССР и ГДР до 1990 года. С советской стороны документ подписал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, со стороны ГДР — кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ, заместитель Председателя Совета Министров ГДР Г. Шюрер.

Славному юбилею было посвящено 6 октября торжественное заседание ЦК СЕПГ, Государственного совета, Совета Министров и Национального совета Национального фронта ГДР. В нем приняли участие товарищи Л. И. Брежнев, Э. Хонеккер, члены советской партийно-правительственной делегации, чле-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 42 (2727) 13 ОКТЯБРЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонек», 1979

ны и кандидаты в члены Политбюро ЦК СЕПГ, руководители партий, входящих в Национальный фронт ГДР, главы партийно-правительственных делегаций, прибывших на торжества: Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбал, Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак, член Политисполкома ЦК РКП, премьер-министр правительства СРР И. Вердец, Председатель Германской коммунистической партии Г. Мис, а также член Политбюро ЦК КПВ, заместитель премьер-министра правительства СРВ, министр национальной обороны СРВ Во Нгуен Зиап, член Политического комитета ЦК ТПК, секретарь ЦК ТПК Ким Хван, член Политбюро и Секретариата ЦК Компартии Кубы, член Государственного совета Республики Куба П. Мирет Прието, член Политбюро ЦК НРПЛ, заместитель премьер-министра ЛНДР Фуми Вонгвичит, член Президиума СФРЮ, член ЦК СКЮ С. Крайгер, заместитель председателя Народно-революционного совета, министр обороны народной республики Кампучии Пен Сован, генеральный секретарь партии — государства Гвинеи, президент Гвинейской Народной Революционной Республики А. Секу Туре, председатель Исполкома ООП Я. Арафат, президент Всемирного Совета Мира Р. Чандра, руководители делегаций других стран, политических партий и национально-освободительных движений.

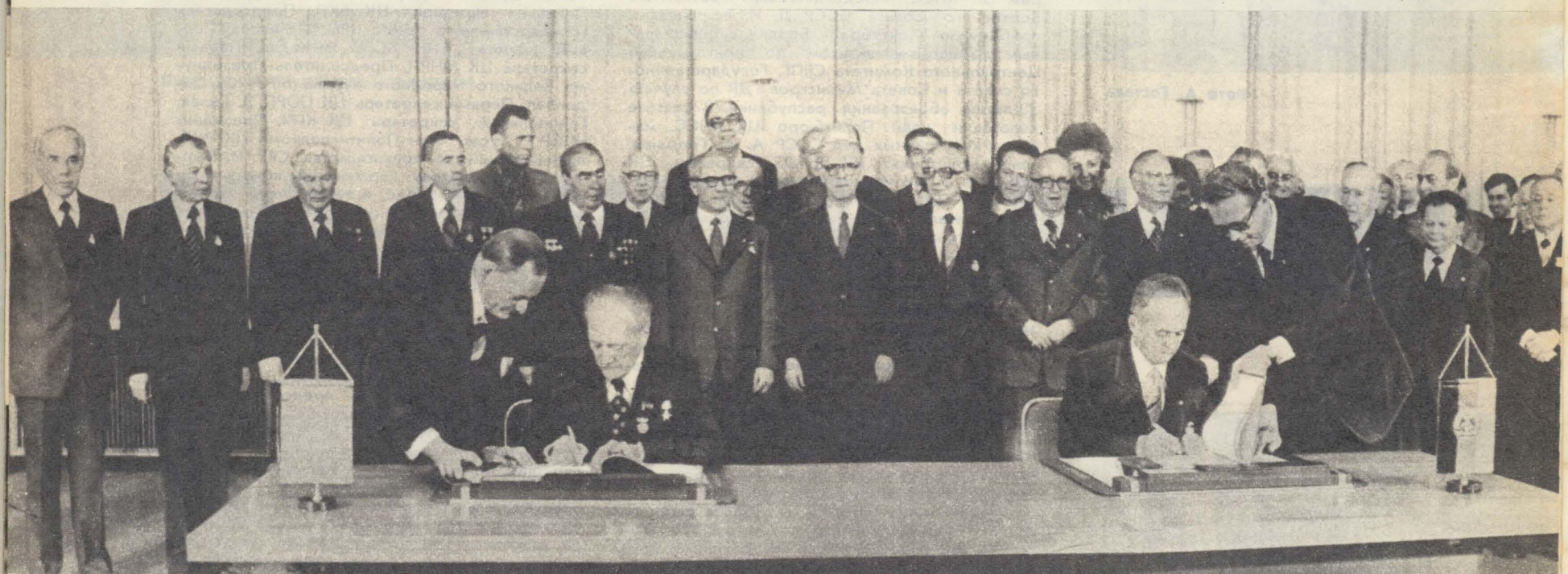
С речью, посвященной 30-летию ГДР, выступил товарищ Эрих Хонеккер. Затем перед участниками торжественного заседания выступил товарищ Л. И. Брежнев. «Международно-правовое признание ГДР стало по существу поворотным рубежом в укреплении безопасности Европы», — сказал, в частности, он. Товарищ Брежнев познакомил участников заседания с новыми советскими инициативами, направленными на укрепление безопасности в Европе и мира во всем мире. «Движимые искренним желанием вывести из тупика многолетние усилия по достижению военной разрядки в Европе, показать пример перехода от слов к реальным делам», — заявил он в своей речи, — мы, по согласованию с руководством ГДР и после консультаций с другими государствами — участниками Варшавского Договора, приняли решение сократить в одностороннем порядке численность советских войск в Центральной Европе. В течение следующих 12 месяцев с территории Германской Демократической Республики будут выведены до 20 тысяч советских военнослужащих, тысяча танков, а также определенное количество другой военной техники».

Торжественное заседание в Берлине вылилось в яркую манифестацию последовательной миролюбивой политики, которую проводят страны социалистического содружества во главе с Советским Союзом.

6 октября были возложены венки от совет-

Вручение советской награды В. Штофу.

Подписывается программа специализации и кооперирования производства между СССР и ГДР.

Возложение венка к монументу советского воина-освободителя в Трептов-парке.

Торжественное заседание в берлинском Дворце республики. На трибуне — товарищ Л. И. Брежнев.

ской партийно-правительственной делегации, от ЦК СЕПГ, Государственного совета и Совета Министров ГДР, от зарубежных делегаций к памятнику выдающимся деятелям немецкого революционного движения в берлинском районе Фридрихсфельде, к монументу советского воина-освободителя в Трептов-парке, к памятнику жертвам фашизма и милитаризма на улице Унтер-ден-Линден.

7 октября на Карл-Маркс-аллее, одной из красивейших магистралей Берлина, в ознаменование 30-летия ГДР состоялся парад Национальной народной армии.

В этот же день Центральный Комитет СЕПГ, Государственный совет и Совет Министров ГДР устроили прием по случаю 30-летия образования Германской Демократической Республики.

Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер 7 октября вручил в присутствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева высшую награду ГДР — орден Карла Маркса члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС К. У. Черненко.

Советская партийно-правительственная делегация во главе с товарищем Л. И. Брежневым 8 октября возвратилась из Берлина в Москву.

Во время парада Национальной народной армии ГДР.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова и В. Соболева (ТАСС)

Встреча советской партийно-правительственной делегации по возвращении из Берлина.

Фото А. Гостева

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Н. БЫКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Подмосковный октябрь — время живописное, если нет дождей и в поле сухо, картофель выкопан, а зеленая озимь радуется свету. За многотрубным Подольском лежит спокойная красивая земля, милые чеховские места, окрестности его заповедного Мелихова, там и район носит имя Чехова, и переименованная старая Лопасня тоже носит его имя, обязывающее жить чисто и светло, в постоянном труде на благо Родины. Тихие речки Пахра и Лопасня заметно замедлили свой бег среди бронзовеющих прибрежных кустарников. На фоне подглубленного звонкого неба пламенеют транспаранты и стенды наглядной агитации на улицах районного городка Чехова, у дворца культуры «Дружба», у заводских проходных. Здесь, в Чеховском районе, сумели преодолеть равнодушие к многосложной, не терпящей невнимания работе по оснащению человека, особенно молодого, духовным и душевным, что формирует моральный облик современника.

А груз забот по улучшению идеологической, политико-воспитательной работы во исполнение известного постановления ЦК КПСС взяла на себя специально для того и созданная комиссия городского комитета партии, которая так и называется — идеологическая. О серьезности начатой работы говорит тот примечательный факт, что бюро горкома партии председателем идеологической комиссии рекомендовало первого секретаря ГК КПСС А. С. Короткова. Ежемесячно Анатолий Сергеевич собирает членов комиссии, людей энергичных и одухотворенных, пронесших через многие годы призывание нести идеи марксизма-ленинизма в самую гущу рабочих, селян, учащихся.

Поиск новых форм, оживление работы с подрастающим поколением, всеми категориями трудящихся — дело непростое и в то же время весьма насущное. Чтобы его повести по-новому, страстно, целенаправленно, нужны высокообразованные горячие люди. Частью они и вошли в идеологическую комиссию, частью составили боевой актив, на который опирается эта комиссия на местах. А в июле состоялся пленум Чеховского горкома партии, который обсудил и определил конкретные задачи партийной организации по улучшению политико-воспитательной работы.

Какие же это задачи? Их много, они актуальны и конкретны, все связано с главным: повышением эффективности и качества массово-политической работы, атеистического и интернационального воспитания, трудового воспитания, нравственного и военно-патриотического воспитания. Это — определяющие направления, но, разумеется, проблем, вопросов, мероприятий, посвященных улучшению

идеологической работы, намного больше, и все они названы, обсуждены, взяты на вооружение в повседневной деятельности методистов, агитаторов, политинформаторов, как на предприятиях, так и в учебных заведениях, и по месту жительства.

Работа идеологической комиссии горкома партии дает уже сейчас весомые, очевидные результаты именно потому, что ею найдены и привлечены люди многоопытные и незаурядные. «И я бы еще сказал, обаятельные, красивые нестареющей душой», — дополнил Анатолий Сергеевич Коротков. Черты комиссаров отдаленных от нас революционных лет каким-то образом сумели сблечь Клавдия Петровна Вечорик, ретушер с полиграфического комбината, и ученый, доктор технических наук Сергей Петрович Козырев, и председатель колхоза «Ленинское знамя» Семен Иванович Шевченко, и начальник ОВД полковник Василий Федорович Кузнецов, и секретарь парткома полиграфического комбината Леонид Дмитриевич Александров, и ветеран Великой Отечественной войны Александр Казимирович Пашкевич, неизменный в Чехове судья шумливой «Зарницы». Все они и десятки других энтузиастов работают с чувством высочайшей ответственности за молодежь, за всех, кто нуждается в крыльях ленинской теории. И помогают Людмиле Васильевне Карягиной, Людмила Васильевна — заведующая отделом пропаганды и агитации горкома партии. И одновременно — заместитель председателя идеологической комиссии.

— Мы стараемся воплотить в жизнь ленинское положение о том, что коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело, — определила главное Людмила Васильевна.

О том же говорила на семинаре агитаторов полиграфического комбината старший инженер Нина Григорьевна Рутковская:

— Сила марксизма-ленинизма в постоянном творческом развитии. Этому учил Маркс, этому учил Ленин. Их заветам верна наша партия!..

Постоянное творческое развитие! И — постоянное обновление форм общения с трудящимися массами. А ведь найти новое в работе партийной пропаганды — самое трудное. В городе любят Нину Сергеевну Африканову. Она не член идеологической комиссии, но без нее не обходятся ни работа отдела агитации и пропаганды горкома, ни работа горкома комсомола. Нина Сергеевна — яркий и, к счастью, часто встречающийся во всех уголках страны тип «комсомольца двадцатых годов». Работала инженером, теперь на пенсии, но остается Нина Сергеевна верна своему призванию — нести людям свет марксистско-ленинского учения. Знает досконально работы Ильича, любит их и любит самого Ленина как человека, мыслителя, вождя трудящегося народа, — это чувствуешь, когда слушаешь легко увлекающуюся, порывистую женщину:

— Я почти полвека пропагандист-общественница и знаю, как важно, жизненно необходимо при-

Нина Сергеевна Африканова: «Истина всегда конкретна!»

Идеологическую комиссию Чеховского ГК КПСС возглавляет первый секретарь горкома Анатолий Сергеевич Коротков

КАК СВОЕ ДЕЛО... ➤

Центральная площадь колхоза «Ленинское знамя».

Ретушер полиграфкомбината Клавдия Петровна Бечорик — друг и наставница Анны Морковкиной.

Фотоплакат: «Мы с полиграфического!»

ВТОРНИК, ПОЛИТДЕНЬ

К. КОСТИН

Фото А. КУЛЕШОВА

Все большее распространение в Москве получает практика проведения единых политдней, когда партийные и хозяйственные руководители, актив встречаются с трудовыми коллективами: ведут разговор на самые актуальные темы внутренней и внешней политики, отвечают на вопросы.

Именно в такой день корреспонденты «Огонька» побывали на столичном заводе «Водоприбор».

...Директор предприятия, доктор технических наук Леонид Борисович Коган посмотрел на часы. Сегодня он идет в механосборочный, времени до беседы осталось немного. А на заводе этом опаздывать, тем более пропагандистам, не принято.

Не будем утверждать, что беседа получилась гладкой и певучей. Не могла она быть гладкой, ибо разговор шел о самых актуальных, самых острых заботах страны, а значит, и завода. Пропагандисты здесь нередко строят работу, как мне сказали, «по восходящей». Вроде бы только что говорили о заводском плане, об экономике ухоженного рабочего места, но беседа вдруг как-то незаметно повернулась к общим вопросам экономики и проблемам экономики.

— Потому что без экономики какая же экономика? — это говорит начальник цеха Лев Николаевич Буйнов. — Вот мы делаем дробилки. Были они не очень-то хороши, и мы сами усовершенствовали их. Прежде этот вот узел служил несколько дней, а ныне неделями работает. Причем работает

лучше, чем раньше. Но нас сначала кое-кто попытался упрекнуть: что же вы, дескать, доусовершенствовались — на изготовление того же агрегата стали больше времени тратить? Мы им — свой счет, рабочий, настоящую экономику: потери во времени гораздо меньше стоят, чем выигрыш в качестве. А когда качество доброе, то и время экономится.

Лев Николаевич — один из Буйновых. На заводе их четверо, семейная династия. Возглавляет ее Николай Михайлович, мастер отдела главного механика. Вообще на заводе династии в почете. Чествовали Шумановых, более двухсот лет они здесь работают. То уважение, доброта, внимание, что проявляются на предприятии к династиям, пришли не сами по себе. Они воспитаны всем духом коллектива, в том числе и традициями и историей завода. А в ней, в этой истории, и такие имена, как Н. Е. Жуковский, как А. В. Луначарский. Жуковский проводил тут научные опыты, Луначарский бывал на предприятии, даже зачислили его в почетные

кочегары... И снова о делах сегодняшних. Директор завода говорит о продукции цеха:

— К лицу ли вам-то, да еще в такое время, давать изделия без Знака качества?

И, откликаясь на эти слова, электросварщик Анатолий Романович Петухов показывает, как и что можно улучшить, чтобы надежная, хорошая дробилка стала бы к тому же и современной по форме. Бригадир слесарного участка Анатолий Сергеевич Советников — он первым среди водоприборцев выполнил пятилетний план — тоже считает, что сделать это можно и нужно...

Потом речь заходит о поездке в ГДР советской партийно-правительственной делегации во главе с Леонидом Ильичом Брежневым. Нет сегодня для рабочего человека новостей важнее этих. И с заинтересованностью, детально говорят в коллективе о дружбе социалистических стран и о том большом вкладе, который внес в эту добрую и крепнущую дружбу визит нашей делегации.

...Подходит к концу рабочая смена. Прошла она удачно, да и разговор сегодня получился. Хороший, доверительный разговор. И в том же механосборочном, и в приборном, да и на других участках и в цехах тоже. Не обо всем успели поговорить, не все обсудить? Наверное, это не беда. Такие беседы поспешности не терпят. Тем более что политдни прочно вошли в практику партийной организации и дирекции завода «Водоприбор». Следующая встреча близка, состоится она точно по графику, тоже во вторник...

В механосборочном идет беседа...

общение людей, особенно молодых, к чтению первоисточников! Читать Ленина — наслаждение. И надо, чтобы это наслаждение испытывали новые и новые люди, особенно только вступающие в жизнь. А ведь некоторые, к сожалению, не подозревают о такой разновидности счастья, как личное общение с классиками марксизма-ленинизма!..

Нина Сергеевна больше всего страшится шаблонов в политическом просвещении: «Шаблон, формализм ведут к бездуховности, равнодушию к самому живому и так нам всем необходимому учению». Она много работает над лекционной методикой, искусством общения с довольно подготовленными слушателями в наше время повсеместной телевизиации

и радиофикации, постоянно передает собственный опыт ориентации в потоке политической информации своим молодым товарищам — комсомольским активистам семидесятых. И ей в горьком комсомоле платят душевной привязанностью и вниманием к ее рекомендациям, — об этом мне сказал первый секретарь Чеховского ГК ВЛКСМ Вячеслав Архипов: «Душевная молодость и начитанность Нины Сергеевны настолько очевидны, что нам, комсомольцам, ну, никак нельзя отставать от нее!..»

Идеологическая комиссия Чеховского ГК КПСС — дело очень интересное по своему содержанию, наполненное заинтересованным поиском. Работать по старинке в такой сфере, как политиче-

ское воспитание, более уже нельзя. Помог чеховцам серьезный, многосторонний анализ состояния агитационной работы. Он выявил несоответствие многих агитаторов и политинформаторов новым задачам идеологической работы. Теперь на передний край важнейшего фронта борьбы за коммунистическое завтра выдвинуты люди высокообразованные, умеющие убеждать, сами увлеченные проработкой ленинских трудов, материалов XXV съезда КПСС, всей современной проблематики трудового и нравственного воспитания широких социальных групп населения — и на предприятиях и по месту жительства. Далее. К политической работе с трудящимися здесь привлечены все руководители заводов, фабрик, прочих

предприятий. А это ко многому обязывает! За планом многие стали различать лица подчиненных, не цифирь, а живых людей, обуреваемых вполне конкретными мечтами, страстями, наклонностями, помыслами. И работа с ними сразу обрела направленность иной силы и конкретности.

А комиссия во главе с первым секретарем горкома партии А. С. Коротковым, закрепляя найденное в повседневной целенаправленной работе с населением города и района, неустанно ищет новые пути к сердцам людей, новые источники духовной и политической оснстки граждан развитого социалистического общества. Земля великого гуманиста, народного радателя тоже обязывает. Район-то Чеховский.

«С задачами, которые партия ставит перед идейно-воспитательной работой, несовместимы встречающиеся еще боязнь открыто ставить на обсуждение актуальные вопросы нашей общественной жизни, тенденция сглаживать, обходить нерешенные проблемы, острые вопросы, замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни».

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

Иван Иванович Журихин

КОМИССАР СЕМИДЕСЯТЫХ

Собрание было бурным. Доярки вскакивали с мест, кричали, перебегали друг друга. Понять, чего они хотят и на что жалуются, было трудно. Тогда Таисия Михайловна Сопикова спустилась в зал и, перекрывая шум, негромко, но решительно сказала:

— Хватит, бабы, хватит! Пошумели, и будет! Я все уразумела. Вы считаете, что ферма запущена и хорошо работать невозможно. Создайте, мол, условия, и мы себя покажем. Так?

— Так! Конечно, так! — снова зашумели женщины.

— Ладно, посмотрим. Айда на ферму!

Когда пришли в грязный, неуютный коровник, передовая доярка района, кавалер ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции Т. М. Сопикова на секунду стушеввалась: она-то хотела продемонстрировать методы скоростной дойки, а тут, оказывается, надо начинать с азов. Но пропагандист есть пропагандист, иной раз приходится забывать про лекции да демонстрации и браться за лопату.

— И это называется халат? Ай-ай-ай! Стыд и срам. Навоз выгребать в таком халате и то неловко. Неужто постирать не можете?

Женщины стыдливо опустили глаза.

— А коровы-то, коровы... Батюшки-светы! Грязные, неухоженные, хвосты, что палки, бока в коросте. Домашняя-то буренка, поди, поносит и сияет, хоть бант к рогам привязывай.

Доярки неуверенно хохотнули.

— Вот что я вам скажу, подруженьки мои милые, — продолжала Таисия Михайловна. — Чтоб в окно не дуло, чтоб двери закрывались, корма чтоб вовремя подвозили, требовать, конечно, надо — это ваше право. Но свое рабочее место и свои инструменты, да-да, инструменты, надо содержать в порядке. Тут нечего надеяться ни на председателя, ни на этого красавца скотника. Да-да, ты, парень, не красней, а лучше

помоги: принеси-ка хороший гвоздь да крепкий молоток.

Когда сконфуженный скотник принес то и другое, Таисия Михайловна под общие недоуменные взгляды пробила в днище ведра десятка два отверстий и спросила:

— Вы как переливаете молоко в бидоны? Кладете на горловину марлю и потихоньку сцеживаете, да? А я не так. Вставляю в горловину продырявленное ведро, кладу на дно марлю — теперь оно вроде воронки с сеткой, — выливаю туда молоко и, пока оно сцеживается, дою следующую корову.

И тут на ферме поднялся такой грохот, что прибежал испуганный заведующий. Что же он увидел: доярки во главе с Т. М. Сопиковой колотили молотками, увлеченно «портили» колхозное имущество. Когда все ведра были продырявлены, Таисия Михайловна показала, как быстрее доить, как ухаживать за руками, как успокаивать нервную корову.

Не прошло и года, а ферма отстающего колхоза «Победа» стала одной из лучших в районе, даже хочет вызвать на соревнование «Маяк», где работает Т. М. Сопикова.

А теперь я должен признаться: ничего этого я не видел, но секретарь Бобровского райкома партии по идеологической работе Иван Иванович Журихин рассказал об этом так красочно и темпераментно, что оставалось только записать его слова.

— В районе около пятисот пропагандистов, — продолжает Иван Иванович, — столько же политинформаторов и более тысячи агитаторов. Большая сила! Одна из главных задач райкома партии — правильно использовать эту силу и так организовать работу, чтобы слово наших верных помощников дошло до каждого труженика района. И не только слово, но и дело! В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» есть такие слова: «Всемерно поддерживать все новое и

передовое, перспективное... Исходить из того, что рекордные показатели новаторов — не самоцель, а важнейшее средство мобилизации трудовой энергии масс на повышение производительности труда, мощный резерв повышения эффективности производства и качества работы». То, что сделала Таисия Михайловна Сопикова, на мой взгляд, лучшая форма пропагандистской работы. А передовые свекловоды С. И. Ветров и В. Е. Клейменов пошли еще дальше: собрав урожай у себя, они со своими звеньями и на своих агрегатах перебираются в самые отстающие хозяйства. Работая бок о бок с передовиками, свекловоды этих колхозов перенимают их опыт и на следующий год, как правило, уже не ходят в отстающих.

Три дня ездили мы с И. И. Журихиным по району, — а он достаточно велик: здесь шестнадцать колхозов и семь совхозов, — побывали на известном всему миру Хреновском конном заводе — родине великолепных орловских рысаков, посетили популярнейший у лесоводов страны лесхоз-техникум, племенной птицеводхоз «Большевик», а также ряд промышленных предприятий. И вот что важно: с кем бы мы ни говорили, никто не таился, не прятал концы в воду, не закрывал глаза на недостатки — их смело называли и тут же рассказывали, что делается для их устранения. Так могут поступать только сильные, уверенные в себе люди!

Раз в месяц в каком-то одном хозяйстве района проходит заседание Клуба общественно-политической информации. Обычно на такие встречи собирается все село. И в этот раз Дом культуры «Большевика» едва вместил всех желающих — более трехсот человек. И. И. Журихин рассказывал о ходе социалистического соревнования в районе, о том, какие шансы на победу у Бобровского района в традиционном соревновании с Лискинским, о вкладе «Большевика» в общие показатели и что

надо сделать, чтобы совхоз стал действительно лучшим хозяйством. А председатель райпотребсоюза И. Г. Шашко самокритично признал недостатки в торговле и бытовом обслуживании, ответил на многочисленные вопросы и рассказал, что будет сделано для устранения этих недостатков. Заместитель главного врача нового больничного комплекса Г. В. Бабкина не только информировала о работе больницы, но и дала много советов по профилактике различных заболеваний. Оживленную дискуссию вызвало выступление прокурора Н. П. Митрофанова: с трудовой дисциплиной в районе не все благополучно. Да и правонарушения есть. Немало нареканий пришлось выслушать заведующему отделом культуры райисполкома И. Д. Болгову: на весь район только две музыкальные школы, маловато книг в библиотеках, редко приезжают популярные артисты.

Надо было видеть, как болезненно реагировал на это выступление И. И. Журихин — ведь в прошлом он тоже работник культуры: окончив Воронежское культурпросветучилище, пришел в клуб, потом был киномехаником, заведовал отделом культуры в райисполкоме. Уже девятнадцать лет Иван Иванович на партийной работе, имеет диплом Высшей партийной школы, но своей первой профессии не забывает — он в курсе всех дел и начинаний клубов и домов культуры, а их в районе около пятидесяти. Много времени и труда отдал драмтеатру, хорошей капелле и театру кукол, которые носят звание народных. А в одном из клубов мне по секрету сказали, что в свои пятьдесят лет Иван Иванович недурно поет — у него приличный тенор.

— Деятельность клубов, домов культуры и народных театров, безусловно, важна, но сейчас акцент переносится на работу по месту жительства, — говорит Иван Иванович. — Взять хотя бы агитпункты, их у нас шестьдесят семь. Раньше они действовали только в

ЩЕДРОЙ БОРОЗДЫ, ПАХАРИ!

период предвыборных кампаний, теперь — круглогодично. Там читают лекции полтинформаторы, выступают руководящие работники района, там организуются встречи с интересными людьми. А народные университеты культуры у нас настолько популярны, что в их аудиториях собираются сотни человек. И вот что отрадно: на лекции приходят не только юноши и девушки, но также люди зрелого, а то и пожилого возраста. Раз такой наплыв, значит, дело налажено неплохо.

— А бывает ли так, что руководители хозяйств неправильно понимают все эти задачи? Вместо того, чтобы серьезно заниматься идейно-воспитательной работой, не прикрываются ли они порой словесной трескотней и пропагандистскими штампами?

— К сожалению, бывает. Например, руководители Чесменского конного завода, поднимаясь на трибуны, говорили, как хорошо работает клуб, как много бывает лекций, как здорово организован труд на полях и фермах, а на самом деле молодежь уходила из села, доярки работали вручную, редкие лекции были формальными и казенными. Должен признаться, что есть в этом и наша вина: поздно мы спохватились, редко выезжали в хозяйство и, как говорится, не заметили бревна в своем глазу. Теперь положение в корне изменилось. Активно работают и общественные организации Чесменского конезавода и новый директор: они правильно понимают вопросы коммунистического воспитания и организации соревнования. Словом, дело пошло на лад.

Когда я был в Бобровском районе, шла к концу осенняя страда — завершалась уборка свеклы. Я видел, как передовикам вручались «Благодарственные поздравления», подписанные первым секретарем райкома партии, а также заслуженными людьми района, как лучшие из лучших получали «Книгу хлеборобской славы», переходящие знамена, а отстающие... деревянного ежа. Этот полуметровый еж известен всему району, принимают его с неохотой, а поправив дела, передают другому с великой радостью. Я видел, как прямо в поле выступали лекторы и пропагандисты, как приезжали автоклубы с прекрасными агитбригадами, как замечательно пели и плясали воронежские девчата.

Ни одно из этих мероприятий не обходилось без прямого или косвенного участия Ивана Ивановича Журихина. Три дня провел я с ним бок о бок. Всего три дня... Но почувствовал, как любят этого страстного и увлеченного человека. И не только любят. Ему верят. К нему идут за помощью и советом, к нему обращаются в трудные и радостные дни. Высоко оценили его заслуги партия и правительство — И. И. Журихин награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть». И очень верную оценку он получил на одном из собраний. Когда слово предоставили секретарю райкома партии по идеологической работе, пожилой колхозник, звякнув орденами и медалями, наклонился к соседу и строго шепнул:

— Тихо! Комиссар говорить будет...

Воронежская область.

С волнением читаешь документы начала сплошной коллективизации, пятидесятилетие которой приходится на нынешние месяцы. Вот заявление, датированное 1929 годом. Его написала кубанская крестьянка Анна Лысина: «Прошу принять меня в артель, так как хозяйство мое маломощное, и я поняла, что только в сельхозартели есть улучшение крестьянского быта, а не в единоличном хозяйстве. Хозяйство мое — лошадь, ход, буккер, четыре едока. Прошу не отказать».

В заявлении этом все понятно. Только, пожалуй, молодому читателю следует пояснить, что буккер — это конный маломощный плужок, ловко рассчитанный заводчиками на неразменные крестьянские «четвертьлошадки».

Сколь многое видится нам с вершин Времени за этим выстраданным человеческим документом! В благодарной памяти советских людей навсегда сохранится мужество первых колхозников и совхозников (да-да, когда-то бывовал и такой термин), которые строили новую жизнь на коллективной ниве, нередко под обрезками злобного, беспощадного классового врага.

Рождение крестьянина новой формации, не сразу, не вдруг, а годами мучительно трудно преодолевшего вековые привычки мелкого собственника, является подлинным завоеванием общества развитого социализма.

Оставаясь крестьянином по изначальной сути своего ремесла, нынешний колхозник и рабочий совхоза гордятся своей принадлежностью к этой важнейшей профессии, активно вникают в управление делами на полях и фермах. Они понимают, что для подъема экономики и культуры необходимо повышать мастерство, рационально организовать труд. Крестьянину такого уровня и класса присуща необходимая и естественная, как дыхание,

потребность вести общественное производство на основе гармоничного сочетания достижений науки и передовой практики земледелия и животноводства.

Поистине воля и труд советского человека дивные дивы творят! Это наши богатыри-первоцелинники, ощущая постоянно щедрую помощь Коммунистической партии и всего народа, в короткие сроки подняли в Северном Казахстане, Зауралье, Сибири и других районах страны около 42 миллионов гектаров целинных и залежных земель. Бескрайняя нива эта ежегодно дает Родине миллиарды пудов зерна отменного качества. Преображается и «вторая» целина — благодатное Нечерноземье.

Это о труде человека, обновляющего землю, тепло и как-то по-особому проникновенно сказал поэт:

Для нее ничего не жалея,
Я лишился покоя и сна,
Стали руки большие темнее,
Но зато посветлела она.

Сегодня в нашей стране замечательный праздник — День работников сельского хозяйства. Но, право же, это не только их профессиональный праздник. Ведь все мы знаем, что забота о сельском хозяйстве — по велению сердца, ума и долга — делится у нас между тружеником полей и селекционером, механизатором и химиком, дояркой и конструктором, агрономом и пилотом гражданской авиации. Эта причастность выражена емким лозунгом: забота о развитии сельского хозяйства — дело партии, дело всего народа!

Потому-то тружеников села и чувствует нынче вся страна. Но и сегодня земледельцы не спешат к праздничному столу, и сегодня заняты они главным своим делом — несут трудовую вахту на коллективном поле. Готовятся завершить до осеннего ненастья уборку доброго урожая хлеборобы Омской и Тюменской областей,

целинники Алтая и Северного Казахстана. В эти дни они особенно ощущают помощь посланцев из других братских республик.

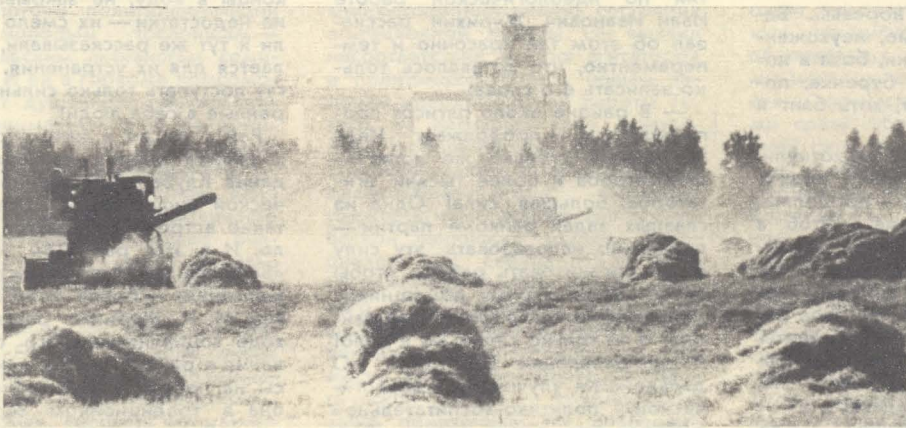
Растут рукотворные белоснежные «айсберги» на хлопковых хирманах в республиках Средней Азии, Азербайджане, Южном Казахстане. Дружно трудятся, приняв на вооружение ямпольский метод, свекловоды Украины, Кубани, центральных черноземных областей. Завершают страду мастера «второго хлеба» — картофелеводы Белоруссии и Подмосковья. Продолжается сбор «солнечных ягод» на виноградниках Молдавии и республик Закавказья.

Многочисленно усилены сейчас руки сельских тружеников — свыше 525 миллионов «лошадиных сил» работают на полях и фермах! А нынешняя аграрная политика партии ставит своей целью еще более увеличить энергетические мощности села. «На нашем государственном гербе», говорил на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев, — золотые колосья пшеницы. И это не случайно. Наш хлеб — это результат объединенного труда крестьянина, рабочего и интеллигента. Дальнейший подъем сельского хозяйства — неотъемлемая часть всестороннего экономического прогресса всей страны.

И те тракторы-ветераны, которые подняты на пьедесталы во многих колхозах и совхозах, — не просто дорогие сердцу реликвии. Они — олицетворение незыблемого союза рабочего класса, крестьянства, нашей трудовой интеллигенции.

С праздником, механизатор и агроном, доярка и руководитель хозяйства! Щедрой вам борозды, труженики земли! Весь народ желает вам удачи.

А. ПАНЧЕНКО

Уборка
на
Алтае.

Фото
В. Садчикова
(ТАСС)

И. Левитан. 1860—1900. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. 1895.

Государственная Третьяковская галерея.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР. ВОЛГА. 1891—1895.

И. Левитан. ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН. 1892.

СУМЕРКИ. СТОГА. 1899.

Государственная Третьяковская галерея.

ВЫСОКАЯ ЗВЕЗДА ОСЕТИИ

Максим ЦАГАРАЕВ,
лауреат премии
имени К. Хетагурова

*Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Вселенная — отечество мое.*

Коста Хетагуров

Популярность Коста Хетагурова огромна. О нем слагают песни, а стихи его подлинно стали народными песнями. Никто точно не знает имен авторов задушевных мелодий на слова любимого поэта. Седобородые музыканты были в каждом ауле, и стихи Коста волновали каждого. Песни его приходили в саблю горца, согревали душу, звали бороться и побеждать. К нему шли земляки за советом через заснеженные горные перевалы в любую погоду, в любое время, чтобы поведать о самом сокровенном, чтобы поверить в жизнь, поверить в завтрашний день.

Луч надежды — называли Коста Хетагурова горцы.

Есть одна притча, которая и поныне бытует в горах.

...Жил некогда в горах юноша. Бог не наделил его богатством, зато дал ему мужественное сердце. Невзлюбили юношу за это злодеи. При каждом удобном случае старались задеть его, оскорбить. А потом и вовсе решили убить. Однажды из-за угла выстрелили ему в затылок. Он упал мертвый, убийцы вынули из его груди сердце, швырнули на землю и придавили тяжелым камнем. Когда на следующее утро пришли односельчане, они не нашли камня, которым придавили злодеи сердце юноши, но на этом месте покачивались яркие, невиданные до этого в горах цветы. С наступлением ночи убийцы прокрались на скалу, вырвали с корнем цветы, растоптали их ногами. Но взошло солнце, и цветы расцвели еще краше, и прозвал их народ «мужественное сердце»... Не только за красоту почитает народ эти цветы. Говорят, что сорвать такой цветок может лишь тот, кто отправляется в далекий путь. Перед отъездом в присутствии всего аула он дарит этот цветок любимой девушке или жене. И нет в горах клятвы крепче и вернее, чем клятва, произнесенная при вручении этого удивительного цветка. И еще говорят, что никогда не вянет этот чудо-цветок — ни зимой, ни летом, ни днем, ни ночью. И знаете, о ком эта притча? О Коста, сыне Левана Хетагурова...

Сколько юношей дарило его бессмертные поэтические строки своим возлюбленным, сколько горцев уносило их с собой на битву с врагом, сколько раз они утоляли жажду в пути. Только в мужественном сердце могут родиться мужественные песни. Только в мужественном и в то же время нежном сердце могли родиться строки:

*Везде, для всех я песнь свою слагаю,
Везде разврат открыто я корю,
И грудью грудь насилия встречаю
И смело всем о правде говорю.*

Коста Хетагуров в своих стихах раскрыл душу, чаяния и страдания своей нации. Нынешний юбилей его совпал с восьмидесятилетием выхода в свет «Осетинской лиры» — «Ирон фандыр» — жемчужины осетинской литературы, ее вершины, ее гордости. Но стихи поэта горцы знали еще задолго до выхода «Осетинской лиры».

Если бы Коста написал только «Додой» («Горе»), «Мать сирот», «Солдат», и тогда бы он остался самой высокой звездой осетинской литературы. Две матери вскормили творчество Коста. Это фольклор, богатый ге-

роическими песнями, нартскими сказаниями, причитаниями матерей-вдов. Они вошли в кровь и плоть поэта. И передовая русская литература и русский язык. В борьбе за свободу он выбрал себе главным оружием идеи революционной демократии. Русский язык стал его вторым родным языком, на нем он написал стихи, поэмы, драматические произведения, рассказы, публицистические статьи. В них он поведал о горе и несправедливости своих собратьев.

Жизнь поэта — это сплошные гонения, ссылки, аресты. Но жестокие преследования лишь закаляли волю Коста, никто не мог оторвать его от народа. Он до конца своей жизни был верен заветам русской революционной демократии, смело прокладывал пути в будущее, всегда защищал вековые чаяния униженной и оскорбленной бедноты. Непримиимый враг самодержавия и царской администрации, он с надеждой протягивал руку дружбы великой России.

К. Хетагуров учился в Петербургской Академии художеств. И хотя не смог из-за нужды закончить Академию, школа мастерства Репина, Маковского, Сурикова была вершиной его мечты. Не смогло не сказаться на его творчестве и то обстоятельство, что на студенческой скамье в Академии рядом с ним оказались Серов, Врубель, Самокиш... В Петербурге сформировалось революционно-демократическое мировоззрение Коста, здесь он сложился как общественный деятель, как мастер слова и кисти.

Необычайно многообразно творческое наследие Коста, неустрашимого рыцаря свободы, который не уставал ратовать за революционное переустройство мира. Говорим ли мы о нем как о поэте или драматурге, о живо-

писце или о публицисте, перед глазами встает бессмертный образ воинствующего трибуна и борца. Борьба за счастье простых людей — смысл жизни и лейтмотив его творчества.

Чем больше проходит времени, тем творчество Коста становится нам ближе, тем многостороннее раскрывается глубина его поэзии, тем трогательнее воспринимаем его мужество.

*Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить...*

так определил сам Коста свое общественное назначение.

Всего двадцать лет напряженного творческого труда — и многочисленные стихи и поэмы, живопись, театральные постановки, работа в периодической печати... Ежечасно, ежеминутно находиться на страже прогресса, говорить и слагать песни не только о печали родной земли, но всеми средствами стремиться облегчить жизнь своему народу — это ли не гражданский подвиг поэта!

Как эхо в горах, как тяжелый стон, раздавался гневный голос Коста:

*Враг наш ликующий в бездну нас гонит,
Славы желая, бесславно мы мрем.
Родина-мать и рыдает и стонет...
Вождь наш, спеши к нам — мы к смерти идем!*

И пришел этот вождь — ленинская партия коммунистов, под ее руководством в Октябре 1917 года была свершена социалистическая революция, навсегда уничтожившая строй эксплуатации и несправедливости. Великий Октябрь поднял Осетию к жизни, открыл перед ней невиданные просторы. В братской семье свободных народов нашей страны Осетия обрела могучие крылья и уверенно идет в свой завтрашний день.

Продолжая традиции Коста Хетагурова, осетинские писатели создают художественную летопись своего времени, своего поколения, неся миру правду нашей революции. Писатели, художники, композиторы все чаще обращаются к образу своего учителя. Написаны романы, повести, стихи и поэмы, пьесы, художественные полотна, музыкальные произведения.

Любовь к осетинскому поэту безгранична. Он навеки вошел в сердца потомков, и слава его растет с годами. В Северной Осетии есть селение Коста, в Ставропольском крае — селение Хетагурово. Музей имени Коста... Национальный театр имени Коста... Колхоз имени Коста. Многие улицы, школы, парки культуры и отдыха носят имя великого поэта. Носить это имя — великая честь. Памятники певцу гор сооружены не только на родине, но и в Грузии, на Ставропольщине, в Карачае, в Народной Республике Болгарии.

Наследие Коста стало всеобщим достоянием. За годы Советской власти его произведения переиздавались 95 раз общим тиражом 1183 тысячи экземпляров на двадцати языках народов нашей страны.

Коста всем своим сердцем чувствовал близкие раскаты революционных бурь. Он писал:

*Ночь близится к концу... Ристалище раздора,
Везумной храбрости, насилия, грабежа
Уже становится ареною позора,
Разврата, пошлости, бесчестия, кутежа...
Минуты сочные, повсюду бьют тревогу...
Уж брезжит луч зари, играя на штыках...*

Более семидесяти лет отделяет нас от того дня, когда перестало биться мужественное сердце Коста Хетагурова. Но могучие аккорды его лиры приносят людям радость, помогают нам жить, любить и бороться.

КУРПСАЙСКОЕ УСКОРЕНИЕ

Юрий КОЗЛОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА
Специальные корреспонденты «Огонька»

Когда едешь по дорогам Киргизии, поднимаешься в горы, смотришь вниз, где в тесном ущелье бьется река, белая от пены, видишь, как пунктирная радуга играет над смещением воды, камней, голубого воздуха, — кажется, что энергия — субстанция, как известно, незримая и неосознаваемая, обретает почти физическую зримость. Кажется, само пространство над плывущей белой речкой насыщено энергией. Вот она — дикая, неприрученная — в пробитом сквозь горы русле, в тяжелом мерном гуле реки, в выглаженных, словно утюгом, камнях. Дух захватывает.

Каждая гидроэлектростанция, сооружаемая в горах, неповторима. Попробуй-ка разверни строительство в узком каньоне, где со всех сторон нависают скалы, где стройплощадка кажется островком над пропастью, где летом палит солнце, а зимой холодный, снежный ветер сбивает с ног...

Но ГЭС возводят. И энергия горных рек служит людям.

О строителях Курпсайской ГЭС — станции Нижнеарынского каскада этот репортаж.

ДОРОГА

Несмотря на то, что Курпсайская ГЭС считается младшей сестрой Токтогульской, взрослеет она не в пример быстрее. Когда строили Токтогульскую ГЭС, Нарын перекрыли спустя четыре года с начала работ, на Курпсайской — спустя два. Бетон в плотину Токтогулки пошел через три года после перекрытия, в Курпсайскую — через год! Впервые ГЭС мощностью 800 тысяч киловатт будет построена скоростным методом в течение одной пятилетки. Плотину и другие гидросооружения возводят бригады, для которых школой мастерства и опыта стала Токтогульская ГЭС. В Киргизии даже появился термин «курпсайское ускорение».

В чем причина этого ускорения? И долго ли ему длиться?

— Одна из причин, — сказал мне еще во Фрунзе начальник службы перспективного развития «Киргизглавэнерго» Григорий Пантелеевич Фесенко, — в том, что строителям Курпсайской ГЭС досталась готовая, хорошо функционирующая база, созданная во времена строительства Токтогулки. Автохозяйство, бетонный завод, полигон металлоконструкций — все под рукой, в Кара-Куле. Обычно подготовительный период к строительству ГЭС составляет несколько лет, здесь же он был сокращен до минимума. Хотя, конечно, небольшой вынужденный перерыв — одну ГЭС закончили, а другую еще не начали — был... Но зато, начав, постарались изначальный, самый тяжелый, нулевой цикл преодолеть с ходу, без простоев и нервов...

...И вот я еду в Кара-Куль. В этом молодом городе Киргизии находится штаб-квартира строительства Курпсайской ГЭС, трест «Нарынгидроэнергострой». Гидростроители пришли на Токтогульскую ГЭС семнадцать лет назад. Выходит, Курпсайскую ГЭС строит уже второе их поколение. Они не жили в палатках, не знали трудностей первых лет. Они пришли на налаженное строительство, и, естественно, их требования, взгляды на профессию, на организацию труда, на отношения внутри коллектива были уже иными. Что же нового привнесли гидростроители второго поколения, для которых Токтогульская ГЭС явилась своеобразным учебным комбинатом? Вспоминались слова Фесенко: «Там опытные руководители во всех звеньях, но все же советуем обратить внимание на среднее звено — бригадиров, мастеров...»

...Чтобы попасть из Фрунзе в Кара-Куль, пришлось пересечь на автобусе всю северо-западную Киргизию. Если смотреть по карте, то напрямик не так далеко, но прямого пути нет. По горам Тянь-Шаня вьется дорога, словно нитка на катушку, наматывается на высокие вершины. Одиннадцать часов идет автобус. Горная страна предстает в вертикальном разрезе. Хлебные, хлопковые поля, фруктовые

сады, бахчи, леса, цветущие луга, отары на зеленых склонах, юрты пастухов, речки, похожие на водопады, — все скоро останется внизу, шоссе забирается под самые облака на перевал. Здесь холодный ветер, камни, вечный снег, лишенный вблизи романтической ослепительности. Скорее серый, а не белый. Меняются за окном климатические зоны, и лишь одна деталь горного пейзажа неизменна: ЛЭП, протянувшаяся вдоль дороги. Глядя на почти сливающиеся с небом опоры, пристроившиеся на плоских пятачках среди гор, диву даешься — как их устанавливали? Это знаменитая линия Токтогульская ГЭС — Фрунзе. Ее некоторые отметки находятся на высоте свыше трех тысяч метров над уровнем моря...

Когда в 1971 году демобилизованный воин, а ныне бригадир монтажно-опалубочной бригады Леонид Колесник ехал по этой же самой дороге, линии еще не было. Она появилась через пять лет, и в этом уже была частица его, Леонида Колесника, труда.

— Как сюда попал? — вспоминает Леонид. — Жил в Донбассе, работал в строительно-монтажном поезде. Потом в армии служил. Однажды услышал по телевизору самый конец выступления заместителя начальника треста «Нарынгидроэнергострой» Петра Федоровича Шинко. Приглашал молодежь на Токтогульскую ГЭС. Четыре слова остались в памяти: «Город Кара-Куль, Токтогульская ГЭС». Отслужил, поехал...

Сидим в вагончике на насыпи. С одной стороны перекрытый Нарын устремляется в отводный туннель, с другой — створ плотины. Машины непрерывно подвозят бетон. Рабочий день в разгаре. Жара под сорок градусов. Однако в вагончике прохладно. Два кондиционера.

— Мелочь, казалось бы, — кивает на них Леонид, — а приятно. Работаешь на жаре, но знаешь, что есть место, где прохладно и куда ты можешь прийти. Может, за всю смену так ни разу и не придешь, но все равно приятно. «С двумя бригадами познакомлю, — сказал мне накануне начальник строительного управления «Курпсайская ГЭС» Владимир Николаевич Шевелев, — с Леонидом Колесником и Исламом Хамдамовым. Ислам — ветеран, с шестидесяти второго года здесь. Горячий. Порох... А Леня спокойный, голоса не повысит. Оба прекрасно работают».

Правда, то, что я успел узнать о Леониде Колеснике, никак не укрепляло в мысли, что спокойствие — главная черта его характера. Работал на Токтогулке плотником, потом стал бригадиром. Когда плотина выросла до скал, переквалифицировался вместе со своей бригадой в монтажников-верхолазов. Частенько

приходилось висеть на стропах на высоте, откуда люди кажутся липипутами.

Я спросил Леню про спокойствие...

— Спокойствие, — ответил Леня, — это же самое нормальное состояние человека. Когда, например, на меня в детстве кричали, я не понимал, чего от меня хотят. Мне почему-то всегда было жалко человека, который кричит. Раз кричит, значит, в чем-то сомневается, в чем-то неправ. Или разрядиться хочет. Трудно сохранить уважение к человеку, который кричит... Хотя бывают исключения.

Потом у нас разговор пошел о курпсайском ускорении...

— Дело, конечно, здесь не только в материальной базе, — ответил Леня, — хотя материальная база позволяет нам спокойно трудиться. И не только в производственном опыте, приобретенном на Токтогулке. Сейчас, мне кажется, настало время, когда количество затраченного нами труда переходит в качество. Буквально за несколько последних лет резко повысилась культура строительства. Говорю не о производственных — хотя о них можно говорить долго, — а о чисто организационных моментах. От Кара-Куля до Курпсай тридцать семь километров. А многие строители живут в Кара-Куле. Каждое утро к тресту подаются автобусы. Ровно столько автобусов, чтобы все уехали, никто не стоял. Приезжаем на место, переоблачаемся в раздевалках, идем работать. Обедаем в столовой, где обслуживают быстро, четко. Кстати, — вспоминает Колесник, — новую нашу столовую видели? Это же прямо произведение искусства! Ровно в шесть, когда смена заканчивается, — продолжал Леня, — едем на автобусах домой. Причем, заметьте, автобусы никогда не опаздывают и возвращаются в Кара-Куль колонной, так что все в одно время приезжают. В управлении на стендах висят объявления — хочешь в санаторий, пожалуйста. Хочешь в туристическую поездку за границу, — пожалуйста. Казалось бы, элементарные вещи, но я уверен, они способствуют курпсайскому ускорению. Где начинается организация, продуманность, то есть культура строительства, там нет места разгильдяйству!

Второй момент: мы приехали в Киргизию из разных мест. Но здесь прошла наша молодость, здесь мы женились, здесь родились наши дети. Киргизия стала их родиной. Мы теперь не пришлые люди — мы местные. Болеем за свой край, мечтаем сделать его богаче, краше. Значит, вдвойне заинтересованы работать быстрее, лучше. Не где-нибудь, дома у себя работаем. Тоже, наверное, причина ускорения...

РЕКА И ЛЮДИ

Нарын, крупнейшая река Киргизии, берет начало в горах Тянь-Шаня, пересекает республику с востока на запад и, сливаясь в Ферганской долине с Карадарьей, дает начало Сырдарье. По запасам энергии она не имеет равных в Средней Азии. Обманчиво спокойным кажется Нарын в своем течении между Токтогульской и Курпсайской ГЭС. Слово из светло-зеленого стекла его воды. Почти незаметны белые пенные гребни. И только когда понаблюдаешь за плывущим предметом, постигаешь скорость течения.

Ислам Хамдамов, бригадир бетонщиков, приехал строить Токтогульскую ГЭС семнадцать лет назад, в сентябре шестидесяти второго. Тогда на месте нынешнего Кара-Куля стояли две кибитки да три палатки, где жили строители. Нарын тогда был иным, куда более стремительным, берега в зарослях камыша. Ночью сквозь тонкую палаточную ткань слышались, как топчутся поблизости дикие кабаны. В горах только-только приступили к строительству дороги.

— У нас в Средней Азии отношение к воде священное, — сказал Хамдамов, — с детства только и помню: все разговоры в семье о воде. Я и решил стать гидростроителем...

Полным ходом идет укладка бетона в тело

плотины Курпсайской ГЭС. После того, как очередной слой бетона прорабатывают вибраторами, начинается «уход» за ним, то есть охлаждение. Тысячи струек воды дрожат над строительной площадкой. Поднимешь голову, словно среди древних фонтанов находишься, радуг не сосчитать.

Много новшеств, смелых инженерных решений опробовано на Токтогулке. Вот, скажем, крутится на крохотной площадке грузовая маневренная машина. Присматриваешься, вроде никогда такой не видел. Это бетоновоз «Нарын», созданный на базе «КраЗа». Кузов такой же вместительный, но короче. Разворачивается практически вокруг своей оси. В условиях горной стройки машина незаменима. Вот и трактор, к нему прикреплен пакетник с вибраторами. Трудоемкая операция — проработка бетона — здесь механизирована. А привозят бетон, как уже говорилось выше, из Кара-Куля, с бетонного завода. Почти сорок километров везут по дороге-серпантину. Бетон начинает схватываться через час. А тут добились, чтобы он схватывался только через два-три. Как? Добавляют патоку из отходов переработки сахара. Патока препятствует скорому схватыванию.

Смелое внедрение нового, готовность идти на риск, непрестанный творческий поиск на всех уровнях — тоже, несомненно, причина курпсайского ускорения.

И еще одну причину назвал Хамдамов:

— Интернационализм. В нашей бригаде, например, работают русские, киргизы, узбеки, таджики, украинцы, татары. Живем дружно. Средний возраст бригады тридцать лет, но есть и ветераны, вместе начинали Токтогулку строить. Иные пришли на стройку совсем молодыми из окрестных горных поселков. Что они видели, что знали о жизни? Работа в бригаде среди опытных, много повидавших людей позволила им преодолеть первоначальную замкнутость, вырасти профессионально и нравственно, расширить кругозор. — Он говорит «им», а имеет в виду и себя самого, работа на Токтогульской ГЭС дала ему многое. — Здесь, считаю, сформировалась как личность, получил профессию, определил призвание. Сейчас могу говорить и читать на русском, на основных среднеазиатских языках, понимаю татарский. Поездил по стране. В Кара-Куле у меня дом, сад, машина. Работа дала мне главное — ощущение, что не напрасно живу, что приношу пользу людям! Братья письма присылают: «Чего потерял в скалах? Возвращайся, хватит бетон месить!» Я отвечаю: «Здесь, в скалах, я своими руками создаю жизнь». Вода из Токтогульского водохранилища, прокрутившись в турбинах, идет на наши среднеазиатские поля. Значит, мы, гидростроители, даем полям воду. А вода — это жизнь, урожай, достаток! Было время, местные жители не очень охотно шли работать на ГЭС, не понимали, зачем они нужны. Вроде и без ГЭС раньше обходились. Сейчас поняли: без ГЭС жить нельзя. На Токтогульской, Курпсайской ГЭС растут национальные кадры гидростроителей. Это очень важно, потому что на Нарыне предстоит еще построить много станций. Нарын течет по территории Киргизии. Но я смотрю на выросшие здесь гидроэлектростанции и думаю, сколько сил, труда, энергии, мыслей вложили и продолжают вкладывать в них люди разных национальностей. Значит, Нарын — река интернациональная, правильно говорю?

Хамдамов оживленно жестикулировал... Я хотел спросить, чего это он так волнуется, потом раздумал. И так было ясно. Бригадир бетонщиков Ислам Хамдамов перестал отделять себя, свои дела, заботы от дел и забот стройки. А если человек принимает близко к сердцу дела и заботы огромного коллектива, ему можно простить, что он «Горячий. Порох...»

Здесь, на Курпсайской ГЭС, я познакомился со многими людьми, чьи профессиональные и моральные качества послужили для меня штрихами к обобщенному портрету нарынского гидростроителя.

В нем — этом обобщенном портрете — я вижу и черты начальника треста «Нарын-гидроэнергострой» Казбека Хуриева. Приезжая на стройку и закончив производственные дела, он внимательно выслушивает каждого по любому вопросу. Никому не говорит: «Зайдите потом. Этот вопрос мы решим в тресте». Потому что не так-то просто строителю, если он, скажем, живет за сотню километров от Кара-Куля, попасть в трест на прием к Хуриеву. Я видел, как Хуриев стоял под палящим солнцем, облокотившись на капот машины, и подписывал заявления...

Еще в портрете обобщенного гидростроителя вижу черты инженера Раисы Гузиевой. Четырнадцать лет назад — шестиклассницей — приехала она сюда вместе с родителями.

Окончила десятилетку, работала на Токтогульской ГЭС диспетчером, училась в каракульском филиале Фрунзенского политехнического института на вечернем отделении строительного факультета. Вскоре поняла, что строительного факультета мало. Поехала в Ленинград, поступила в институт. Окончила. Вернулась в Кара-Куль уже на Курпсайскую ГЭС. Сейчас инженер производственно-технического отдела. Все документы, сметы проходят через нее. И почти всегда Раисе удастся внести предложение, благодаря которому сокращаются производственные или денежные затраты на ту или иную операцию.

Также вижу в том портрете и черты Владимира Шевелева — начальника СУ «Курпсайская ГЭС». Он прошел все ступени современной стройки. Был мастером, прорабом, инженером... Его подразделения первыми внедряли в практику многие новшества. Беседуя с Шевелевым, чувствуешь ту образованность, широту мысли, без которых ныне крупный руководитель.

Еще вижу в этом портрете и спокойствие Леонида Колесника и горячность Ислама Хамдамова...

Наверное, каждый строитель Курпсайской ГЭС найдет, чем дополнить портрет.

Ведь как иначе объяснить, что когда Токтогульскую ГЭС в основном завершили, а Курпсайская еще не начиналась, и был вынужденный перерыв — серьезное испытание для людей, привыкших к динамичной, трудовой жизни, — его благополучно переждали, и почти все бригады в прежнем составе сейчас работают на Курпсае?

Как объяснить, что совсем недавно, весной, когда во всей республике было тепло, а в створе Курпсайской ГЭС свирепствовали ледяные ветры, строителям удалось натянуть в узком каньоне огромную крышу. Этот шатер позволил в самые сильные холода сохранять на площадке температуру не ниже шести градусов тепла. И укладка бетона в плотину не прекращалась ни на минуту...

ВИД С ГРЕБНЯ ТОКТОГУЛЬСКОЙ ГЭС

Высота плотины Токтогульской ГЭС двести пятнадцать метров. Вид с гребня открывается впечатляющий: с двух сторон нависают скалы, далеко внизу зеленой змейкой вьется Нарын, и кажется, до него гораздо дальше, чем до безоблачного неба. Оно-то совсем близко. Протягивай руку, хватай солнце!

«С Токтогульской ГЭС видно весь Нарын!» — шутят строители. Весь Нарын, конечно, не видно, но тем не менее в этой шутке заключена истина. Вспоминаю, что говорил Григорий Пантелеевич Фесенко: «В Нижне-нарынском каскаде войдет несколько станций: Токтогульская, Курпсайская, Ташкумырская, Уч-Курганская-нулевая — в этом году уже начато ее проектирование. Мощность каскада составит 2880 тысяч киловатт. Курпсайскую ГЭС построим за эту пятилетку (он постучал по дереву, чтобы не сглазить), а Ташкумырскую и Уч-Курганскую-нулевую — обе! — за следующую — одиннадцатую — пятилетку. Курпсайскому ускорению предстоит долгая жизнь. Придется приложить все силы, чтобы не сбиться, потому что отныне, как сказано в недавнем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, «оценка хозяйственной деятельности строительно-монтажных организаций и их экономическое стимулирование будут производиться по результатам выполнения заданий по вводу в действие производственных мощностей и объектов...». Строить, естественно, будет тот же коллектив. А когда каскад построят, — продолжал Фесенко, — управление им будет осуществляться с Токтогульской ГЭС. Соль в том, что каскад станет единым предприятием! Станции войдут в него как цехи. На Токтогулке с помощью электроники, телемеханики будет создана система управления каскадом. Для Средней Азии, где энергетика регулируется нуждами ирригации, централизованное управление каскадом — вещь жизненно необходимая!»

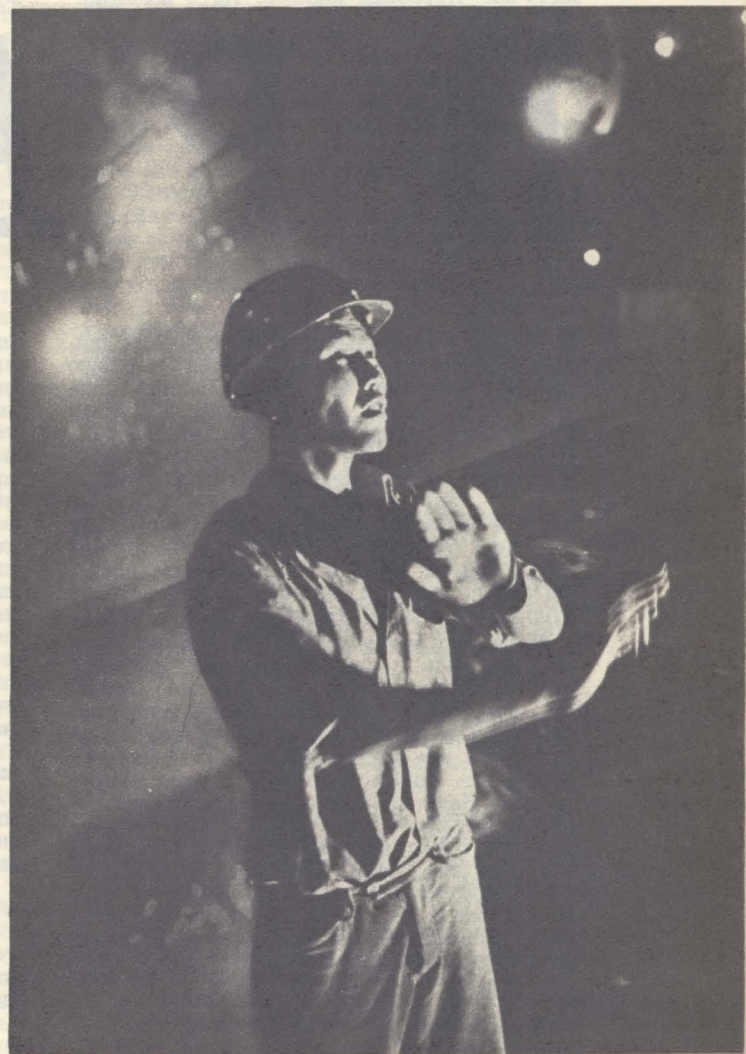
Да, впечатляющий вид открывается с гребня Токтогульской ГЭС.

Фрунзе — Кара-Куль — Москва.

Скалолазы ведут работы в створе ГЭС.

Монтажник ночной смены А. Кабаев.

На следующее утро Катя встала какая-то обновленная, было у нее такое чувство, будто позади осталась черная и жуткая полоса, она шла и шла по этой бесконечной полосе, спотыкаясь и падая от хлеставших в лицо жестоких бурь, вставала и снова брела, чувствуя, что силы иссякают, с ужасом думая, что же будет с детьми, когда она обессилит окончательно. И вот теперь вся эта полоса ровно бы кончилась, осталось переступить какую-то незримую черту, отделяющую ее от новой жизни. Удивительно только, что немного сил в ней еще осталось, она вдруг почувствовала, что сможет сделать этот последний и решающий шаг, было лишь жутковато его делать. Но, с одной стороны, жутковато, а с другой и хотелось. Хотелось, чтобы отец и Степан, вернувшись с фронта, похвалили ее. Хотя Степан-то теперь...

Катя, растопив печь, опустила на лавку, уронила на колени руки. В комнате было темно, в печи потрескивали, разгораясь, березовые полешки, по стенам, по оконным стеклам, сделавшимся перед самым рассветом еще чернее, подрагивали огненные блики.

Приставленные к огню чугуны — один с водой для чая, другой с варевом из картошки, горсти пшена и куска сала — стали закипать, а она все сидела, оцепеневшая. Того легкого чувства, с которым она встала, будто и не было. В голову больно теперь долбило и долбило: ну, не поймет Степан, так и что ж! Так что ж? В конце концов кто она ему такая? Не жена, не невеста даже, а так...

Она очнулась от того, что в своей кузне застучал Петрован Макеев. Катя вспомни-

Съев краюшку и допив чашку с кипятком, Катя при свете занимающегося дня прибрала свою постель, замела на полу мусор, загребла в печи прогоревшие дрова, приставила к загнетке упревать вареву, чуть прикрыла трубу. Делала все это привычно и бесшумно, дети, приткнувшись на печи головками друг к другу, спали сладким предутренним сном. На печи было тепло, дерюжка, которой они укрывались, лежала сбита у их ног. Катя осторожно расправила эту дерюжку, прикрыла ребятишек, накинула на себя вытертый полушубок и вышла.

Небо на востоке наливалось синью, но огней в домах не было, хотя почти все трубы дымились — из-за отсутствия керосина все бабы, как и Катя, управлялись с утренними делами в темноте, при отблесках топившихся печей. Во всей Романовке в этот ранний час светилось одно-единственное оконце в колхозной кузнице, и это желтоватое пятно да звуки молота о наковальню уже говорили, что начался новый день.

Глотнув утреннего апрельского воздуха, Катя запахнула старенький свой полушубок и пошла на желтый огонек.

Чем ближе она подходила к кузнице, тем отчетливее ощущала в груди тошноту. Она вспомнила, как очертя голову бежала недавно в морозный февральский день к кузне по этой же вот тропинке, как рванула настежь дверь, а навстречу ей уперлись две пары глаз — удивленные, с утра пьяненькие глаза Петрована Макеева и жестокие зрачки Артемия Пилюгина. «Давай подводу! Паризи-ит... — простонала она. — А ты, Петрован, уйди...» «Это, то есть, куда мне идти?» — спросил Макеев. Председатель и кузнец пили самогонку, стоя возле верстака. Всякие железки были отгребены чуть в сторонку, на счищенном месте стояла неполная бутылка, лежала на лоснящихся от угольной пыли досках полбуханки хлеба, две луковичы. Пилюгин сверкнул желтыми белками и, продавливая ей перепонки, произнес: «Куда, куда, вишь, закуски совсем нету. Сбегай к нам, скажи Лидке, что я велел...» Он говорил, может, и тихо, но голос его больно отдавался в ее ушах. Потому что в этом его голосе она отчетливо слы-

лот вздымался и опускался, обрубок он после каждого удара переворачивал, железо на виду плющилось, конец обрубка заострялся.

Обковав обрубок со всех сторон, кузнец кинул его в кадуюшку с водой, вода зашипела, выбросила комок пара.

Положив на верстак клещи, кузнец повернулся к ней, вытирая грязной тряпкой руки.

— Ну что ж, Катерина... Все я накую тебе. Боронешки всякие там, плуги починю! А тама и конные грабли налажу и все такое прочее. Все будет в аккурате.

— Правда?! — по-детски спросила Катя. Она как вошла, так и стояла возле дверного косяка, не зная даже, о чем и говорить-то с кузнецом, не очень-то и представляла, зачем пришла в кузницу.

— Об кузне, словом, ты не беспокойся. Это я тебе говорю.

— Спасибо, Петрован! — с чувством воскликнула Катя.

— Да что спасибо — сеяться ж вот-вот.

А больше они не сказали друг другу ни слова. Катя, не думая в эту секунду о том, что произошло тут зимой меж ней и Пилюгиным, просто случайно бросила взгляд на лежанку. И Макеев невольно как-то посмотрел туда же. Уловив этот его взгляд, Катя вспыхнула вся огнем, опустила голову и стояла как истукан, не в силах двинуться с места. И кузнец тоже смехался, кашлянул. Припадая на короткую ногу, он повернулся к горну, вытащил клещами красноватый с одного конца железный обрубок, сунул его обратно, взялся за качалку мехов, принялся дергать ее за веревочную петлю.

Катя все стояла и стояла на прежнем месте, опустив голову. Макеев, не глядя на нее, сердито дергал и дергал качалку — длинный березовый шест.

Наконец она с хрустом повела головой вбок, к дверям, мучительно заставив, качнулась туда всем телом и выбежала из кузницы.

* * *

Позже, когда от Пилюгина родилась у нее Фроська, и еще потом много лет спустя

В Р А Ж Д А

ла, что все эти недели, с того самого дня, когда привезла она из района мертвую Доньку, Петрован вел себя в полной трезвости, и подумала: человек он ведь добрый и славный, одинокая его жизнь тоже не сладкая, оттого он и хлестал эту проклятую самогонку. И тут же с тревогой мелькнуло у нее — как бы опять не запил! Как это Макеев сказал, когда с Дорофеевым да с дедом Андроном заявили они к ней? Зарок, он на срок, у меня не заржавеет... Да ежели что, так надо его от этого как-то отворотить, удержать от погибели...

Катя встала, выдернула из печи кипящий чугунок, плеснула в чашку кипятку, принялась жевать черную, засохшую краюшку, макая ее в плошку с солью. Вчера вечером ее долю картошки дети съели, а кусок хлеба все же не тронули, краюшка так и осталась лежать на столе, прикрытая тряпкой. Катя представила, как детям хотелось съесть и эту краюшку, и как Захарка запретил это, сказав: «Совсем бессовестные, что ли, а мам-Кате чего? Свое слопа-ли — и будет». Она слышала вчера эти слова сквозь сон и сквозь свои обрывочные мысли и, вспомнив их сейчас, почувствовала в груди прихлынувшую теплую волну.

шала злорадство, видела хищный блеск его глаз. Макеев ничего тогда не слышал и не видел и ни о чем спяну не догадывался, но она-то все понимала. И еще ей казалось тогда, что с момента, как она кинулась искать председателя, прошло много-много времени, что Донька совсем, может, уже и задохнулась. Она скользнула обезумевшим взглядом по кузне, увидела на лежанке, где спал кузнец, какую-то сумку поверх тряпья, схватила ее и сунула кузнецу: «Вот... Ступай!» «Да ты... ты с нами, что ль, выпить хошь?» — выпучил удивленные глаза Макеев. «Уходи-и, болван!» — завизжала Катя и стала его толкать. От ее толчков кузнец попятился, обескураженно протянул: «Поворо-от!» — и вывалился в двери, сдернув на ходу с гвоздя шапку и тужурку...

Все это пронеслось в мозгу Кати стремительно, она, чувствуя, как накапливается где-то в ней омерзение, хотела повернуть назад, остановилась. А потом опустила голову, сделала два-три быстрых шага к кузне и рванула тяжелую дверь.

Петрован Макеев ковал зубья для борон. Увидев Катю, он поднял голову.

— А-а... Здорово ночевала, председатель, — кивнул он и, зажимая клещами раскаленный до белизны обрубок железа, продолжал бить по нему молотом.

Работал он легко и красиво, тяжелый мо-

Катя часто пыталась восстановить в памяти первый месяц ее председательствования, но припомнить все подробности никогда не могла. В памяти ярко осталось только это раннее апрельское утро, когда ночной сумрак едва начал рассасываться, скрип подмерзшего за ночь снега под ногами, когда она, вылетев из кузницы, побежала в темноте куда-то. А потом — сразу светлый и теплый майский день, позеленевшие сопки, по склонам которых рассыпалось колхозное стадо, резко пахнущая свежеразвороченной землей пашня, где она замеряла глубину заделки семян, и чудовищные в своей жестокости, негромкие слова Дорофеева: «Тебе надо найти в себе мужество, Екатерина Даниловна. На фронте погиб твой отец. И Степан Тихомилов погиб...»

А между этим темно-синим апрельским утром и солнечным майским днем существовал провал, в памяти маячили какие-то неясные картины. Вот вроде она, Катя, растерянно стоит в семенном амбаре, где лишь по углам насыпаны небольшие горки пшеницы, а Легостаева Евдокия — кладовщица Легостаиха, как ее все называли, угрюмо роняет слова: «А кажинный год мы без семян. Все на фронт сдаем. Кажинный год с району семян-то дают. Ты и ступай просить в район...»; вот она сидит в гулком кабинете Дорофеева, и секретарь райкома,

кутаясь в истертую шинель, говорит: «На фронт... Спросить бы вот сейчас с Пилюгина, почему семян нету! Что ж, что-то будем придумывать... И вообще по мере сил поможем тебе сев провести. В МТС я говорил с директором, чтоб он особое внимание к тебе как к молодому и неопытному председателю. Да и самой тебе нелишне в МТС-то съездить.»; вот она на дворе районной конторы «Заготзерно» лично перевешивает мешки с семенной пшеницей, вместе с кладовщицей Легостаихой да с дедом Андроном таскает их на подводу...

Всплывали иногда в памяти и другие какие-то сцены — не один раз, кажется, по мере того, как вытаскивали сопки и солнечное тепло съедало снег на пашнях, собирала она в недавно побеленной конторе бабенок, распределяя сообща, кому скот пасти, кому в прицепщицы на пахоту пойти, кому в сеяльщицы, в доярки. На этих собраниях громко и подолгу, порой до слез, спорили и препирались, у каждой бабы являлись причины, не позволявшие ей отрываться от дома, от детей... Не один раз бывала Катя в МТС, умоляла безрукого директора Гайдукова то начать поскорей пахоту, ибо земля пересыхала, то как-то побыстрее починить без конца ломавшиеся тракторики. Их всего-то было выделено для колхоза два, ломались они то попеременно, то оба враз... Не однажды и сама она садилась то на прицеп, то становилась на сеялку, проводила в поле от зари до зари, оставив детей, как всегда, под началом девятилетнего Захарки...

Но все это происходило будто давно-давно и время как бы затерло все подробности, люди виделись Кате сквозь какую-то плотную дымную мглу. Все дела и события этого месяца заслонило ужасное сообщение Дорофеева, солнечный свет для нее потух, а воздух кончился, и она задохнулась...

В тот день заканчивали сев, трактор таскал сеялку на последнем гектаре пашни. С утра Катя съездила на ходке за бывший пилюгинский хутор, где была посеяна озимая рожь. Когда-то Кузьма Тихомилов хотел поставить на плотине взамен сгоревшей мельницы новую, да на другую же весну после организации колхоза случился небывалый паводок, плотину сильно размыло, заделав сразу же промыв не было у колхоза сил, а в последующие годы земляную насыпь внешние воды уничтожили окончательно.

Катя поглядела, как развиваются озимые, осталась довольна, всходы были дружные, хлебное поле лежало между двух пологих холмов сочным изумрудным пластом, лоснилось под веселым и щедрым солнцем.

Катя была в крепких солдатских сапогах и новой юбке из синей грубой материи, сшитой недели две назад. Эту материю, целых десять метров, и сапоги ей выдали по звонку Дорофеева прямо на складе райпотребсоюза. Она приехала тогда в райком решать вопрос о семенах, Дорофеев глянул на ее разбитые ботинки с отваливающимися подошвами, на изношенную, в нескольких местах залатанную юбку и без всяких слов снял телефонную трубку, вызвал председателя потребкооперации. «Нет, нет! — испуганно воскликнула Катя, услышав о чем идет речь. — У меня денег нет. Не на что купить-то, не надо...» «Ладно, это за счет райкома, — сказал Дорофеев. — Распишись только там. А то в чем по весенней грязи ходить будешь, посевная ведь». Из этой же материи она сшила рубахи всем троим парнишкам, юбку с кофточкой Зойке, истратив все до лоскутка. У самой нее никакой хоть мало-мальски приличной кофточки тоже не было, но она решила все-таки обшить сперва ребятишек, и сейчас с грустной улыбкой вспоминала, как блестяли глазенки детишек, когда примеряли обновки, сколько это доставило им радости.

Еще она думала, что Дорофеев, этот исполосованный на войне, больной человек, сделал в ее жизни что-то огромное и необъяснимое, произвел какой-то полный переворот. И в ее доме все было теперь вроде по-другому. Вроде поменьше хныкали вечно голодные ребятишки — это Захарка им внушал, что раз мам-Катя председателем ста-

ла, так и им надо поменьше сопلي-то распускать, а получше помогать ей по домашности, когда, мол, самой-то ей теперь. Да, сильно ее поддержал Дорофеев, а сам вот все больше чернеет и сохнет, как подсолнечный будыль в осенние заморозки, и, кажется, долго ему не протянуть. Господи, до чего же жестока и несправедлива жизнь! Дорофеева вот сожжет болезненная зараза, возникшая в результате фронтовых увечий, хотя молодой еще, сколько бы еще пожил и радостей людям сделал, а вот старая и злющая на весь мир Федотья Пилюгина долго будет жить и жить, сам черт ее не возьмет, не то что какие-то болезни. И до чего же дошла старуха в своей ненависти к ней, Кате, как завидит, прямо раскалется добела, как железный обрубок в горне кузнеца Makeева. Сегодня утром вот, попавшись на пути к конюшне, загордилась, растопырившись, путь, закричала на всю деревню: «Вонючка мокрохвостая! Отклева сапоги-то добыла, ишь, разнарядилась, и юбка новая! И паршиват своих в новые рубахи раздела...» Артемушка фронтовик был, не тебе чета, а ни разу таких обновок с району не привозил. Кто тебе это дал? Али склешилась там с кем, как сучка...» «Умолкни ты, старая ведьма!» — громко, по-бабы закричала и Катя, оскорбленная до невозможности, а Федотья будто того только и ждала, завизжала еще пронзительней: «А-а, рот мне затыкаешь, значит, угадала я! Да тебе блудить разве без привычки, все под Артемушку, нахальница, подстеливалась! Это только Лидка-дуря прощает тебе...»

Слышали этот истошный Федотьян крик и Лидия, и многие бабенки, случившиеся поблизости, и дед Андрон, копошившийся на конюшне. Едва-едва Катя не вцепилась в ее жидкие белые волосенки, выбившиеся из-под платка, и не начала возить по земле, неизвестно как и удержалась, до боли стиснула зубы и прошла мимо. Запрыгав потом мерина в дрожки, дед Андрон проговорил: «И как не захлебнется, змея облезлая, злобой-то своей ядовитой. А ты, Катерина, не майся... Плюнь да разотри». «Ну ладно, не успокаивай ты меня, как маленькую! Тот утешает, другой утешает!» — зло бросила ему Катя, грубо вырвала вожжи, хлестнула лошадь и покатила.

Потом Катя казнилась, что зря обидела доброго старика, он-то при чем, он от хорошего сердца это ей сказал ведь.

Сверху припекало щедро, по пологим склонам холмов шныряли и перекликались суслики — этих вредных зверюшек, жиреющих к осени на колхозных хлебах, тут водилось множество. В распадках, по которым струились светлые и холодные ключи, лежали будто зеленые облака — то распустилось всякое разнотравье, блестя под солнцем молодой листвою. В кустарниках ошалело кричали птицы, устраивая свои брачные гнезда. Что бы ни происходило в жизни людей, природа начинала свой вековой годовой круг, в земле, прогретой солнцем, бродили живые соки, питали корни трав и деревьев, пробуждали таинственную силу, заложенную в каждом семени, упрямо стремились дать потомство.

Мерин, не чувствуя вожжей, тащился шагом, звука копыт и стука колес по затравенной уже дороге почти не было слышно.

Подъезжая к пашне, по которой ползал одинокий трактор с сеялкой, Катя снова вспомнила противный голос Федотьи: «...под Артемушку подстеливалась!» И у нее привычной уже болью насквозь прокололо сердце: месячных-то ведь так и нету, будто уж и не женщина она, что же это такое, неужели ей еще этого не хватало?! Слава богу, ничего она в себе такого не чувствует да и не знает, как это происходит, никогда ведь не испытывала, а спросить у кого стыдно. Говорят бабы — то тошнить начинает, то поясницу вдруг разломит, а после и кожа на лице потемнеет. Но слышала Катя, что и по-другому бывает, долго никаких вроде знаков и примет, а потом сразу и ворохнется под сердцем живое. Давно она жила в великой тревоге, и как бы каждодневные дела да заботы ни приглушали ее, беспо-

койство все нарастало, она все чаще прислушивалась к себе, все чаще разглядывала свое лицо в осколок зеркала. Нет, ничего, кожа лица стала лишь грубее, обветрилась под морозами и ветрами, да это у всех баб в Романовке к весне так. Пронесла бы, миновала бы ее эта чудовищная беда, иначе ведь хоть в петлю...

Но это была одна боль, грызущая ее мозг, а рядом жила другая, терзающая и без того проболевшее до дыр сердце, — писем ни от отца, ни от Степана так и нету! Ни писем, ни тех страшных известий, которые получили с фронта почти все романовские бабы в казенных конвертах, — ничего. Да что же это такое, что там с ними? Сама Катя писала им, отправила за апрель и в начале мая по два письма тому и другому, письма не возвратились, значит, они их получили. А может, оттуда письма и не возвращаются? У Кати голова шла кругом. Но она только крепче сжимала зубы и молчала. Хороший совет дала ей счетоводиха Марунька — сжать зубы да молчать. Оно от этого не легче, да чего другого-то остается?

Подъехав к краю пашни, Катя оставила лошадь на дороге и, поглядывая на холмы, за которыми осталась Романовка, сделала по засеянной земле несколько шагов. Там, на склонах холмов, паслись колхозные коровы и овечки, а пастушила их с самой весны Лидия Пилюгина. Лидия эта, слава богу, женщиной оказалась старательной, более того, она тайком от Федотьи потаскивала на ферму молоко от своей коровенки, подпаивала самых слабых ягнят и до травы выходила всех. И телята за малым исключением почти все выдюжили, вон как резво сейчас бегают по косогору. Вот отсеялись, теперь передохнуть чуток да на сенокос надо нацеливаться, накосить, чтоб на зиму хватило, так, глядишь, и животноводство мало-мальски укрепнет в колхозе. Да если еще урожай бог даст да погоду в страду — вот и не стыдно будет встречать с войны отца со Степаном, почтай, из всех мужиков они одни покида... Живые, живые они, не может того быть, чтобы... Хорошо, что я не написала отцу-то про Мишку, зачем ему знать, что у них тут приключилось, да и как про все это расскажешь в письме?

Переворачивая в голове такие мысли, Катя вынула из кармана пиджака обыкновенную ученическую линейку, взятую у Марии, опустила на колени, стала осторожно разгребать теплую землю, разгребала ее до тех пор, пока в глубине ямки не блеснули пшеничные зернышки. Ткнула линейку в ямочку — глубина заделки семян была нормальной. Катя поглядела на дальний конец поля, по самому краю которого ползал малосильный колесный трактор. За его рулем трясался на железном сиденье молоденькая и легкомысленная по первому впечатлению девчушка по имени тоже Катя, а по фамилии Гайдукова. Однорукий директор МТС, когда еще в апреле Катя Афанасьева обивала пороги его пропахшей соляркой и мазутом конторы, пообещал ей: «Ну сказал же, что лучших тебе трактористок дам. Дочку свою в твой колхоз занаряжу. И ты не гляди, что она вроде как ветреная и слабосильная...» Катя Гайдукова была девчонкой хрупкой, все беззаботно похотывала, приливы смеха вызывало у нее буквально все — неловкое чье-то слово или поступок, мелькнувшая в поле зверюшка, какая-нибудь своя собственная оплошность. Но дело свое делала как положено, без брака, и проверять за ней ничего было не надо, но Катя вот проверила, чтобы еще раз укрепиться в своей благодарности к этой девчонке, по годам ее сверстнице, если не моложе.

Заравнивая ямку в пахоте, Катя увидела, что из низинки, в которую сбегала проселочная дорога, поднимается райкомовский ходок, а в нем сидят двое, сам Дорофеев и директор МТС Гайдуков.

Пока Катя шла к своим дрожкам, туда же подъехал и ходок. Дорофеев натянул вожжи, поздоровался, а Гайдуков спросил: — Заканчиваете?

В это время как раз и замолк трактор, ставивший сеялку с посевного поля на

обочину, Катя увидела, как кладовщица Легостаиха, работавшая всю весну сеяльщицей, сдернула с головы платок и принялась вылапывать его от пыли.

— Вон закончили как раз. Все!

— А в Березовском колхозе все валандуются. — И, кивнув на трактор, Гайдуков прибавил: — Счас Катюху туда перебросу.

— А я, Логовей Ильич, просить хочу... чтоб к нам Катерину-то на уборку. И на сенокос также.

— Ишь ты, понравилась, значит, ей трактористка твоя, — проговорил Дорофеев, сходя на землю. — Ну, поздравляю с завершением посевной. Первой посевной в твоей жизни, Екатерина Даниловна.

Солнце жарило, директор МТС был в одной рубашке-косоворотке из черного ситца, а худые плечи секретаря райкома партии, несмотря на теплынь, обтягивал толстый суконый пиджак, под пиджаком была надетая еще военная, наглухо застегнутая гимнастерка.

— Первая, да бог дай, чтоб и последняя, — проговорила Катя.

Секретарь райкома глянул на нее из-под рыжеватых, тоже сильно исхудалых бровей как-то неодобрительно. И Катя добавила:

— Еще когда сообщалось, что на протяжении больше четырехсот верст наши к границе вышли. И дальше немца гонят. Может, к осени война и закончится... отец вернется...

Говоря это, Катя увидела, как дрогнули брови Дорофеева, как медленно опустил он глаза и прикрыл их усталыми веками, а директор МТС, сгорбив спину, начал зачем-то ворошить лежавшие в ходке дождевики.

— Не вернется, — услышала она тихий голос Дорофеева. И в первые секунды вовсе и не поняла, что это такое произнес секретарь райкома, что означают эти слова. А Дорофеев так же медленно, как опускал, стал поднимать тяжелые веки, все открывал и открывал свои глаза, переполненные виной и болью, и боль из его глаз стала переливаться ей в самое сердце, в уши, во всей голове гулко забарабанило.

И сквозь этот гул пробивались еле слышимые, но острыми холодными ножами пронизывающие ее насквозь слова секретаря райкома:

— Тебе надо найти в себе мужество, Екатерина Даниловна. На фронте погиб твой отец. И Степан Тихомилов погиб...

Директор МТС Гайдуков все рылся и рылся в ходке, горбятя черную спину. Дорофеев потянул руку под пиджак, из нагрудного кармана гимнастерки вытащил какие-то бумажки, и Катя увидела, что это два конверта, согнутые пополам. Боясь, что Дорофеев сейчас протянет ей эти конверты, она загордилась от них ладонью, попятилась и хрипло выдохнула:

— Вы что?! Уберите...

— Они пришли давно, да вот никто не знал, как тебе... сообщить.

Будто ница защиты от этих безжалостных слов Дорофеева, от его худой и злобейшей руки, действительно протягивающей ей конверты, она кинула беспомощный взгляд в одну, потом в другую сторону. Но справа от себя увидела лишь те же пологие холмы, рассыпанных по склонам сопок коров и овец. А слева, прямо через засеянное поле, и в самом деле шли к ней на помощь вроде Катя-трактористка да кладовщица Легостаиха. Но что это идут-то они так медленно! Будто ничего и не знают, вон о чем-то спокойно переговариваются, а трактористка помахивает себе зажатым в руке платком да еще и похихивает...

Она еще раз бросила обезумевший взгляд на Дорофеева. Протягивал он теперь ей конверты или нет — Катя Афанасьева не видела. И лица его не видела, не различала, его фигура и фигура Гайдукова обрисовывались смутно, они будто находились за толстым туманным пластом. А дальше, высоко над ними, за таким же толстым пластом торчал белесый круг солнца, и этот круг начал вдруг приближаться, быстро увеличиваясь до невероятных размеров, обжигая нестерпимым жаром. И уже защищаясь от этого испепеляющего огня, Катя прокричала на все поле страшным голосом

«Не-ет!», повернулась и побежала навстречу подходящим женщинам. Но сил хватило сделать только несколько шагов, ноги подломились, и она рухнула лицом вниз, в разогретую солнцем землю, только что засеянную тяжелым зерном.

* * *

Несколько дней она лежала дома без всяких чувств, онемевшая, почти ничего не пила и не ела и вроде даже не плакала — так, промокнет платком бесшумно наполнившиеся глазницы и снова лежит молча, смотрит в потолок.

Дети в первый день поскуливали, как щенята, горше всех всхлипывал Захар. Что ж, подумала Катя без удивления, как-то равнодушно, он самый большой из Тихомиловых, шесть лет ему было, как уходил на войну Степан, он только и помнит отца. Но Захар же и покрикивал на остальных: «Разнюнись, умолкните! Без вас мам-Кате тошно...»

Мало-помалу дети утихли, шебуршились по углам, будто мышата, а потом стали заниматься своими обычными делами, утром, пожевав чего-то, убегали из дома. Катя слышала за окном их голосишки, тревожно думала иногда: «Еще сказать, чтоб далеко не убегали, Пашка-то Пилигину прибьет же их. Или он из Березовской школы еще не приехал?» Но когда дети возвращались в дом, ничего им не говорила.

Несколько раз появлялись в доме Марунька-счетоводиха, дед Андрон и даже болезненная бабка Андрониха, они о чем-то спорили, что-то делали по хозяйству, но Катя и на это не обращала внимания, она лежала, отвернувшись к стене, все ей было безразлично, и загорись дом, она бы не пошевелилась: какая разница, сгорит он или не сгорит, будет завтра новый день или так и не займется, жить ей теперь все равно нечего.

Однажды, пробудившись от ставшего уже привычным забытья, она услышала в доме голос кузнеца Макеева:

— Свари лапшу из этого куря, да силком ей жижу хоть сквозь зубы влей. Тут мукй вот еще и на кашню хватит.

«Он-то зачем тут? — с удивлением подумала она о Макееве. — Еще куря какая-то, мукá...»

Но вслух тоже ничего не сказала.

В другой раз та же Марунька, уже под вечер, толкнув ее, сказала:

— Гляди-ка, чего я привезла тебе. От Мишухи твоего письма.

Это было первое письмо от братишки из заключения. Катя шевельнулась, разлепила горячие губы:

— От Мишеньки?! Ну что ж ты, читай...

Мишка, добрая душа, слал всем поименно поклонны, спрашивал, живы ли и здоровы все их с Катей малолетки, как она там с ними управляет, наказывал особо следить за Игнатием, потому что «он, дурак заплотный, любит на деревья лазить да качаться на ветках, и брыкался оттуда даже при мне не раз». И лишь далее сообщал, что находится не в тюрьме, а в колонии, конвою за ним никакого нет, работает в тепле, в картонной мастерской, клеят они большие коробки для махорочной фабрики, в которых якобы солдатам на фронт табак отправляют. «А самое-то главное, Катя, в чем? На следующий год я учиться буду, — делился радостью Мишука. — Начальник колонии тут, Катя, хороший, он вызывал меня, расспросил обо всем, за что меня осудили...»

— Ну-к, дай сюда, — востепенулась на этом месте Катя, вырвала письмо и стала дальше читать про себя: «...ну, я ему, Катя, все рассказал без утайки про Пилигина, ты уж прости... Про то, значит, как Донька наша помирала. Он, конечно, начальник-то, не похвалил меня за Пилигина, да и, сдалось мне, не шибко и осерчал, он только головой покачал, белая у него голова-то, как у дедушки Андрона, да сказал, что начальник мастерской меня хвалит, что если я так же хорошо и дальше буду работать, то на следующий год он меня в школу учиться определит, а то, говорит, что ж это

такое, молодой парень, а окончил всего четыре группы...»

В конце письма Михаил просил об нем не изводиться: «Тут, Катя, конечно, и шпаны всякой имеется, да я с ними не якшаюсь». И в заключение спрашивал, пришли ли письма от бати да от Степана Тихомилова, как они там воюют, просил передать им тоже его поклонны и объяснить, что он «не извергом вырос, а Пилигина Артемия еще бы дважды без жалости убил, как фашиста...»

Катя читала, слезы капали на жесткий грубый листок, промачивали его насквозь. Потом это промокшее письмо она спрятала на груди, будто хотела высушить теплом своего тела, и снова лежала на кровати, отвернувшись к стене, без движения до утра.

А утром, едва разбелилось в доме, снова появился дед Андрон, не опасаясь разбудить детей, сон их на рассвете каменный, громко затопал по полу мокрыми сапогами — с полночи, оказывается, ударил дождь, громыхал до самой зари гром, а Катя, лежа в тяжком полусне, ничего этого и не слышала. Но от топота Андроновых сапог, от его злой воркотни она очнулась, села на кровати, спустив ноги на пол, стала молча глядеть, как он щепал на растопку лучины от мокрого же полена.

Похудевшая и растрепанная, она повернула голову к светлому окошку — там брызгал уже не сильный теперь дождик, теплый, парной, видневшаяся в окно седловина меж двух холмов была заполнена белым туманом. По этой седловине стекала к деревне каменная дорога, по ней сейчас медленно текло вверх колхозное стадо. Коровы, телата, овечки и ягнята, удаляясь, таяли в этом белом молоке, растворялись бесследно.

— Ну, поднялась, слава те господи, — проворчал старик. — А то уж один пожар не сгаснет, а другой, гляди, займется.

— Что такое? Стяслось чего, что ли? — спросила Катя, не узнавая своего голоса.

— Вчерася Федотья Лидку костылем избила и в доме заперла. Сожгу, орет, тебя прямо в дому, что пастушить им взялась... Вчерася табун кузнеца Петрова выгонял, седни Маруньку-счетоводику я уж до обеда своим распоряжением нарядил, а после обеда, с конишками как управлюсь, смену ее. В район ей за почтой надо. Ать, зараза, не горит...

Говоря это, старик крючком вертелся у печки, залез туда с бородой, в самый дым, валивший через закопченное чело в трубу, задохнулся, выдернул голову, стал откашливаться.

— Ребятишки-то чего, лоботрясы, хоть бы с вечера полешко на растопку припасли. Так ты слышь, что я тебе говорю-то? Делато в колхозе какие?

— Да слышу. Счас вот я... Разберусь там с Лидией.

— Ну-к, побежал я тогда на конюшню. А дождичек-то, Катерина! В самый угод, на тепленькое зерно! Нагляделся господь на людские страдания...

Ребятишки еще не проснулись, когда она пила чай с белым пшеничным хлебом — видно кто-то, Марунька, а может, старуха деда Андрона или грузная тетка Василиха, которая вроде тоже появлялась за это время в дому, испекли из той муки, что принес кузнец Макеев. Пиала и думала спокойно, что вот теперь и все, совершилось в жизни то страшное и обыкновенное, что в ней всегда и происходит, очертился и замкнулся еще один круг из бесчисленного количества таких же, из которых жизнь и состоит, осталась она одна в этом круге с четырьмя малолетками, и никому они, кроме нее, не нужны теперь и не выживут без нее...

Думала так Катя, а какой-то краешек сознания все равно тревожил ее — что это быстро так она пришла в спокойствие, ведь убили на войне отца ее и Степана... Навсегда они легли где-то в чужую землю. Будут над Романовкой и дожди идти, как сегодня вот, и туманы плавать, и вьюги мести, будут люди делать свою извечную

работу, и все это теперь без них... Да как же это ей еще кусок в горло лезет?!

При этой мысли где-то под черепом возникла горячая волна, голова закружилась, но тотчас все и прошло. «От голода, скольких дней ничего не ела», — равнодушно отметила Катя. И еще подумала, что ведь, в сущности, она давно обманывала себя надеждой, что вот-вот придут письма от отца и Степана, где-то внутри накапливалось и укреплялось совсем противоположное, вон тогда еще, как Михаила осудили, она ж ясно видела, что дед Андрон с кузнецом скрывают от нее что-то страшное, да упрямо не хотела со всем этим считаться. И за это свое упрямство расплатилась таким вот потрясением, надежда ее разлетелась в прах, едва Дорощев протянул ей два конверта. Но боль от сознания гибели отца и Степана была теперь будто давней, она незаметно для себя притерпелась к ней, хотя сейчас вот пришло не спокойствие даже, а просто какая-то пустота...

И еще Катя, дохлебывая морковный чай, ощущала себя в чем-то виноватой. Она отставила пустую чашку, прихмурила брови: в чем и перед кем?

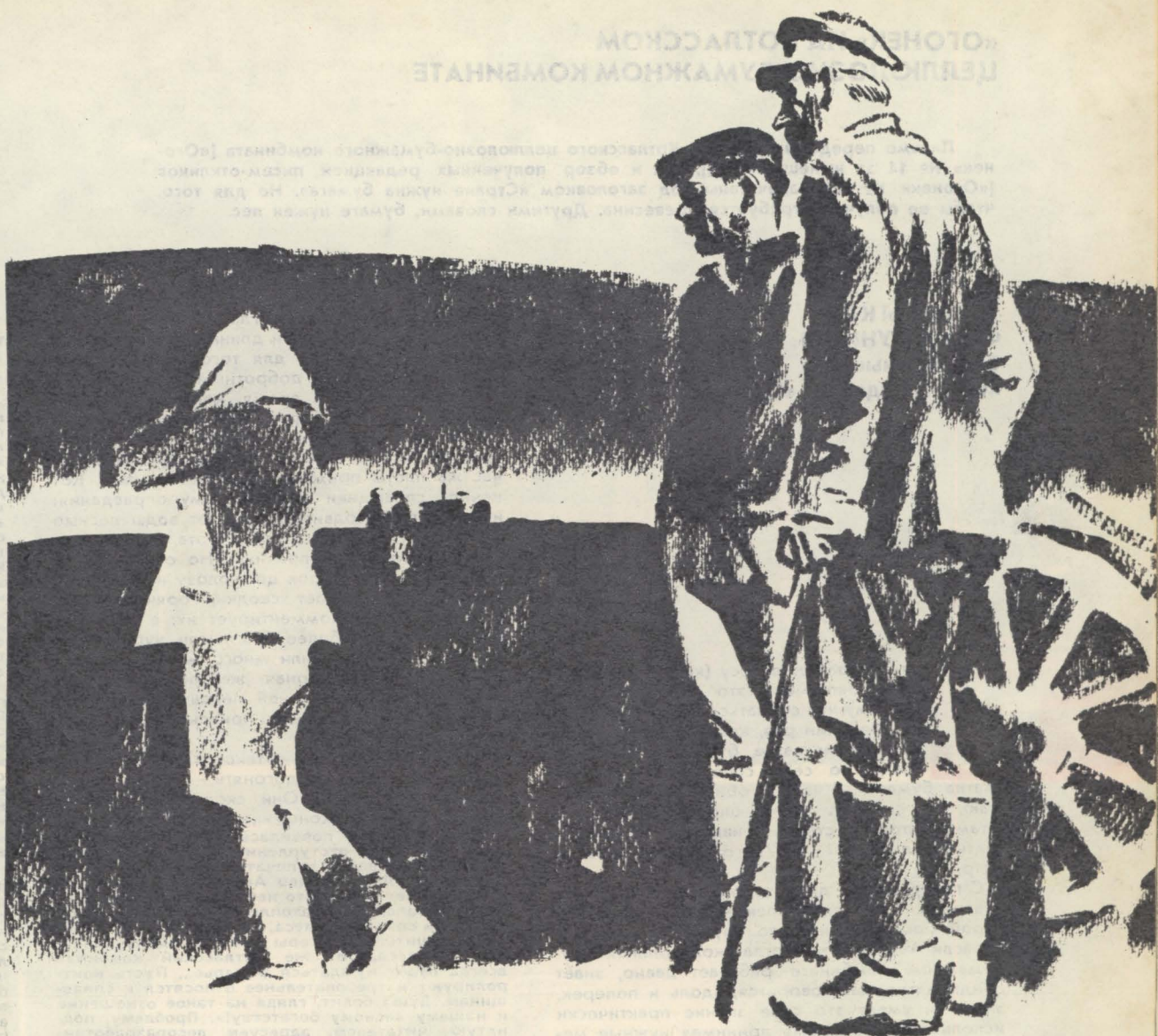
Перед глазами, когда она лежала пластом, часто возникало болезненное лицо Дорощева, она видела его руку, которой он протягивал ей зловещие конверты, слышала его ужасный голос: «Они пришли давно, да вот никто не знал, как тебе... сообщить». «Проклятый, проклятый!» — стонала она сквозь стиснутые зубы, отворачивалась к стене, старалась избавиться от ненавистного лица секретаря райкома, от его дергающихся век. — Вечно бы и держал эти конверты у себя...

Сейчас она встала, прошла в угол, где стоял столик с выдвижным ящичком. Она припомнила вдруг: когда ее, бесчувственную от рыданий, привезли домой и уложили на кровать, сквозь рев ребятишек и тоскливые всхлипывания бабки Андронихи пробился голос Дорощева: «Извещения эти возьмите кто-нибудь, потом ей отдайте. Для назначения пенсии ребятишкам это важный документ», — а голос кузнеца Макеева откликнулся: «А вон в ящичек стола и положь».

Конверты действительно лежали в ящичке. Катя прикоснулась к ним, как к горящим углям, взяла, глянула на штемпеля и обомлела: похоронные пришли как раз в те дни, когда судили Мишуху. Да ведь если бы тогда и это еще горе на нее свалилось, вовсе бы ей не выжить! Значит, все правильно он, Дорощев, сделал и рассчитал, и колхоз ей навязал с умыслом, горе горем, мол, у кого его мало сейчас, а вот тебе еще одна забота, людям-то жить надо как-то, вот и заботься давай о людях, а свое горе уж как-нибудь на вторую очередь отодвинь...

Такие мысли одна за другой крутились в ее голове, и каждая приоткрывала ей что-то новое, какие-то неизвестные ранее стороны жизни, заставляла видеть дальше и глубже. И вдруг, потрясенная, она, сжимая в кулаке злосчастные конверты, присела у окна: да ведь не она покуда заботится о людях — какие уж там особые ее дела за полтора-то месяца, лишь поколотились маленько, чтоб хоть как-то пашню засеять, а люди о ней! И Дорощев этот, дед Андрон, тетка Василиха, кузнец, Марунька-счетоводиха, даже Лидия эта Пилюгина... Да как бы она без этих людей, никак же невозможно бы тогда перенести все свалившиеся на нее лиха!

Она сидела у окошка недвижимо. Ночной дождь совсем иссяк, с крыши скапывали крупные капли, теплый туман стал подниматься вверх, подошвы холмов, недавно затянутые белой мутой, очистились, пронзительно горели обмытой зеленью. И был туман пореже теперь, солнце хоть и не пробивалось еще на землю, но падавшие с крыши капли солнечные лучи уже улавливали, водяные комочки янтарно вспыхивали перед окном, и Катя знала, что, разбиваясь о землю, они обсыпали нижние венцы дома и пробившуюся из-под них травку белой, как мука, пылью. И то ли она уж до того исстрадалась, что внутри все выболело и

онемело, то ли от этого славного ночного дождика, оплодотворившего пашни и луга, вечная тяжесть, давившая на плечи, куда-то исчезла, точно и ее смысл дождик. Не думала она уже ни об отце, ни о Степане, извещения о гибели которых заключались в тех конвертах, что она по-прежнему держала в руке. В голове ее, тоже, впрочем, особенно не тревожа, возникло: «Федотья, старая выдра, чего вытворяет! Ишь ты, сожгу... Выкуси вот, Лидку теперь не дадим в обиду, самой облезлый хвост-то и прищемим». И хоть Катя не представляла, каким образом она утихомирит злобствующую старуху, оградит безответную Лидию от ее измывательств, она не сомневалась, что так все и будет, что жизнь теперь пойдет как-то по-другому, легче, ибо самое тяжелое и страшное, что могло случиться, уже произошло...

Катя вздохнула, поднялась и шагнула к столу, чтобы прибрать чашку и хлеб, но не увидела перед собой ни стола, ни обшарпанного стула, на котором недавно сидела, ни печки. То есть сперва все это было, а потом вдруг все предметы качнулись, искривились, словно и печь и стол со стульями были нарисованы на каком-то полотне и это полотно кто-то потянул в сторону и утянул совсем. Под черепом возникла такая же, как недавно, горячая волна, но теперь не исчезла, а тяжело и больно начала бить и бить в виски, в затылок. Она оперлась рукой о стену, но стена будто тоже качалась. «Сейчас упаду... И дом на меня рухнет!» — мелькнуло в сознании. Мелькнуло и исчезло, потому что она задыхалась от навалившейся резкой тошноты, которая, казалось, вывернет ее наизнанку. Боясь, что ее вырвет прямо на пол и это увидят проснувшиеся, кажется, дети, она через силу шагнула в ту сторону, где была печь. Ощувив ладонями ее теплый бок, стала

двигаться к дверям, где стоял под рукомойником тазик.

— Мам-Кать? — будто издали достиг ее ушей голос Захара. — Ты чего? Опять захворала?

Испуганно заверещала вроде Зойка или Николай, Катя уже не разобрала — ее над тазиком больно рвало...

Как она оказалась снова на кровати, Катя не помнила. В себя она пришла от того, что кто-то клал ей на лоб мокрую тряпку. Очнувшись, и в больном мозгу сразу застучало: «Потому и месячных не было. Проклятый Пилюгин... Задавиться теперь! Уйдут дети на улицу — и задавятся! Где-то веревка была...»

В мозгу все это больно стучало, и эти мысли вызвали новый прилив тошноты. И может, ее снова начало бы рвать, если бы не шестилетний Игнатий, который стоял у кровати, совал ей кружку с водой и упрямился:

— Мам-Кать, ну попей... Глотни водички-то, глотни.

Она взяла кружку, отпила. Вода была холодная, ей сразу стало легче. Она увидела, что тряпку ей на лоб клала Зойка. Николай и Захар тоже стояли рядом и похныкивали. Странно, отметила Катя, младшие Зойка и Игнатий вон как-то ей помогают, а старшие стоят беспомощно и плачут. А потом с тоскливым чувством подумала: «Старшие... На сколько они старше-то?!»

Она прикрыла глаза и полегала так, успокаиваясь. Тошнота стала проходить, а голова долго еще кружилась. Возле кровати все топтались детишки, время от времени всхлипывали. «Сердешные... сердешные вы мои», — думала Катя. Сквозь ее прикрытые ресницы выдавливались слезы, она, не открывая глаз, обтирала их пальцами.

Продолжение следует.

«ОГОНЕК» НА КОТЛАССКОМ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОМ КОМБИНАТЕ

Письмо передовых рабочих Котласского целлюлозно-бумажного комбината («Огонек» № 14 за нынешний год), как и обзор полученных редакцией писем-откликов («Огонек» № 38), напечатаны под заголовком «Стране нужна бумага». Но для того, чтобы ее получить, требуется древесина. Другими словами, бумаге нужен лес.

К. БАРИКИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ
Специальные
корреспонденты «Огонька»

Бумага растет в лесу (как булки в поле). Запомним это обстоятельство, потому что сослаться на него придется не один раз, когда пойдет разговор о нехватке бумаги. Вообще-то само по себе сочетание слов «нехватка бумаги» в частый обиход пускать, думаю, не следует. Иначе оно превратится в штамп, затрется, станет привычным. И, может статься, пропадет из него тревожность и острота...

С генеральным директором мы созвонились с вечера. Александр Александрович Дыбцын, Герой Социалистического Труда, известный в отрасли человек, на Котласском целлюлозно-бумажном комбинате работает давно, знает предприятие, как говорится, вдоль и поперек, знает (и умеет это свое знание практически использовать, вовремя принимая нужные меры), что производство не раз и навсегда накатанная дорога. Встречаются на ней завалы, ухабы, рывины. «В этом году их особенно много», — невесело сказал Дыбцын. И на мою просьбу встретиться, поговорить обо всем пообстоятельнее предложил: «Вы сначала посмотрите наш лесной склад».

НА ЛЕСНОЙ БИРЖЕ

Утром я поехал на лесную биржу, огромный склад, куда плотами и вагонами поставляют древесину, откуда и начинается переработка ее в продукцию с маркой Котласского целлюлозно-бумажного комбината, предприятия многопрофильного, масштабного: в его номенклатуре четырнадцать видов продукции — бумага лишь один из них. И все та же бумага или, скажем, ДВП, идущие на дома и на мебель древесноволокнистые плиты, тоже начинаются отсюда, с биржи.

Василий Васильевич Куликов, заместитель директора, не спешит рассказывать мне о складе. Показывает пустующие площадки: «Хоть в футбол играй». Ведет мимо могучих кранов, стороной обходит груды ржавеющей проволоки, и оказываемся мы на возвышении, с которого как на ладони весь речной рейд, причал, какие-то перегородки на воде. И сотни две, может, чуть более, бревен близ берега. Это то, что пришло сегодня плотом с зерхней Вычегды — реки, привыкшей работать с полной нагрузкой, но сейчас чаще простаивающей, несущей свою быструю и сильную воду впустую, без напряжения.

— Разленится река, отвыкнет от бревна, — сокрушается Куликов.

...Не случайно же, думал я, вовсе не случайно все крупнейшие целлюлозно-бумажные комбинаты поставлены близ большой воды, на берегах рек. И не только потому, что бумажное дело само по себе требует обильной, щедрой воды. Место такое определено и тем, чтобы можно было по реке присылать сырье. Помните эффектные фотографии — огромная

«капля» плота на водной глади?.. Лето в северных краях не ахти какой длины, но прежде его теплых дней хватало для того, чтобы пополнить лесные биржи добротным сырьем.

— Все мы знаем время, когда рекой присылали отменное сырье, бревно к бревну, — напоминает начальник лесобиржевого производства Виталий Александрович Бурков. — Сейчас же плоты приходят и редко и хилые. Конечно, сплавщики находят тому оправдания: и все далее отодвигающиеся от воды лесные деланки и недостаток транспорта, есть и другие «объективные» причины. Но они делу не подмога, из отговорок целлюлозу не сварить. Бурков показывает сводки, горячо, словно с кем-то споря, комментирует их: в сентябре по реке ждали более 250 тысяч кубометров древесины, а получили много меньше.

— Вычегда — северная же река! — вот-вот зашугует, пойдет по ней первый ледок. Что не пришло водой, уже не приплывет. Жди следующего лета...

А ждать и догонять — такое в планах не записывается. Ждать и догонять — это не экономические категории. Они, скорее, из лексикона анархистов от экономки.

(Тут у автора появилась возможность сделать некоторое отступление. Когда этот материал уже сдавался в печать, редакция получила письмо. Ленинградец Антон Алексеевич Корович пишет о том, что некоторые реки нашего Севера «заполнены затопленным лесом... Сколько бы ни сплавляли леса, но пока не будут приняты решительные меры по сохранности сплавляемого леса, тот же Котласский комбинат всегда будет нуждаться в сырье... Пусть контролируют и требовательнее относятся к сплавщикам. Душа болит, глядя на такое отношение к нашему лесному богатству!». Проблему, поднятую читателем, адресуем лесоразработчикам и лесосплавщикам. Есть ли какие-либо подсчеты, определяющие количество затопленной древесины? Как будет решена задача ее подъема со дна реки с тем, чтобы пустить в дело?)

— Ну, а железная дорога? — пора вернуться к разговору с Бурковым.

— Вот она, в окно видны все подъездные пути. Пройтись по ним нелишне, сами увидите. Вагонов в этот день на подъездах столько, что заставлены все тупички и разъезды. Бревна, щепы, долгожданная ель — правда, ее немного, очень немного — и лиственные породы, которые тоже идут в дело на этом комбинате. «Сгущенка», — сказал мне кто-то. — Так и запишите, «сгущенка»! То было пусто, а теперь пошло так густо, что не успеваем разгружать».

Работают без отдыха, аврально, чтобы поскорее высвободить вагоны и послать их за новой порцией леса. Но как быстро разгрузить, когда лес идет некондиционный? Вперемешку — хвойная и лиственная древесина, бревна длинные, многометровые и «коротые». Попадаются такие, что не в обхват, а рядышком — хлысты; больше всего именно такого, тонкого, не лучшего леса...

Но не только об этом заботы.

— Вы вроде меня о проволоке спрашивали? — сказал Бурков.

Залез в вагон и не понял сразу: что это привезли — древесину, сплетенную проволокой? Или в палец толщиной проволоку над древесиной? В полувагон бревна без крепления, конечно, не погрузишь: не дойдет груз. И повелось: прибавляют бревна огромными гвоздями, намертво сшивают железом, а сверху все

страхуют стяжками из проволоки. Все это потом доставляет уйму хлопот: ведь не научились пока делать бумагу из проволоки, приходится выбирать каждый гвоздь.

Сколько ее, проволоки, уходит на это дело, не мне считать, но есть такие цифры, полагаю, в Госплане. И у железнодорожников должны быть. Я даже обмолвился об этом в железнодорожном ведомстве. «Не посылайте же без крепления, — терпеливо объясняли мне, — так делалось всегда». Но почему? Почему бы лесу и бумаге не иметь свой вагон? Нефть же везут в одних цистернах, муку — в других; едва ли станут в вагоне, предназначенном для перевозки угля, транспортировать, скажем, хлопок. И только для перевозки леса нет собственных, если хотите, фирменных, специальных вагонов. Грузят лес в первый попавшийся «подвижной состав» — вагоны и полувагоны, в новенькие и покореженные, в закрывающиеся и открытые настолько, что стенки вот-вот обрушатся. От многих здесь слышал: без своего, специализированного транспорта лесу и бумаге не обойтись. Сейчас же, повторим, под них поставлены первые попавшиеся вагоны... Поговаривают, что где-то есть конструкция специальной платформы, которая очень удобна для перевозки леса. Это не просто настил на колесах, это инженерно оборудованное средство перевозки, почти исключаящее ручные операции, делающее ненужными временные проволочные стяжки, предполагающее возможность быстрой разгрузки. Но улита едет... Медленно, но едет. А вагон где-то вообще застрял.

Пока же приходится стягивать бревна проволокой — в каждом вагоне ее бывает несколько десятков килограммов. А ведь проволока — металл, дорогой металл. И никто, как я заметил, особо не следит за тем, чтобы его собирали и посылали на переплавку: не до железа тут, не хватает ему не только внимания, но и вагонов, скажем об этом прямо. А если бы подсчитать, что выгоднее: возить древесину вот так, бесхозно, или сделать для нее специальные вагоны, которые разгружать было бы легко и просто?

У леса, у бумаги нет своего транспорта — это парадоксально. Но — факт из практики. Сами котлассцы переоборудовали около ста вагонов, возят в них технологическую щепу. Только это не выход из положения, а временное и, если хотите, кустарное решение. Не мешает задуматься и над тем, чтобы те или иные лесные регионы имели свои, «территориальные», что ли, вагоны и несли за них полную меру ответственности. Если приписать какое-то количество вагонов той же Архангельской области, будьте уверены, здесь найдут возможность использовать их с полной мерой хозяйского подхода. А сейчас как: вчера вагон где-то на юге перевозил помидоры, сегодня его подали под погрузку леса или, того плоше, готовой бумаги.

МНЕНИЕ ДЕПУТАТА

С Александрой Павловной Белых мы говорили в цехе, на ее рабочем месте. Белых готовит вискозную целлюлозу такой белизны, такого качества, что, на мой непрофессиональный взгляд, от лучших сортов хлопка не отличишь. Оборудование на комбинате отличное, мастера отменные, и продукция пользуется славой доброй и широкой. В десятки адресов уходит отсюда целлюлоза, по всей, считай, нашей стране, за рубеж — тоже. С охотой покупают котласскую целлюлозу самые известные фирмы.

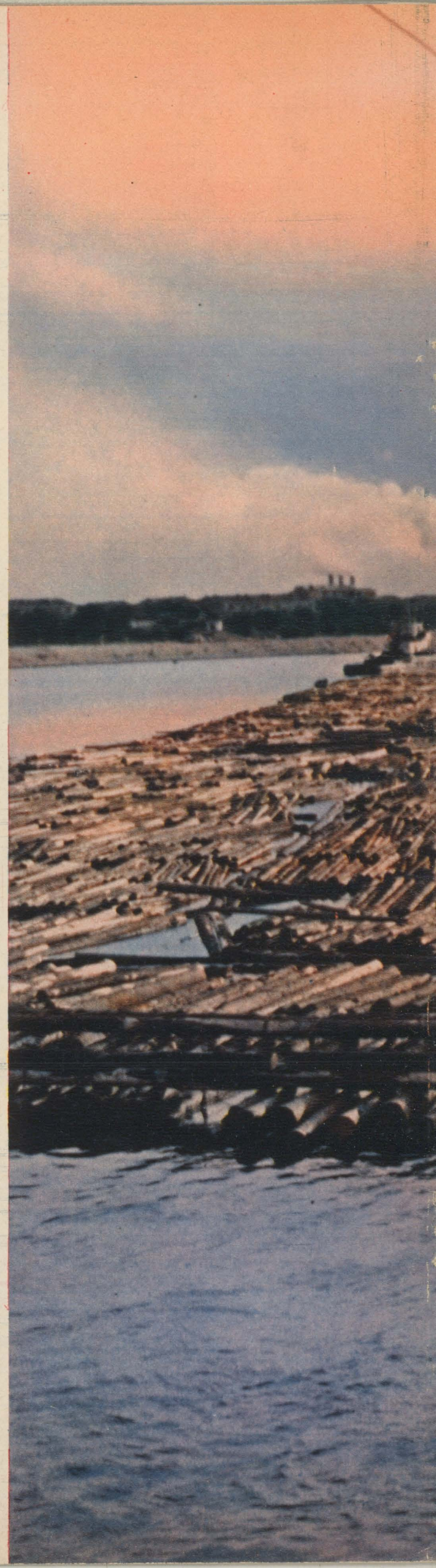
Пишу к тому это, чтобы подчеркнуть, как

Котласский ордена Трудового Красного Знамени целлюлозно-бумажный комбинат имени 50-летия ВЛКСМ. * В этом цехе делают офсетную бумагу.

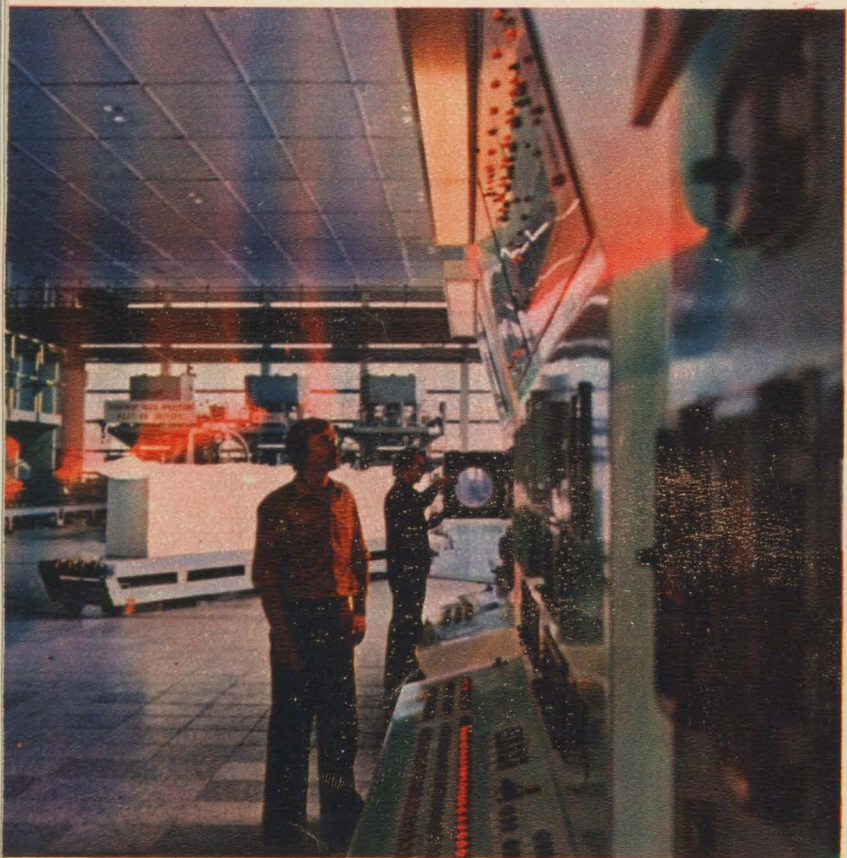
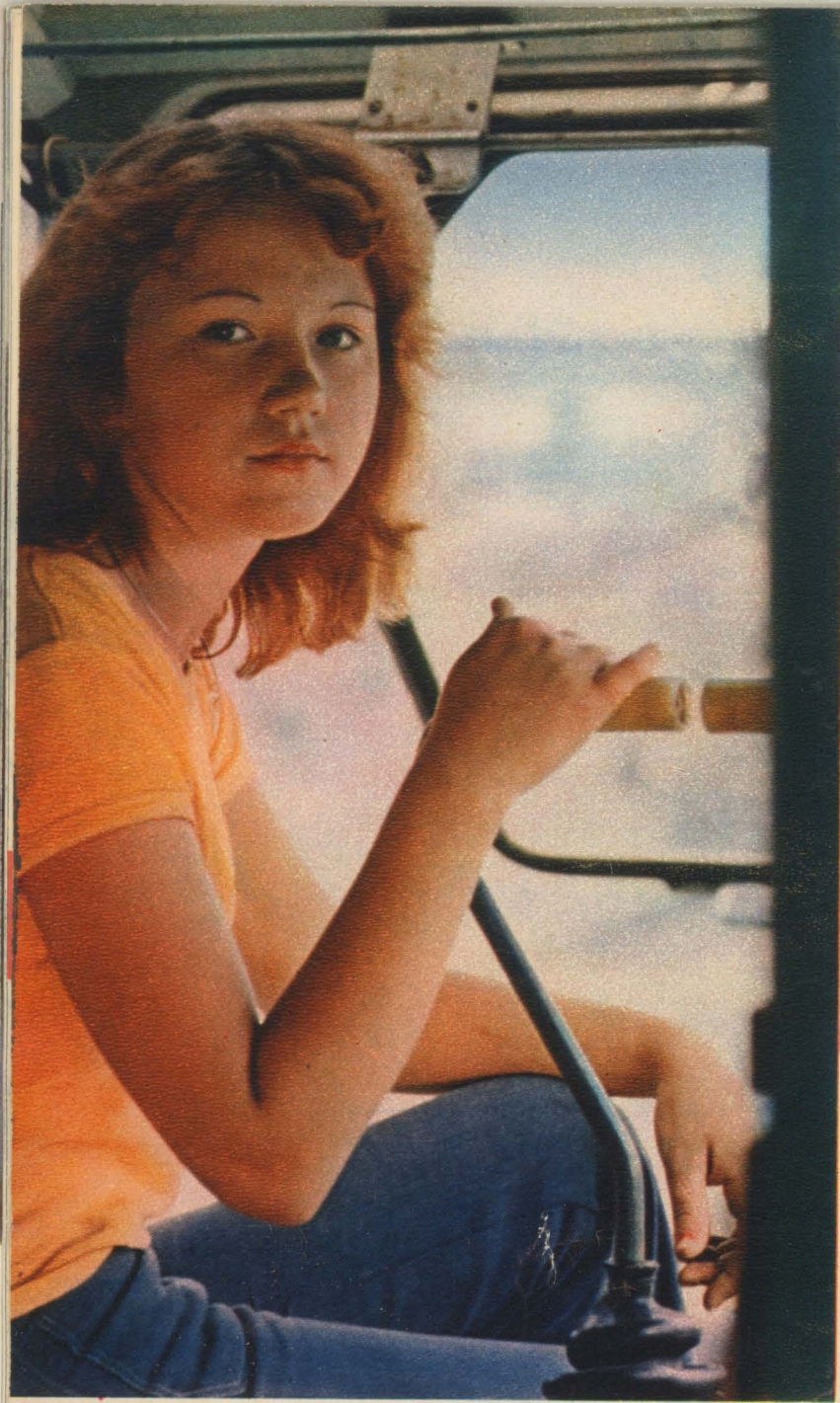
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Татьяна Георгиевна Пароконная и Лидия Григорьевна Попова, сотрудники научно-исследовательской лаборатории. * На реке Вычегде... Фотокорреспондент ждал несколько дней, прежде чем подошел этот плот.

БУМАГЕ НУЖЕН ЛЕС

умеют работать котласцы, какую продукцию они дают.

— И тем обиднее наши срывы. — Я чувствую, как глубоко задевают Александру Павловну заботы, обрушившиеся на комбинат в эти месяцы. — Наше главное сырье — еловый баланс. Я с товарищами своими уже об этом в «Огоньке» писала, — продолжает депутат Верховного Совета СССР. — Но пока в ответах на наши вопросы нет главного, нет сроков, когда положение выправится. На комбинате научились перерабатывать и листовую древесину, получают из нее добротную целлюлозу. Но здесь есть одна тонкость: волокно у еловой длинное, пушистое, эластичное. А у «листвы» короткое и ломкое. Не всякую бумагу из него сделаешь.

Ездил я недавно к соседям, в республику Коми, к заготовителям. Не получился разговор. Меня даже не принял один из тамошних руководителей. Повремено да отправлюсь в Москву, к министру лесной и деревообрабатывающей промышленности товарищу Тимофееву. Как думаете, удастся с ним встретиться?

...С работником лаборатории сушильного цеха Татьяной Зосимовной Куваевой мы смотрели, как работает Бельх, как ловко, спорно идет у нее дело, как доброжелательно разговаривает она с товарищами по цеху, как умеет собраться, когда наступает заключительная операция отбелки.

— Сколько ни наблюдаю Александру Павловну в работе, не перестаю дивиться ее умению, — заметила Куваева.

«Как сделать, чтобы поставляли кондиционное сырье?» — записал в блокнот после разговора с А. П. Бельх и, едва появилась возможность, спросил об этом Дыбцына и главного инженера Балакшина.

— Теперь, когда обнародовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, призванное улучшить планирование и всю работу хозяйственного механизма, — теперь можно решить многие проблемы, перед которыми мы еще недавно отступали. Мы в этом убеждены. Главное — сбалансированность обеспечения сырьем. Мы понимаем, это очень непросто. Но необходимо — при неформальном прочтении этой формулы, при обстоятельности, при взаимной ответственности.

Нам очень нужны прямые связи. И в этом мы тоже опираемся на постановление. Сейчас за древесиной мы отправляемся, по сути, окольно.

На комбинате один из разумных выходов и видят в том, чтобы перейти на прямые связи с поставщиками. А прямые — значит и более короткие, более ответственные, как тут резонно полагают. Видимо, такая ломка установившейся практики не проста. Может, не исключая и этого, кому-то просто неудобны такие четкие взаимоотношения между поставщиком и потребителем? Ведь тогда, очевидно, отпадет надобность в чем-то посредничестве?

— Пусть определяют крупнейших поставщиков, — говорят руководители комбината. — Для нас это в первую очередь будут, видимо, предприятия Коми АССР, Архангельской, Вологодской, Кировской областей. Им и сказать: вы ответственные перед Котласским комбинатом! И с заказчиками не мешает поставить дело так же. Вовсе не возражаем, если такие крупные получатели нашей продукции, как Чеховский полиграфкомбинат, как издательства «Правда» и «Детская литература», станут обращаться к нам напрямую. Мы будем ответственны перед ними! Повышение обоюдной ответственности необходимо...

Я спросил у комбинатских ЗВМ о поставках за день и через несколько минут получил ответ на двух страничках. Выходило, что сегодня (как и вчера) больше всего пришло листовых балансов, что они четвертого сорта (о такой древесине говорят не без пренебрежения: «технические дрова»), что щепы шла хорошая, первосортная была щепы, немножко прислали и стоек. Но исчеркал обе странички и едва нашел упоминание о еловой древесине.

— Покажу, что можно делать из «листвы», — сказал мне варщик целлюлозы Юрий Николаевич Коновалов, потомственный, можно сказать, бумажник. Было время («Давно, до армии еще», — уточнил двадцативосьмилетний Юрий Николаевич), работал он на Сокольском целлюлозно-бумажном комбинате, это в Вологодской области. Там было одиннадцать котлов, а все вместе они давали меньше продукции, чем один котласский.

Коновалов вовсе не стремится умалить масштабы Сокольского комбината, просто он хочет подчеркнуть здешние возможности. Здешний котел — всем котлам котел. «Настрюля» с многоэтажное здание. Чтобы попасть наверх, где и загружается щепы, мы поднялись на лифте на отметку «52», а уезжали с «9». А есть еще и первый, точнее «0,0» этаж. Тысячи тонн целлюлозы — норма такого котла. Щепы засыпается сверху, как в прорву, чтобы выйти внизу мягким, податливым, готовым к дальнейшей обработке материалом.

Никто и никогда прежде не варил из листовых деревьев целлюлозу в таких объемах, как на Котласском комбинате. Котласцы доказали, что целлюлоза из «листвы» — хорошее сырье. Когда ее примешиваешь — в определенной пропорции — к еловой целлюлозе, можно получить бумагу даже лучше, чем прежде.

— Но есть опасность дискредитации такой целлюлозы, — замечает Юрий Коновалов. — Ее доля не должна превышать строго определенной величины. Бывает же иначе. И еще: мы иногда получаем щепу несортированную, сорную.

Камни и гвозди, конечно, проскользнуть не могут: и сита их отберут, и магнитные заслоны есть. А вот попробуй отличить щепку одной породы дерева от другой... Отличать стараются. Есть кому отличать. Тот же Коновалов. Недавно он получил диплом Ленинградского лесотехнического академии, у многих его товарищей стаж и мастерство тоже такие, что сами по себе стали заслоном брака. Диффузорщики Екатерина Васильевна Горынцева, участник варки миллионной тонны целлюлозы, или Тамара Валентиновна Соколова, которая мне показывала, как варится древесная щепы, старшие варщики Э. К. Веричев, Н. А. Виравчев. А. С. Конин: да, если разобраться, все вместе с начальником производства, современным скарда инженером Геннадием Ивановичем Голубевым, могут отличить. Но не стоять же им на ручной сортировке! Тогда не тонны будут варить, а килограммы.

Нынешнее производство целлюлозы так начинено электроникой, дисплеями, мощными мельницами, лабораториями и приборами, что особенно заметна возникшая диспропорция. На одной стороне — электронно-вычислительная машина и терминал, мгновенно сообщаящий тому же Коновалову о малейших отклонениях в процессе варки, а с другого конца — какая-то отчаянная бесхозность первоначального сырья. Эдакая удал: вали валом! Сырья мало, не вернут...

Не возражают. Но я бы закольцевал этот сомнительный эксперимент, в котором с таким азартом (или безразличием?) участвуют железнодорожники и заготовщики леса. Я бы Министерству путей сообщения и Министерству лесной и деревообрабатывающей промышленности отпустил — тоже в порядке эксперимента? — бумагу только самого низкого качества. Стал бы подписывать на такой бумаге очередной ответ на очередную критику иной руководитель, а подпись не получается, расплываются чернила. И в ведомости на зарплату расплываются. И в заявлении об отпуске — тоже... Раз не получилась подпись, второй раз... Наконец, задумался бы товарищ. Может, и навел бы на своем участке порядок.

ИДЕТ БУМАГА

Бывая в нашей правдинской типографии, привык за долгие годы к однозначности процесса: на машину ставят рулон бумаги, он раскручивается, стремительно худеет. И стопка напечатанных страниц вырастает. А тут, в цехе комбината, вроде бы наоборот.

Плотный, широкоплечий, прямо скажем, могучего сложения Платон Васильевич Козюк стоит на верхней площадке машины и сильной струей пара очищает сетку, чтобы подать на нее целлюлозу.

— Прежде сетки металлические были. И рвались чаще и ломались. — Козюк явно лю-

буется машиной. — А сейчас капрон. И половины забот не стало. Качество? А вы сами посмотрите.

Платон Васильевич неуловимо быстро минует несколько ступенек трапа и ведет меня по светлому высокостенному пролету. В начале цеха мы поговорить толком не могли, там надо кричать друг другу: шумный, доложу вам, агрегат.

А тут, в конце огромного помещения, лишь шорох непрерывно вылетающего полотна бумаги. Белая лента накручивается на картонную втулку, рулон увеличивается в объеме, занимает все больше места. Ширина такого рулона — несколько метров, вес — тонны. Такой в типографию не посылают. Его тут же режут диковинными для меня ножницами и иногда еще пропускают через валки суперкаландра, придающие бумаге особую гладкость, даже шелковистость.

Хорошую бумагу научились делать на Котласском целлюлозно-бумажном комбинате. Но ее качество — это еще не количество. В этом году комбинат особенно лихорадит из-за хронических недопоставок сырья. Сейчас, осенью, дело идет вроде сносно, древесины хватает, и стараются бумажники наверстать упущенное, работают самоотверженно, закрывая прорехи в плане. Но зимой им придется очень туго, потому что поступающее сейчас сырье сразу идет в переработку, на склад попадают крохи.

Всегда было такое правило на комбинате: устанавливалась и строго соблюдалась иерархия планов. Пошло это с той поры, когда главным инженером тут работал Владимир Дмитриевич Лихобабин, ныне руководитель объединения «Союзцеллюлоза». Иерархия планов — это очень просто и очень нужно: в первую очередь решается дело главное. За ним — следующее по значению. И так далее, со всеми, как принято говорить, останками. Не забывались, само собой, и небольшие задачи. «Потому что мелкие проблемы могут сплестись в клубок большой и трудноразрешимый». Первоочередным делам и сейчас стараются отдавать предпочтение на комбинате, но та обстановка, что сложилась «усилиями» поставщиков древесины и транспортных, не всегда позволяет делать это. И когда приходят долгожданные вагоны, все остальное подчас откладывается, основной заботой становится — побыстрее разгрузить. Или загрузить, потому что готовую продукцию вывозить тоже надо. Ведь комбинат не останавливается, он работает, ежедневно выдавая многие тонны хорошей бумаги и отменной. Знаком качества отмеченной по полному на то праву, целлюлозы.

Перед самым отъездом с комбината я оказался на еженедельной планерке у директора. Мне говорили, что прежде такие совещания начинались с шуток, с обмена новостями, с незлобивых розыгрышей. А сейчас — никаких таких вольностей. Сегодня разговор только о проблемах, одолеваящих комбинат не один день и не один месяц. Главная из них — сырье. Та самая древесина, которая растет в лесу. Суточная производительность современной бумагоделательной машины достигает 500 тонн. Такому агрегату ежесуточно необходимо около 2500 кубометров балансовой древесины. И тогда каждую минуту машина выдаст около километра готовой бумаги для газет, книг, журналов, тетрадей. Это продукция для нас с вами...

— Как с вагонами? — спрашивает Дыбцын.

Отвечают деловито, но не коротко, не однозначно. Суть такова, что одним словом ее не оценишь. Конечно, могли бы, имеют на то право сказать просто: «Мало!» Но собравшиеся знают, что это обстоятельство и без того ведомо и директору и главному инженеру (он тут же, рядом, по левую руку от директора) Павлу Николаевичу Балакшину. И если они сейчас спрашивают, не для того, понятно, чтобы им подтвердили известное, а с тем, чтобы коллективным умом найти или хотя бы поискать выход из положения.

— Кто-то придет, кто-то сделает? — словно спрашивает Дыбцын. — Так ведь не бывает. Нет такого добренького дяди. То, что возможно, мы должны сделать сами.

Так котласцы и работают: с полной ответственностью.

Елена Боровикова, молодая крановщица лесной биржи. * Производство сульфатной белиной целлюлозы. * Будущие бумажники. * Очистные сооружения. * Одна из многих детских площадок.

Всегда радостно писать о современниках, зная, что народные актрисы и актеры — это живой, сегодняшний день советской сцены.

Среди тех, с кем мы шагаем вместе, кого смотрим на сцене с особым ощущением словно бы личной гордости (это, мол, еще и мое творческое поколение), — Элина Быстрицкая. Это имя я помню давно. Помню, как приезжавшие из Вильнюса, а потом из Ленинграда рассказывали о прелестной молодой актрисе, уже покорившей многих в Аленушке из «Аленького цветочка», а потом и в арбузовской «Тане».

Еще не оперившись на театральные подмостках, только громко заявив о себе, Быстрицкая шагнула в другую область волшебного — в мир экрана. Все сложилось для Быстрицкой удивительно счастливо. Ее пригласили в кино сразу же, как только она появилась на сцене, и это дало молодой актрисе прекрасную школу мастерства, знакомство с первоклассными режиссерами, широкую популярность. Актрисе узнали. Она запомнилась, и появления ее в новых ролях стали ждать.

Прекрасное лицо Быстрицкой дало кинематографической музе незабываемый образ шолоховской Аксины в фильме «Тихий Дон», который ставил С. А. Герасимов. Встреча с ним была для молодой актрисы подлинным событием. От Герасимова она взяла в творческую свою дорогу умение оригинально мыслить, «проигрывать» роль еще до того, как начались репетиции, точно знать, чего ты хочешь от себя и от зрителя, соединять вдохновенное искусство с точным и умным расчетом.

Быстрицкая не первой играла шолоховскую Аксиныю. Но она первая сыграла ее именно такой, какой, вероятно, мы и хотели видеть одну из любимых своих героинь.

Аксиныя — Быстрицкая не была покорной подругой Григория Мелехова, обычной, пусть более красивой и более яркой, чем другие, женщиной донской станицы. Мелехов потому и обратил внимание на эту Аксиныю, как считала актриса, что она была ему равной, что и в ее душе шла та же борьба, шли те же метания, те же трагические и очистительные поиски. Аксиныя Быстрицкой была незаурядной личностью, умной и сильной, волевой и масштабной. И хотя не ей, а Григорию суждено было пройти до конца торный путь русского человека к высшей справедливости революции, она разделила с ним этот путь. Она шла рядом не как жена, не как возлюбленная (вернее, не только как жена и возлюбленная), но как друг, единомышленник. Аксиныя — Быстрицкая — второй идейный и этический центр шолоховской эпопеи.

С 1958 года Элина Быстрицкая — актриса Малого театра. Она впитала в себя традиции этой замечательной актерской школы.

Быть актрисой Малого театра значит ценить как главное, изначальное в труде актера литературу. У истоков Малого театра всегда стояла великая романтическая и реалистическая литература. Художники Малого театра всегда делили свою славу с гениальными писателями человечества — Шекспиром и Островским, Грибоедовым и Шиллером, Гоголем и Лопе де Вега, с лучшими мастерами советской классической и современной драмы.

Быть актрисой Малого театра — это значит в совершенстве владеть словом, понимать слово, как самый прочный, самый надежный строительный материал роли, никогда не приносить слово в жертву внешней форме, изысканному эффекту, модной мизансцене — всему тому, что может затмевать это слово, лишать его смысловой нагрузки, переносить центр тяжести с жизни человеческого духа на быстролетную жизнь сиюминутной моды.

Быть актрисой Малого театра — это значит непременно быть и общественным деятелем, гражданином, никогда не замыкаться в цеховых, узкопрофессиональных интересах. Именно этому учат новые актерские поколения такие идеальные граждане театра, как Царев и Гоголева, этому учили их ныне уже легендарные Яблочкина, Пашенная, Турчанинова...

Заветы Малого театра, его традиции, его специфику усвоила Элина Быстрицкая, ставшая актрисой именно Малого театра, а не актрисой вообще, случайно играющей на данной сцене. Кстати, за последнее время «переход» артистов из одного театра в другой стал вроде бы даже привычным. Но можно заметить, что подобные переходы — вовсе и не вызванные какой-либо творческой необходимостью — разрушают специфику театра. Они лишают каждый театральный коллектив его неповторимости, создают некое абстрактное, среднестатистическое «театральное поле» вообще...

Фото И. Ефимова.

Роли в пьесах Островского — быть может, главная школа актеров Малого театра. Так же, как сыграть Чехова или Горького значило приобщиться к Художественному театру, так получить боевое крещение в Малом значит заявить о себе в пьесах Островского. Дверь в этот чудесный Дом, Театр Островского, далеко не всем открывающуюся (при всей кажущейся внешней легкости), для актрисы открыла роль Лидии Чебоксаровой в спектакле «Бешеные деньги» (режиссер Л. Варпаховский).

Первое впечатление — перед нами очаровательная, роскошная женщина. Быстрицкая умеет одеваться на сцене, не вступая в противоречие с образом и эпохой, в то же время выявляя строгий свой вкус. Ее красавица Лидия запомнилась в чем-то строго-черном, в чем-то бархатно-величественном; тонкий вкус отличал героиню, у которой будто бы и вовсе не было «вкуса», — острого, циничского, себялюбивого вкуса к «легкой» жизни. Но у героини Быстрицкой был вкус! Она достойно держала себя, она выглядела царственно и скромно, она понимала, что сама является произведением искусства, а за произведение искусства надо платить! И притом платить дорого — они того стоят... Быстрицкая перевела наивный эгоизм Лидии в рассчитанную «философию» женщины определенной эпохи. Если есть понятие «тургеневская женщина», с которой ассоциируется настроение тонкое, благоухающее, то, вероятно, есть понятие «женщины-хищницы», знающей себе «товарную цену», а поэтому и воспитывающей себя именно такой, какую хочет видеть ее общество покупателей. Такую женщину и сыграла Быстрицкая в «Бешеных деньгах».

ЧЕРТЫ ДАРОВА

ЗА ГРАНЬЮ ДЕТСТВА

Актрисе свойственно ощущать в своих героинях не столько лукавство и кокетство, инфантильность, сколько интеллектуальную сторону жизни. И даже в тех героинях русского и мирового репертуара, у которых интеллект, может, и вовсе отсутствовал, Быстрицкая чувствует его. Вернее, она наделяет героинь своим умом, своим интеллектом. Как правило, все те, кого играет Быстрицкая, умны. Именно ум, а не только чувство ведет их по жизни. Поэтому они чуть холодноваты. Но холодность эта и освещена, и подогрета очарованием, изяществом мысли... Когда перед нами человек умный, с ним и разговор другой, на нем и другая ответственность за поступки, за отношение к людям, к самому себе...

Особенно самобытно звучал в исполнении Быстрицкой финал комедии «Бешеные деньги». Обычно актрисы играют либо крах Лидии, либо ее унижение, либо вновь просыпающиеся, но пока еще робкие надежды, когда муж ставит перед ней трудные, суровые условия бытия... Быстрицкая выбирала совсем иное; глядя на ее Лидию, вспоминаешь «Попрыгунью», чеховских Ольгу и Дымову, из которых один стал синонимом большой трудовой жизни, другая — разрушительницей этой жизни ради Суеты.

Героиня Быстрицкой начинает понимать не столько даже, что потеряла богатства Василькова, сколько то, что потеряла интересного, значительного человека, попавшегося на ее пути. Она проглядела личность, проглядела и будущее, которое стоит за Васильковым. Такая Лидия, какой играет ее Быстрицкая, нуждается не только в деньгах, но и в положении, в ощущении себя *первой дамой* своего круга. Она хочет блистать не в двух-трех гостиных, но повсюду, в целом свете.

...Важнейшая школа актеров Малого театра — советская драматургия, современная пьеса и прославленная советская классика. Быстрицкая играет сегодня в спектакле «Любовь Яровая» машинистку Панову (режиссер П. Фоменко).

Панова, как когда-то блистательно играла ее Гоголева и как превосходно играет ее сейчас Быстрицкая, — это и враг Любови Яровой и в то же время человек, бесконечно ею интересующийся, во многом завидующий этой лично обделенной, но общественно богатой женщине.

Ненавидящая красных, в прошлом связанная прочно с эксплуататорским классом, Панова не может не чувствовать на себе нравственного влияния людей нового мира. И актриса создает натуру диалектическую. С одной стороны, все радости этой женщины, все ее мечты, все ее победы, все ее благосостояние связано с белыми. Но все, что она видит чистого, верного, недоступного, святого, — это у красных, и Быстрицкая достаточно умна, чтобы не ощущать этого разлома, раздвоения. А то, что Панова ощущает разлом, — уже делает ее героиней драматической. Она имеет право на драму, потому что ею владеет не одно какое-либо бесспорное чувство, но конфликт, — противоречие, заложенное в самой ее душе. Так, она становится достойным, интересным антагонистом Любови Яровой, ее антиподом. Что победит в Пановой — любопытство к красным или давняя связь с белыми? Актриса заставляет нас напряженно следить за развитием драматических перипетий в судьбе Пановой, придет ли она к Яровой и Кошкину, уйдет ли от них... Здесь драматический нерв роли, как понимает ее актриса.

Любопытно, что в продуманном рисунке роли Пановой для Быстрицкой (как и всегда в ее работах) чрезвычайно важен костюм героини. Он тоже должен «говорить», передавать биографию, участвовать в драматическом конфликте. На Быстрицкой в этой роли глухое черное платье с белоснежно-белым воротником и белым жабо, накрахмаленными белыми манжетами... Ослепительно-белое и глухо-черное здесь доминируют, бьют в глаза, заставляя зрителей уже смутно, подсознательно ощутить нечто... Белое и черное — это цвета нынешней жизни Пановой. Белое — цвет надежды, возможного возвращения к былому счастью. Черное — траур по минувшему. Здесь нет красного цвета. Но, быть может, зажжется он в душе этой Пановой? Ведь ей чем-то привлекают все эти Кошкины! И, однако, побеждает цвет белый... Не просто, но побеждает... И драматизм этой победы актриса передает и внутренним напряжением и внешней пластикой. Бегут белые. Уходят последние корабли. Толпятся в поисках спасения отцепенцы, только что бывшие хозяевами жизни. Пановой — с ними по пути. Но как она идет по этому пути? Все бегут, цепляются, торопятся,

боятся упустить мгновение: скорее, скорее — дальше от красных! Панова — Быстрицкая движется словно сомнамбула, — ей труден каждый шаг, каждое движение. Такая Панова, какой играет ее Быстрицкая, понимает, что каждый шаг, удаляющий ее от России, смертелен. За границей ее, быть может, ждут и богатство и поклонение. Но уже никогда не ощутит она себя человеком, каким, хоть в редкие мгновения, но чувствовала себя рядом с врагами — Швандей и Яровой...

Две сцены особенно запомнились в спектакле. Это сцены, наиболее полно передающие противоречивый мир Пановой в исполнении Быстрицкой. Она за машинкой, старомодной, высокой, словно какая-то крепость. И когда к Пановой подходят с приказами, она, перепечатывая эти приказы, словно стреляет по красным, работает на машинке, как на пулемете, с такой яростной силой бьет она по клавишам видавшего виды «Ундервуда». И вторая сцена — финальная. О ней я уже говорила. Это сцена, где Панова — Быстрицкая медленно, неохотно, страдальчески движется к последнему кораблю, уходящему за границу. Так две противоречивые сцены, превосходно найденные актрисой, складываются в сложный портрет. Перед нами враг. Перед нами личность.

...Роли, все еще памятные, и роли новые.

Красавица Юлия Филипповна в горьковских «Дачниках» (режиссер Б. Бабочкин) в исполнении актрисы не просто никчемно-роковая, обольстительно-беспольная героиня. Среди других женщин этой пьесы, либо совсем не понимающих, декадентски проживающих жизнь, равнодушных к жизни, либо начинающих жизнь понимать, Юлия — Быстрицкая занимает особое место. Она — под пару Суслову в незабываемом исполнении Бабочкина, обозленного мещанина и говорливого себялюбца, интеллигентного Иудушки Головлева, отравляющего всех и каждого ехидно-шелестым словом... Он выбился в люди, этот Суслов, но по дороге сжег свою душу. Теперь он сжигает души всех, кто рядом: пусть и тот умрет нравственно, не поднимая головы из обывательской трясины!

Юлия в исполнении Быстрицкой как бы проникнута «сусловщиной». Ее красота выглядит пошло, ее любовь холодна, ее слова фальшивы и колючи, улыбки заучены, и еще страшнее слез — маска, где не сквозит душа. Красота Юлии — дачная, временная, равнодушная красота, не живая, не близкая людям. И когда в финале спектакля сметают мусор, оставшийся после дачников, то мусором — и реальным и символическим — окажется мещурная, неплодоносящая красота Юлии...

Быстрицкой близки роли из театра Уайльда. Это женщины эфемерно-парадоксальные, светски-равнодушные, житейски-сметливые, таинственно-несчастные либо притворно счастливые, окруженные страшным прошлым, но живущие лишь легкомысленным настоящим, с вечной роковой любовью и сиюминутным пустым романом; они без старости и без молодости, они богаты и опутаны долгами... Актриса отлично чувствует горьковатую иронию Уайльда, пытающегося блистательным парадоксом размыт тупые буржуазные реалии. Мы запомнили ее в спектакле «Веер леди Уиндериер», где она была «уайльдовской», и этим, по существу, все было сказано. Сыграть сегодня Уайльда — значит познакомить зрителей с комедией грациозной, умной, дать людям, кажется, шуточный, но вполне серьезный нравственный урок, да и самой актрисе получить огромное актерское наслаждение.

* * *

...Умение трудиться нельзя назвать отличительным качеством Быстрицкой. Подобное качество есть у многих и многих актеров. И все же я называю его среди главных отличительных черт дарования этой актрисы. Она трудится, даже когда не трудится; она работает, даже когда нет спектакля. Она органически не может не работать, не совершенствовать себя, а ведь это так нелегко! Говоря словами Станиславского, нелегко постоянно быть в «муштре», в «тренинге»...

Пожелаем же Элине Быстрицкой, недавно ставшей народной артисткой Советского Союза, чтобы высокое это звание не сулило ей ни малейшей надежды на отдых! Пусть она всегда пользуется другим своим конституционным правом, самым любимым ее правом. Правом на труд.

Неуловима черта, отделяющая беспечный мир детства от беспокойной поры юности — поры духовного становления подростка, впервые задумывающегося над своим местом в жизни, впервые в полной мере осознающего ответственность за свои дела и поступки.

Об этом — все повести Альберта Лиханова, собранные в двухтомнике. Переходный возраст их героев приходится на тяжелое время военного лихолетья, голодные послевоенные годы, наши дни. Разные «семейные обстоятельства» (таково название трилогии, составляющей первый том) формируют характеры Михаськи, Толика, Сережи и прочих мальчишек лихановских повестей. Разные люди окружают их. Но всех этих ребят роднят неустойчивая тяга к свету добра и справедливости, готовность открыто взглянуть правде в глаза, даже если она мучительно ранит и от нее, по словам Михаськи, героя повести «Чистые камушки», «плакать хочется».

На хрупкие плечи его юных героев обрушиваются большие и малые невзгоды; они рано сталкиваются с подлостью, предательством, хищным эгоизмом и обывательским стяжательством некоторых взрослых. Однако их нравственная несостоятельность не в силах поколебать в душе подростков высших идеалов благородства и чести, заставить ребят разувериться в близких. И это — самое важное.

Орбиты жизни — взрослой и детской — в повестях А. Лиханова драматически пересекаются, взаимовлияя друг на друга. Причем моральное право суда над старшими со всей неизбежностью приводит ребят к еще более строгому суду над самими собой. А это, как мы видим, требует от них немалого мужества. Встречаясь со злом, юные герои Лиханова не смиряются, не остаются пассивными наблюдателями, но бросаются в схватку со всей горячностью детского максимализма. Они жаждут изменить мир к лучшему, и не их вина, если им неведомо пока, как сделать это.

Повествование у Лиханова почти всегда ведется от третьего лица — обстоятельно, неторопливо, в сугубо традиционной манере последовательного рассказа. Но образ автора-рассказчика неизменно сливается здесь с личностью героев. Писатель смотрит на мир глазами Михаськи, Толика, Сережи; с той же непосредственностью, что и они, переживает их горести и радости, победы и поражения. И потому его героям веришь, болеешь за них.

Повести Лиханова редко разрешаются счастливым, в общепринятом смысле этого слова, финалом.

«Поезд уходил на войну. Война продолжалась... И много было впереди всего. У меня — крутых гор. У отца — трудных дней».

Так кончается повесть «Крутые горы».

Нравственное очищение героев, как правило, наступает после большого душевного потрясения и еще затуманено им. Их радость выстрадана в трудной борьбе со злом и самими собой. Она не приносит окончательного облегчения.

Уезжают в другой город родители Толика, покидая на вокзальном перроне отказавшегося ехать с ними мальчика. Тот возвращается к скредной до умопомрачения бабке, отравившей жизнь его родителям и тем не менее самой глубоко несчастной и одинокой. Бросить ее, подобно отцу и матери, на произвол судьбы Толик не может, хотя не испытывает к ней ни любви, ни благодарности и знает, что еще натерпится с нею вдоволь.

Автор, как правило, не дает в своих произведениях решающей развязки. Он подводит главных действующих лиц — ребят и взрослых — к тревожному рубежу, который им предстоит совместными усилиями перешагнуть; оставляет их у порога новой, неизведанной жизни, где надо исправлять упущенное и крепко думать, как жить дальше. И такой конец не кажется пессимистичным. Напротив, он вселяет надежду.

Ю. ОСИПОВ

Альберт Лиханов. Избранное в 2-х томах. М. «Молодая гвардия», 1979.

ИСТОК МОЕЙ СУДЬБЫ

Петрусь БРОВКА

ЛАПТИ

Увидел я в музейном зале,
Где вещи под стеклом лежат,
Вернувшийся из дальней дали
Необычайный экспонат.

Ах, лапти, вы и не мечтали,
Когда ходили по земле,
Что выставят в просторном зале
Вас, в детстве послуживших мне.

Да, вас носили в лихолетье
Не разгибавшие спины,
Все те, кого хлестали плетью
И экономы и паны.

Все те, кто был тогда не в силах
Голодные наполнить рты.
И снег и глину вы месили
На бездорожьях маеты.

А мы портянки поддевали,
Но всем стараньям вопреки
В лаптях мозоли натирали
И набивали синяки.

Да, мы судьбу кляли, а бога
Молили подсобить селу...
Но, вспомнив давнюю дорожку,
Хочу я вам воздать хвалу.

Как ни суди, а по старинке
Привыкли все — и млад и стар —
В лаптях плясать на вечеринке
И пехом топтать на базар.

Вы за былое не в ответе.
И многим жителям земли
На протяжении столетий
Вы послужили, как могли.

Вернулись вы из дальней дали
И выставлены под стеклом,
Чтоб вспомнил я в музейном зале
О детстве лапотном своем.

РАЙ

Где рай, что нам обещан богом?
Когда я был и глуп и мал,
В любой избе, в углу особом
Тот призрак место занимал.

Наш быт, соломенный, посконный,
Был осенен дымком лампад.
И я стоял перед иконой,
Недетским трепетом объят.

Мечтал я стать святым в эдеме,
Витать средь райских куц и птах,
Где сам господь парит над всеми
На облаках-пуховиках.

Что богу вся тщиета земная?
В раю не ведают беды.
И ангелы, забот не зная,
Поют, не требуя еды.

Тот рай мальчишеских мечтаний
Угас, исчез — не вспоминай...
Я вырос и, вкусивши знаний,
Постиг, что вот он рядом, — рай.

Не хуже райских наши птицы.
Я слышу гомон вешних стай.
Где райская вода? В кринице.
В тени березок чем не рай?

В Полесье на июльской зорьке
Под шелест куц, под шум дубрав
По раю существу с ведром
Иду, боровиков набрав.

Сижу под кроною шуршащей,
Огромен ствол и мил приют.
А девушки в знакомой чаще
Не хуже ангелов поют.

Роса иль белая пороша,
Все любо-дорого окрест.
Куда сыновний взгляд ни брошу,
Везде приметы райских мест.

ПЕТУХ

Я сызмала тобой гордился,
Теперь ты мне, седому, спой.
Как только я на свет родился,
Меня окликнул голос твой.

Ты в одеянье пестром, древнем,
На шлеме гребешок багровый.
Тебя не зря прозвали певнем,
Ты из породы п е с н я р о в.

На тын взлетая без усилия,
Ты некий кругозор обрел
И, распахнув при этом крылья,
Взираешь гордо, как орел.

Ты — страж пеструшек и хохлаток,
Ты — опекун цыплят своих,
Ты — многоженец в ярких латах
И нескончаемый жених.

Соллист эстрадный в блеске, в славе,
Немало спел он на веку,
Но ты и с ним сравняйся вправде,
Провозгласив: — Ку-ка-ре-ку!

Под сенью стрех, во всем нуждаясь,
В курном доме, в печном дыму
Не по часам мы пробуждались,
А по призыву твоему.

Ну что ж, мы всюду попевали,
Храня твой утренний запал.
Мы молотили, пряли, ткали,
А ты горласто подпевал.

Скажу, приятель, между нами,
Не соглашался я с тобой,
Когда сражался ты с друзьями,
Из ревности вступая в бой.

Но, птиц различных уважая,
Неравнодушен к их судьбе,
В родную вежку приезжаю.
И к первому спешу — к тебе.

МОРОЗ

Все не могу я согласиться
С несоразмерностью такой.
Сперва зима, как чаровница,
Пушистый снег, земной покой.

Задумчиво белеет хвоя,
Стоят березы в забытии,
И ладят с ласковой зимою
Синицы, дятлы, воробьи.

Блещат сугробы, лед как чудо.
Смех конькобежцев, лыжный кросс.
Зачем же ты невесту откуда
Приходишь, бешеный мороз?

Ты беспощадной злобой пишешь,
Таких, как ты, нигде не ждут.
Ты серебром на стеклах пишешь,
Искусен твой узор, но лют.

Ты даже под кожух забрался,
Сдружился с ветром гулевым.
Где злости ты такой набрался —
У ледниковых древних зим?

Сдержи свой норов, очень просим,
Уймись, уйди, а то — беда.
Не жги в полях застывших озимь,
Ей много отдано труда.

Пускай твой добрый брат — м о р о з е ц
Вернет нас к тихой белизне.
Мы с ним на лыжах, на полозьях
Проложим верный путь весне.

...А я любил, когда горели
На тонких шеях у подруг
Не золотые ожерелья,
А васильки, сплетаясь в круг,

Подруги сами расцветали,
Как те венки былой весны,
Развились, пели и плясали,
Смеясь, входили в наши сны.

Лукавые синели взоры,
Венки синели — дар земли.
И те цветочные уборы
Неодолимо нас влекли.

Теперь в ином, я знаю, сила,
Иная мода... Но, друзья,
Я не ворчу. Заговорила
Не старость, молодость моя!

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА

Хоть над лесом и над нивой
Ночь не кончила обход,
Соловей нетерпеливый
Нам свой голос подает.

Он, покоя не нарушив,
Ткет серебряную нить,
Пробуждая наши души,
Побуждая жить и жить.

Вдохновляет одаренных
Блик походного костра.
Но певца спешит ворона
Заглушить своим: «Кра-кра...»

Луч сквозь листья чуть пробьется,
Возликует соловей,
Но, как только он зальется,
Снова: «Кра!..» — среди ветвей.

Дар весенний возрастает,
Голос — лучше в мире нет.
Но орет воронья стая
И, глядишь, примолк поэт.

Думаю на зорьке ранней —
Оградить бы нам пора
Певческое дарованье
От бездарного: «Кра-кра...»

МАСТЕРСТВО

Есть вещи — всем на удивленье.
Чего не создает рука!
Но филигранное уменье
Бывает и у паука.

Он высоко, как в поднебесье,
Под потолком, в углу окна,
Такие кружева развесит,
Что паутина, как струна.

«ПОДПИРАЯ ПЛЕЧОМ БОЕВУЮ ЭПОХУ»

«Во имя жизни встретить ветер боя», «Подпирая плечом боевую эпоху», «Прохожу я по кромке огня», «Будто возрасту власти нет», «Мне хочется петь о простом и великом»... Да, перечитав снова книги поэта и поставив рядом, одну к другой, самые емкие, самые программные его строки, каждая из которых почти афоризм, неожиданно видишь: родился глубокий образ, вобравший в себя смысл всей творческой судьбы Алексея Александровича Суркова. И еще — в нем выразилось постоянство его художнических и жизненных устремлений: ведь слова «Мне хочется петь о простом и великом» вошли в первую книгу поэта — «Запев», изданную в 1930 году, в самом начале творческого пути.

Начало это было знаменательным. Вскоре А. Сурков стал помощником А. М. Горького в редактировании журнала «Литературная учеба», а в 1934 году он выступил на I съезде советских писателей. Прочитав это давнее выступление, вы увидите А. Суркова сегодняшнего — страстного публициста, прямого и открытого полемиста. В той речи, которая еще и сегодня актуальна, молодой Сурков заступился за Маяковского, чье творчество часть тогдашней критики принимала не полностью, с оговорками, утверждая, что «время агиток Маяковского прошло».

А спустя десятилетия Сурков примет прямое участие в судьбе другого крупнейшего русского поэта XX века, А. А. Ахматовой — будет составителем ее книг и автором предисловий, в суровые первые месяцы войны на литературном вечере в Колонном зале Дома союзов прочтет отправляющимся на фронт бойцам ее стихи «Мужество».

Фронтовые дороги сделали Суркова своим в любом солдатском окопе, блиндаже, землянке. Вместе с бойцами он тянул горькую махорку, выслушивая их простые исповеди и вместе с ними мечтая о будущей победе, раздумывая о судьбе своего поколения.

В его поэтической палитре военных лет было место и гневной тираде против врага, и суровому реквиему над павшими в жестоких боях за свободу, и веселой частушке, и лирическому гимну любимой женщине. Ведь стихотворение «Землянка» («бьется в тесной печурке огонь»), равному по популярности которому

мало найдется во всей фронтовой поэзии, обращено к любимому человеку. Стихотворение это очень личное, интимное, но настолько мощное в нем дух причастности ко всеобщей судьбе, что в годы войны оно согревало, объединяло единым дыханием и бойцов на фронте и тех, кто ковал победу в тылу.

Примечательность таланта Алексея Александровича Суркова — в человечности, лиризме его произведений, в их ясной гражданственности, в четкости идейных позиций. Полнота восприятия жизни его героями делает их нравственно красивыми, уверенными в том, что чашу жизни, чашу поисков добра, радости, счастья надо с честью испытать до дна.

Пусть железо сечет с высоты.
Кто нас может со смертью сдружить?
В час атаки, у смертной черты,
Лишь неустойе хочется жить.

Герои произведений А. Суркова не произносят громких слов, дела и поступки их обычны и обыденны, но именно из них и складывается История; они ходят «в рядовых при большой революции, подпирая плечом боевую эпоху».

Сегодня коммунист, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР лауреат Государственных премий, член Всемирного Совета Мира А. А. Сурков, как всегда, на боевом литературном посту.

Друг мой! В таежной ночной тишине
Вспышки ракет осветили окно.
Ты на минуту нагнись ко мне,
Я тебе слово скажу одно.
Если порвет пулеметный дождь
Жизни моей непрочную нить,
Вьнь мое сердце! Ты в нем найдешь
Песню, которая будет жить.

Написано в сороковом году. Но кажется, что вчера. Особенно эта последняя строка про песню, которая будет жить.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Ведь у него одна забота —
Плести и слушать. Тем и сыт.
Чуть муха попадет в тенета,
Вмиг паутинка зазвенит.

Да, он работает красиво,
Приманки праздничной творец.
Но цель волшебника — пожила.
И бедной пленнице — конец.

Что ж, слух остр у рукодельца,
Его узоры хороши.
Искусен — никуда не деться.
Охота есть. Но нет души.

ТРИ ЖЕЛУДА

Когда еще мальчишкой был,
Три желудя я посадил
В краю, где мой отцовский дом,
На ближнем взгорке, за гумном.

И вот, весне земной сродни,
Пробились весело они
Сквозь грунт, сквозь прочную кору,
Лучи встречая поутру.

В тот ранний год, в начале дня,
Дубки утешили меня
Сначала остреньким ростком,
А после — вырезным листком.

Зеленый, глядя на восток,
Из почвы взял он первый сок.
Потом возникли в синеве
За первой веткой — новых две.

Когда я покидал село,
Ветвей немалоросло.
Под их шумливу листвою
Я мог укрыться с головой.

Так начался их добрый взлет.
Меж тем бежал за годом год.
Я, повидавший города,
Приехал сызнова сюда.

Нашел исток своей судьбы.
Растил дубки, застал дубы.
И я, который их сажал,
Теперь в сравнение с ними — мал.

Их ветви в ясной вышине.
Дано им дольше жить, чем мне,
Стволы их бурям не сломать.
И я утешился опять.

Ведь под листвою их вершин
Укрылся путник не один.
Так пусть придут и стар и млад
Сюда, где желуды лежат.

Пускай их в землю, как и я,
Посадят наши сыновья,
Пусть почву желуды пробьют,
И вновь дубки родятся тут.

Любой из них землей храним.
Ничто, ничто не страшно им.
Земные мы. Как тем дубкам,
Ничто, ничто не страшно нам.

Какой судьбы мы ни коснемся,
Победы есть, хватает ран...
В глазах — свое сияет солнце,
В груди — штормует океан.

Тревоги, встряски то и дело,
Такой уж выдался маршрут.
То солнце пышет без предела,
То волны грозно обдают.

Но покоряться им негоже.
Держись, не рви надежды нить,
Хоть вспышки долго ты не можешь
Ни пригасить, ни приглушить.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

Стандарт на вежливость

В Министерстве торговли СССР были рассмотрены публикации «Огонька» — «Стандарт на вежливость» и «Клиент согласен на стандарт». Начальник управления организации торговли Л. А. Таривердиев сообщает:

«Непосредственные обязанности руководителей торговых предприятий, заведующих отделами (секциями), продавцов магазинов определены «Правилами работы магазина». За неисполнение этих обязанностей, за нерадивое отношение к делу, за нарушение правил торговли, за грубость виновные привлекаются к дисциплинарной ответственности и лишаются премиальных доплат».

Далее тов. Таривердиев информирует о том, что сейчас в пяти республиках проводится эксперимент по определению критериев уровня культуры торговли. Когда эта работа завершится, будут подготовлены соответствующие рекомендации. Еще одной принципиально важной мерой, внедрение которой позволит повысить культуру торгового обслуживания населения, является осуществляемый ныне переход на вводимую систему оценки качества труда («система бездефектного труда»). Объективные критерии оценки качества труда увязаны с материальным стимулированием и с различными фор-

мами социалистического соревнования. И как подтверждает эксперимент, такая система дает положительные результаты. В Белорусской ССР систему управления качеством труда уже применяют все предприятия торговли и общественного питания. В торговых организациях республики значительно укрепилась трудовая дисциплина, повысилась культура обслуживания. Широкое распространение эта система, СТАНДАРТИЗИРУЮЩАЯ ТРУДОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ВКЛЮЧАЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ПОКУПАТЕЛЕМ (подчеркнуто нами. — Ред.), получила также в ряде областей РСФСР, Украинской, Казахской и других республиках.

В соответствии с приказом Министерства торговли СССР эта система до 1 января 1980 года должна быть внедрена во всех предприятиях отрасли.

«Министерством торговли СССР, — продолжает тов. Таривердиев, — изданы приказы «О повышении роли и усилении ответственности руководителей предприятий розничной торговли и общественного питания за организацию торгового обслуживания населения» и «О мерах по улучшению работы с молодежью, занятой в организациях и на предприятиях торговли и общественного питания». В этих документах определен ряд конкретных мер, направленных на повышение культуры торговли. Приказы обобщены во всех трудовых коллективах, за их исполнением установлен постоянный контроль со стороны Министерства торговли СССР и министерств торговли союзных республик. КОМПЛЕКС МЕР, ПРОВОДИМЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В ОТРАСЛИ, В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ И СВОДИТСЯ К СТАНДАРТИЗАЦИИ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ И ВСЕХ ТРУДОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ТОРГОВЛЕ» (подчеркнуто нами. — Ред.).

Еще в начале лета было оговорено, что это обозрение, тема которого — «год сборной», будет написано в ноябре, после того как советская команда завершит свои выступления в отборочном турнире чемпионата Европы. Однако 13 сентября, на следующий день после предпоследнего матча этого турнира, проведенного нашей сборной в Афинах, прозвучал звонок из редакции: «Ждать, кажется, нечего, можно подводить итоги». Ждать и в самом деле было нечего, матч был проигран 0:1, все надежды и спасительные варианты рассеялись. Но я все-таки не сел немедленно за машинку, зная по давнему опыту, что работа по горячему следу поражения сплошь и рядом наталкивает на неточные, близко лежащие, в большей мере эмоциональные, чем доказательные суждения. Ведь прежде всего полагалось отдать себе ясный отчет в том, что это было: только ли 90 плохих минут или нечто иное? Как водится, сразу после матча в Афинах говорили о многом и разном. И о плохом поле

будут ими полностью предъявлены и истрачены в минуты ответственных и решающих встреч. Как бы то ни было, зафиксируем (этого требует справедливость), что наша сборная сумела в серии товарищеских игр проявить свою квалификацию, ибо без этого пять побед ей бы не одержать.

Но были еще два матча — со сборной Венгрии 2:2 и сборной Финляндии — 1:1. Это уже матчи официальные, чемпионата Европы, и результаты их совсем иные. Мне почему-то нетрудно представить, что если бы и с этими командами матчи проходили в ранге товарищеских, наша сборная вышла бы победительницей. Я говорю это, основываясь на впечатлении, оставшемся от игры венгров и финнов, которые отнюдь не выглядели безупречными и неуязвимыми. Да и если мы заглянем в классификацию европейских сборных «Франс футбола» за прошлый год, то найдем там Венгрию на 23-м месте, а Финляндию на 26-м. Кстати, Греция в этой классификации делит 20—21-е места.

Для полноты картины необходимо вспомнить и год 1978-й, ибо первые матчи отборочного турнира были проведены в прошлом сезоне, дома с Грецией — 2:0 и с Венгрией в Будапеште — 0:2. А между тем с товарищескими матчами и тогда дело обстояло неплохо: из девяти окончились в пользу нашей сборной восемь и лишь один проигран команде ФРГ на ее поле со скромным счетом 0:1.

Теперь, когда черта подведена и мы получаем возможность оперировать достаточно большими для футбола числами, вывод напрашивается сам собой. **Вполне прилично выступать в товарищеских встречах, наши футболисты не выдерживают высокого напряжения матчей официального календаря, когда перед ними**

основных турнирах, в чемпионатах континента бывала и первой, и второй (дважды), и четвертой, а в чемпионатах мира регулярно оказывалась в восьмерке лучших, а однажды вышла на четвертое место, то после этого свои позиции она сдала. А вместе с этим мало-помалу растеряла тот опыт игры и борьбы «на самом верху», которым располагала. А этот опыт необычайно ценен, потому что, играя с самыми сильными, только и можно составить не теоретическое, а живое представление об уровне мирового футбола в его лучших образцах, проверить свои возможности и слабые места, поддерживать и развивать мастерство и спортивное самолюбие игроков, чтобы они были готовы к любым испытаниям на любых стадионах мира, проходя через которые они приобретают вместе со своей командой то качество, то достоинство, которое принято именовать международным классом. В этом смысле в опыте нашего футбола за последние семь сезонов образовался ощутимый пробел, который товарищескими встречами не восполнишь, даже и побеждая в них.

С марта 1977 года, когда сборную возглавил Н. Симонян, в ее составе появлялся 51 футболист. В двух последних матчах, которые она проводила с тренером К. Бесковым, появилось еще 6 новых фамилий, 26 матчей — 57 игроков. Пожалуй, многовато. Но я не хотел бы комментировать тренерский поиск, дело это сугубо специальное. Другое тут привлекает внимание: просматривая этот длинный список, видишь в нем представителей 12 клубов и фактически всех, кого считали лучшими на протяжении трех сезонов. Это значит, что ответственность за незавидное положение сборной ложится на весь наш клубный футбол, потому что в сборную, как известно, люди приходят с игровыми навыками и с воспитанием, полученными в тех командах, в которых они выступают постоянно.

Н. Симонян, немало лет работающий тренером и имеющий ряд заметных достижений, предлагал игрокам тактические варианты: и

0:1, что это такое?

стадиона «Панатинаикос», и о промахах Кипиани, Шенгелия и Максименкова, и о том, почему в составе нашей команды было пять защитников и только один нападающий, и почему так много новичков, и даже о том, что «лучше бы тренеру Бескову выставить на этот матч свой «Спартак». Все это легко понять, потому что любителями футбола руководило уж очень острое разочарование.

Мне вспоминается один разговор с Львом Яшиным. Сидели мы с ним и перебирали разные наши футбольные беды, пытались докопаться до причин. И тут он сказал: «Знаете, у нас как-то все тонет в мелочах, то то, то это, то одно, то другое, и вроде бы какого-то пустяка не хватает. А надо бы судить поточнее, порезче и посерьезнее, тогда и польза была бы». Не согласиться с ним было нельзя.

Припомним события этого сезона. До матча с греками наша сборная выходила на поле семь раз. Пять раз она побеждала: команды Болгарии — 3:1, Швеции — 2:0, Чехословакии — 3:0, Дании — 2:1 и ГДР — 1:0. Среди победителей чемпион Европы (Чехословакия) и олимпийский чемпион Монреаля (ГДР). Но все эти победы были одержаны в товарищеских матчах, которые давно уже приняли характер то ли разведочный, то ли развлекательный, то ли тренировочный, и хотя в них никто, разумеется, сознательно не уступает, но и никто не делает трагедию из проигрыша. Заранее предполагается, что в таких матчах команды показывают игру и умение, но что-то обязательно сохраняют про запас до тех дней, когда придет срок матчей в рамках чемпионатов мира или Европы, так называемых официальных матчей. Сохраняют прежде всего те резервы физических и душевных сил, которые

оказывается противник, играющий яростно и вдохновенно, даже если этот противник далеко не высокого класса. Как бы ни был огорчителен и обиден этот вывод, сделать его необходимо.

Естественно возникает вопрос: как же так, раньше наша сборная играла на равных с самыми сильными противниками на чемпионатах мира и Европы, когда же и почему все это с ней приключилось и каковы виды на будущее, наконец?

Сначала попытаемся ответить на первую часть вопроса — «когда?». Последним удачным для советской сборной крупным турниром был чемпионат Европы 1972 года. Она дошла до финала и заняла второе место, имея в активе победы над сборными Испании, Северной Ирландии, Югославии и Венгрии. Турнирный путь ее, согласитесь, был не из простых и, уж во всяком случае, выглядел гораздо сложнее, чем тот, который она совершала в этом году. Но после того чемпионата в финальных стадиях крупных турниров ее уже не видели.

Не станем вдаваться в подробности, скажем коротко: за эти годы сборная пропустила два чемпионата мира, два чемпионата Европы, а ее выступления на Олимпийских играх в Мюнхене и Монреале, где она занимала третьи места, лишь с натяжкой можно принять за частичный успех.

Пожалуй, одна подробность все-таки заслуживает упоминания. Это то, что на чемпионат мира в Аргентину дорогу сборной «перебжала» та же самая греческая команда, выигравшая у нее в Салониках с тем же счетом, что и недавно. А тогда и новичков в ее составе не было, и присутствовали два форварда (Блохин и Ойниченко).

«Франс футбол», комментируя тот матч, писал: «Этот результат один из самых необъяснимых в 1977 году. Теперь сборной СССР, чтобы доказать свою боеспособность, придется ждать чемпионата Европы». Но вот и из него наши футболисты выбыли досрочно...

Если с 1958 по 1972 год советская сборная постоянно, без перерывов, участвовала во всех

4—3—3 и 4—4—2, — старался отбирать на каждую позицию наиболее искусных мастеров, однако команда не склеивалась. Внешне все выглядело вроде бы правильно, но чертеж не оживал, не становился одухотворенным. И как только от команды требовалась игра не просто грамотная, а пронизанная суровой и острой борьбой, линии этого чертежа исчезали, смазывались. И было обидно видеть, что каждый в отдельности наш мастер не уступал по классу противникам, а командная волевая, дружная игра не получалась.

Мне показались очень искренними слова К. Бескова, сказанные им сразу после афинского матча спецкору «Советского спорта»: «На нас, тренеров, и не только сборной, больше всего ложится вина, что не приучены игроки сражаться за победу изо всех сил. А разве можно без этого играть в футбол на высоком уровне!»

Как тут не вспомнить великолепную, вдохновенную игру тбилисского «Динамо» против прославленного чемпиона Англии «Ливерпуля». Можно ведь, оказывается, играть в больших матчах от души, с красивой щедростью тратя силы! Пусть тбилисцам такая игра удастся не каждый раз. Но сборная имеет считанное число встреч, и ей полагается проводить их именно в таком ключе. Однако это у нее давно не получается.

В дни, когда сборная выступала в отборочном матче в Хельсинки и сделала там неприятную ничью, игра сбивчиво и безвольно, я находился в командировке в одной из команд высшей лиги. Проводя беседу с футболистами под свежим впечатлением от этой неудачи, я задал им вопрос: «Верите ли вы в благополучный исход предстоящего матча с

греками?» — и попросил поднять руки тех, кто верит. «За» не проголосовал ни один. Сейчас можно признать, что эти мастера разбираются в положении вещей. Но этот «реализм» горек. Теперь перед нами следующая часть вопроса, поставленного выше: «Почему все это приключилось?»

Годы, на которые падают злключения сборной, в общем виде я бы назвал периодом смешения понятий, теоретического разноречия. Именно в это время от практической деятельности отошли те тренеры, которые задавали тон в нашем футболе, в первую очередь назову Б. Аркадьева, В. Маслова, Г. Качалина, М. Якушина. Само собой, они терпели неудачи, и они ошибались, но эти люди мало того что глубоко разбирались в футболе, они точно знали — что особенно ценно — своеобразие, сильные и слабые стороны именно нашего, советского футбола, они были, я бы сказал, хранителями его идейности, его особого лица, шли своим путем, никого слепо не копируя.

Вот, например, что писал Б. Аркадьев: «Советская школа футбола складывается из общих принципов нашей «науки побеждать», из нашей идеологии коллектива, чувства товарищества, нашей спортивной этики, смекалки, т. е. творческой инициативы в преодолении противника и здорового спортивного азарта борьбы. В тактическом отношении советская школа футбола нашла свое выражение в общепринятой у нас системе игры, которую я назвал бы системой интенсивной игры... Существование нашей системы заключается в игре «изо всех сил».

Могут сказать, что слова эти написаны давно, что футбол с каждым годом в чем-то меняется. Конечно, футбол меняется, но только не в тех принципах, о которых здесь идет речь. И разве торжество этих тактических принципов, еще тридцать лет назад прозорливо провозглашенных советским выдающимся теоретиком футбола, не видели мы совсем недавно, на последнем аргентинском чемпионате мира, правда, в выступлениях других команд, игра которых была «интенсивной» и велась «изо всех сил»?

Мне не раз на страницах «Огонька» приходилось писать о всех тех сомнительных новациях, которые проникли в наш футбол, как ржавчина. Надеюсь, что читатель достаточно о них наслышан, ограничусь напоминанием. Это — чрезвычайно быстро распространившаяся и укоренившаяся тенденция ставить ловкое умение собирать требуемое для спокойной жизни количество турнирных очков выше поиска классной активной игры. Это — связанная с ней точка зрения, что умение экономить силы команды важнее умения их тратить, словно матчи чемпионата страны не официальные, словно нет обязанности перед зрителем. Это — поведение команды на чужом поле, где позволительно себя ограничивать и довольствоваться малым, где ничья — благо и равна победе. (Хотя этой модной линии многие свято следуют, если мы посмотрим результаты как сборной, так и клубов в официальных турнирах на чужих полях, то легко убедимся, что желанных ничьих не так уж много, а поражений больше чем достаточно.) И наконец, это — ничейная эпидемия, захлестнувшая чемпионат страны, которая приняла настолько угрожающие размеры, что пришлось в административном порядке выставлять карантинные заставы, под названием «лимит ничьих», чтобы, с одной стороны, активизировать игру команд и, с другой — пресечь тайные злоупотребления.

Все это, вместе взятое, искажало облик футбола, отнимало у него атакующую направленность, сдерживало форвардов, они теряли вкус к ударам по воротам, и показатель результативности, один из самых чутких, упал до очень низкой отметки.

Хотя сборная и занимает особое место в футболе, хотя в нее отбирают самых лучших, хотя от нее требуют и ждут больше, чем от клубов, и игроки, надевшие ее форму, не могут этого не понимать, тем не менее и она не могла не испытать на себе всех тех отрицательных явлений, которые в последние годы дали о себе знать в чемпионате страны. Отсюда — 0:1.

Осталась третья часть вопроса: «Каковы виды на будущее?»

В реплике К. Бескова, приведенной выше, читатель, наверное, обратил внимание на слова: «На нас, тренеров, больше всего ложится вина...» Нет оснований не доверять Бескову, давным-давно работающему с командами и отлично знающему всю подноготную. Да, от тренеров зависит практически все. Зависит от того, как они учат игре, как к ней готовят и какое отношение к игре прививают. Тренер тем более становится наиболее влиятельной фигурой, что в наши дни большинство команд созданы все условия для занятий и жизни, и все реже

и реже слышишь разговоры о каких-либо нехватках и узких местах.

Принято говорить, что в нашем футболе идет смена поколений тренерских кадров. Говорят и о том, что пока восемнадцатую квалифицированными руководителями команд высшая лига не располагает. Со всем этим можно согласиться, трудность такая существует.

Но ведь есть примеры работы, которые, быть может, не достигли эталонного уровня, но несомненно интересны. Они-то, эти примеры, и дают виды на будущее и позволяют понять, что должно быть поощрено и развито.

Еще стоит перед глазами блестящая игра киевского «Динамо» в 1975 году под началом В. Лобановского и О. Базилевича, правда, к сожалению, не получившая продолжения. Знаем мы, как много сделал в тбилисском «Динамо» Н. Ахалкаци, внесший в игру одаренных мастеров стройности и организованности. Эти примеры многократно приводились и исследовались. А есть и свежие.

В прошлом сезоне ровным счетом ничего не представлял из себя «Арарат», с огромным трудом уцелевший в высшей лиге. Сейчас на эту команду любо-дорого посмотреть. В ней играют недавние юниоры, а она смела, ни перед кем не тушует, атакует в охотку, весело, инициативно. И поставил эту команду на ноги дельный тренер И. Беца.

Вызывает симпатию работа молодого Э. Малюфеева в минском «Динамо». Только что вернувшись в высшую лигу, клуб утвердил себя в ней не благодаря вымучиванию «кочковой нормы», а игрой, построенной на скоростных атаках, готовностью сразиться с любым противником.

Чувствуется, что и Ю. Морозов в ленинградском «Зените» прилагает усилия для того, чтобы активизировать игру своей команды, привить ей вкус к атакующим операциям.

Все эти команды не из числа лидеров. Но не это главное, хотя и есть обыкновенное измерять футбольную работу согласно линейкам таблицы. Иногда более высокое место команды может занять, и не особенно преуспевая в командной игре, в смелости, в интенсивности, а просто за счет лучшего подбора футболистов. Сейчас дороже всего те игровые проявления, те искры, за которыми угадываешь волю, инициативу, азарт, готовность играть, по выражению Б. Аркадьева, «изо всех сил».

Нельзя не обратиться вновь к опыту московского «Спартака», хотя об этом клубе в наши дни пишется едва ли не в каждом футбольном обозрении. Выглядит парадоксом, что команда, о которой, кажется, никто не рискует отозваться как о классной, где собраны выходцы из младших лиг, вчерашние юниоры и даже игроки, не подошедшие другим клубам, тем не менее — среди лидеров и вполне устраивает публику. А парадокса нет. Едва «Спартак» позволит себе играть вразвалочку, как он немедленно становится таким же, как и многие другие. Когда же он затевает игру на скорости, не жалея сил, тут и возникает «его игра», в которой он этих самых «многих» превосходит. Между тем, если сравнить с ним по составу, по способностям и выучке игроков московских клубов «Динамо», «Торпедо» и ЦСКА, то они нисколько не хуже. Но у них скоростная коллективная игра не поставлена, футболисты не обнаруживают увлеченности. Так как же не различить в этом случае искусство и характер тренера, его спортивную идейность! Никаких чудес нет, есть заинтересованность в деле, желание сделать все, что возможно, лучшим образом. И как же это много, оказывается!

Футбол по сути своей оптимистичен. Люди, питающие к нему пристрастие, верные ему, прекрасно знают, что в игре постоянно чередуются пасмурные и ясные дни. Так в прежние годы бывало не раз и с нашей сборной. Но сейчас ждать, что погода сама собой переменится к лучшему, не приходится. Сейчас, как никогда раньше, стала очевидной прямая зависимость сборной от общего положения дел в футболе, от характера борьбы в чемпионате, от взглядов и мастерства тренеров, от воспитания, которое получают футболисты в клубах, от поиска и выдвигания молодых сил. Работа по старинке, когда все силы клуба уходило на то, чтобы занять «приличное» место в таблице, устраивать никого не может. Требования к футбольному труду нуждаются в решительном пересмотре.

КОЛКУРС
ОГОНЕК
СТРОКА
В БИОГРАФИИ
СТРАНЫ
ЧИТАТЕЛЕЙ

НАША ЗОЯ

Много лет прошло после войны, многое позабылось, но когда встречаешь своих фронтовых друзей, все оживает вновь, как будто это было вчера.

Недавно у меня произошла встреча с моей однополчанкой, старшиной медицинской службы Зоей Борисовной Самойловой. Более тридцати лет мы с ней не виделись, не знали ничего друг о друге. И вот она приехала вместе с сыном ко мне в гости, в Калугу.

Сидит у меня дома наша Зоя, как любовно называли ее все в нашем 1-м гвардейском Днестровском Краснознаменном ордена Александра Невского разведывательном мотоциклетном полку 5-й гвардейской танковой армии, и вспоминаем мы с ней боевые друзья, фронтовые пути-дороги.

...Осенью 1944 года наш полк получил задачу выйти к Балтийскому морю в районе города Мемель, разведать силу и расположение противника. Для выполнения этой сложной боевой задачи была создана сильная разведывательная группа под командованием майора Антоненко (имени, отчества не помню). Была с нами и Зоя. Несколькими экипажами автоматчиков на мотоциклах должны были на большой скорости прорваться на побережье моря. Противник обнаружил наших смельчаков, завязался бой. Зоя наравне со всеми автоматчиками-разведчиками вела огонь по врагу. А когда группа достигла безопасного места, Зоя начала перевязку раненых. Мы все еще раз убедились в бесстрашии этой русоволосой девчонки с санитарной сумкой и автоматом на плече.

Группа с честью выполнила свою задачу, в штаб армии было доставлено точное расположение огневых средств в системе обороны противника.

В последующие дни наши войска штурмом овладели городом, вышли к морю и прочно окружили Курляндскую группировку врага. За проведение этой операции почти весь личный состав разведгруппы был награжден орденами и медалями. Майору Антоненко было присвоено звание Героя Советского Союза. Зоя получила второй боевой орден — Славы III степени.

Никто не знает да и сама Зоя Борисовна сейчас затрудняется сказать, сколько им воинам она спасла жизнь, скольких вынесла с поля боя.

Наша Зоя теперь живет в Мурманске, на улице Буркова, дом 23, квартира 63. Думаю, что, взглянув на эту фронтовую фотографию, многие однополчане вспомнят смелую девушку и отзовутся.

Г. СОБЯНИН,
майор в отставке

Калуга.

Зоя Самойлова. Декабрь 1944 года.

ЛЕВИТАН

Игорь ДОЛГОПолов,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Природа... Вот вечно и призывно звучащий зов красоты, свежести, чистоты, который связывает человека с миром жизни Земли, не ведущей счета годам, ибо нет машин, могущих подсчитать с точностью количество зорь и закатов, поцелуев и вздохов, меру горя и счастья.

Проснись! Взгляни за окно, и ты будто впервые увидишь во всем величии и простоте, как медленно, не торопясь, плывут и плывут ладьи-облака, услышишь немудреную песню ветра, до слуха донесется шепот деревьев и трав. А над всем этим миром, вдруг как будто вновь увиденным, великолепно будет сиять голубое небо как символ бытия, столь быстротечного и, однако, достаточно неспешного, дабы дать время понять чары самого существования рода человеческого. И тогда душе твоей, иногда замороченной суетой, станут особенно дороги художники, а их не так много, которые открывают немеркнущий, лучезарный, а порою трагический облик купели нашей — Родины. И среди мастеров, сумевших в своих полотнах остановить само время и дать нам возможность взглянуть в диво, которое нам дано, был Левитан.

Надо признаться, что не всегда мы можем постичь душой всю прелесть окружающего нас мира, ведь для этого мало быть только зорким, — надо сохранить умение поражаться, быть юным, невзирая на убежавшие куда-то годы, проведенные в заботах, труде, радости и горе... Надо сохранить жажду жизни, все то, что невольно заставляет нас любить прекрасное, ненавидеть жестокость, уродство. Кто, как не поэты, композиторы, художники, помогают нам в трудную минуту найти себя, заставить поверить в силу добра, в торжество красоты. Миллионы людей обязаны нравственной крепостью, чистотой этических убеждений, любовью к природе великим мастерам искусства.

В чем тайна очарования пейзажей Левитана? Почему прелесть его безлюдных тихих полотен так звучит в душе человека? Ведь десятки, сотни отличных живописцев писали березы, поляны, волжские просторы... Придите в Третьяковку. Конечно, вас околдует Куинджи, и вы долго будете стоять у холстов этого чародея... Крепко, крепко обнимут вас просторы шишкинских картин и поразит соединение мощи и уюта его сосновых лесов, ясность, прозрачность необъятных далей... Но — чу! Вот они, милые сердцу саврасовские «Грачи». Какое щемлящее чувство юности и свежести источает старый холст, как звонко и отрадно звучит мартовская капель... Саврасов — учитель Левитана.

Васильев, Поленов, Серов, Остроухов... Все, все они изумительно хороши. Согласно поют краски в пейзажах у Нестерова, Жуковского и Борисова-Мусатова, но...

Левитан... Страшное чувство одиночества, ощущение бездны и конца, несмотря на красу ненаглядную «Золотой осени», «Над вечным покоем», «Тихой обители». Эти багряные, золотые, серые и лазурные краски-враги встречаются и манят вас горькой прощальной улыбкой. Вы не сразу можете понять, отчего. Что случилось? Ведь так красиво и благостно у этой стены... Однако чувство потерянности и какой-то тоски не проходит. Так же пронзительно и неотразимо чарует молодой Есенин. Так неотразимо и грустно пахнет весною черемуха.

Наедине с Русью. Вот разгадка этой тайны. Левитан как никто чувствовал мощь и непобедимость зовущей дали, неоглядность просторов, которые могут оглушить тишиной и усталой прелестью. Мастер понял глубину одиночества большой земли, нетронутость Природы, ее сна и пробуждения. Он видел сумерки, чуял свет первой звезды. Если у картин Сурикова или Виктора Васнецова будто слышатся звуки музыки Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, то у полотен Левитана звучат мелодии Чайковского, Рахманинова... Вы забываете от вас гремят огромный город, шуршат шины, пахнет бензиновой гарью, бегут будни, спешат по делам москвичи. Нет! Это все где-то далеко, а совсем рядом «Владимирка», и поет, поет унылую песню разбойный степной ветер, оплакивая чью-то загубленную душу, дождь сеет прозрачную сеть грусти и безысходности, и змеится розовая дорожка к стеклянной, словно замершей речке, гудит, гудит вечерний звон, его малиновые звуки разлились во всем пейзаже, и вам хочется заблудиться, забыться в этой гулкой тишине.

Россия конца XIX века. Огромная иерархическая лестница, наверху которой — царь. Пониже ступенькой — вельможная знать, а далее все гуще и гуще — «российские типы» из дворянского, чиновничьего, купеческого сословия. У самого низа этого гигантского сооружения — море людское — народ, — омывающее подножие громадины. Колоссальная по размаху страна с духовно сильным и красивым ликом народным была скована цепями условностей, связана узами суеверий и невежества, где все большую роль играл «чистоган», все крепла власть денег, власть тьмы.

Блок писал:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царицы сон и мгла...

Силы иерархии, догмы, мундирного почитания смыкались с серыми буднями, подлостью, нищетой.

А теперь, когда мы представили себе всю грандиозность Российской империи, всю многослойность ее построения, погрузимся в самую глушь, в бездну — в Ковенскую губернию, в Кибарты, близ станции Вержболово... Там в августе 1860 года раздался пронзительный плач младенца. Родился Исаак Ильич Левитан. Конечно, никто в бедной семье станционного служителя не смел и думать, что их сын — великий русский художник — будет в Москве и частенько станет бывать в Петербурге и что его будут признавать и приветствовать большие люди.

Но пока это все в туманной дали судьбы.

Вообразите всю безжизненную суету местечка Кибарты. Гвалт и шум базара, длинные щербатые кирпичные заборы, костлявые, тощие старики с войлочными желтыми бородами, с глазами, налитыми до краев гордыней и скорбью. Но сумерки ростовщичества, скука, ожесточенность споров будто не касались маленького Исаака. Он не любил посада, обожал бродить босой по пыльным дорогам окраины... Когда приближался вечер, первая, робкая голубая звезда мерцала в прорыве багровых и розовых пылающих туч закатного неба. Она была еле заметна, эта маленькая звездочка — вестница ночи, прохлады, покоя. День еще догорал, скрипели телеги, обгоняя малыша, клубилась пыль, чавкала непротоптанная грязь, вопили нескладные, размахивающие руками люди в длинных черных сюртуках. Над всем этим гамом, словно ветхая шуба, висела гниль старины. Жизнь местечка. Своеобразная, диковая. Крашенные светлой лазурью домишки стояли, как льдины, в студенистых морях грязи... Стеннело. Стало тише, прохладнее. Ушли тучи. Закат тлел алыми углями. И тогда ярче зажглась наша звездочка. Она взошла над местечком. Кто знает, может быть, это была звезда маленького Левитана. Станный и нелюдимый, уходил он далеко за околицу и долго, долго вглядывался в даль полей, вслушивался в пение ветра, щебет птиц. Ждал появления луны. Ему не сиделось дома: там было тесно, душно и очень грустно. Исаака не все считали нормальным ребенком, многое прощали. Он целые дни бродил по лугам, что-то шептал, неотрывно следил за бегом облаков. А когда шел, усталый, домой, его окружали ветхие деревянные сараи, набитые хламом, косые крыши лачуг. Он иногда содрогался от бешеных криков скандаливших обывателей — будто проснувшись, вздрагивал и... плакал.

Такой чудной был этот мальчик, Исаак Левитан, у которого свой, особенный внутренний мир. Мир, в котором царили тишина, простор и покой. Единственно, где он находил отраду, — в черных глазах матери, всегда печальных, ласковых, любящих.

Тикали старые ходики, пел сверчок, бормотал что-то отец. Ох, как было тоскливо! Но малыш забывал об окружающей его тесноте и нужде. Он грешил об огромном мире, где властвовало солнце, воздух и ветер. Будущий художник был готов излить свои чувства в еще неясных для него образах, но нищета и приниженность мешали ему, не давали выхода мечтам... Но еще придет волшебная пора, когда сама царица-природа поможет ему.

Тщедушный мальчонка с фантазией истинного поэта преодолевал прозаизм ужасного быта. Его интимная детская лиричность не могла вступить в бой с пошлостью и жестокостью тогдашнего времени. Единственно, что он мог, — это стараться не замечать уродства, грязи, всей этой кровотокающей язвы окружающего его мира — нищих, калек, бездушных процентщиков, богачей-мироедов... Его душа тянулась к свету, к прекрасному, а его считали чуть ли не юродивым. Жизнь давала юному Левитану ежедневные суровые уроки, от которых трудно было укрыться или уйти. Но мальчишка был настойчив, он видел перед собой великую исцелительницу — Родину.

Дни текли, проходило детство.

...Однажды тайком юный Левитан пришел в костел. Он проник в пустынный и гулкий зал храма. Поблескивали образа, сверкало золото, улыбались ангелы, грозно глядели пророки. Душа Исаака сжалась: перед ним предстал весь благовонный, серебристый, строгий мир святости, немые статуи, сверкающие столбы света, пляшущие в полумраке золотые пылинки, падающие с потолка на мозаичный пол.

Жалким и потерянным чувствовал себя маленький Левитан. Здесь все было сотворено руками людей во имя всемогущего владыки небес. Но не было свободного неба и солнца, вечно что-то шепчущей зелени.

Нет, надо бежать на улицу и скорее вдохнуть воздух, простор и свежесть.

Старое барокко не покорило будущего художника. Он и позже никогда не будет преклоняться перед творениями рук людских. Зато мастер всегда будет восхищаться животворной силой и красотой природы.

Семья нищенствовала. Тупик, глухомань задавили жизнь Левитанов. Отец решил рискнуть. Отъезд в Москву был неотвратим. И вот когда сложили всю домашнюю рухлядь, немудреный скерб семьи, навьючили багаж и бричка, запряженная двумя клячами, наконец, тронулась

И. Левитан. ОСЕННИЙ ДЕНЬ. СОКОЛЬНИКИ. 1879.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Левитан. МАРТ. 1895.

ВЛАДИМИРКА. 1892.

Государственная Третьяковская галерея.

на вокзал, Исаак взглянул на небо. Приближались сумерки, но над сизой мглой небосвод был будто избит огненными плетями, словно изрыт багровой оспой. Визжали, скрипели колеса, и нищий кортеж удалился, оставив за собой детство Левитана.

...Москва встретила их снежным бураном, сугробами, хлестким сырым снегом. Семья выгрузилась у огромного серого коммерческого дома на Солянке. Левитан не мог подсчитать, сколько стоптанных ступеней привело их в убогую обитель. Хлопнула дверь. Зазвенела цепочка, и новая судьба косо взглянула в испуганные лица людей.

Комнатка была тесна и темна, пропитана многолетней плесенью. Затхлость и сырость томили душу. Чадила керосиновая лампа. По мокрым стенам бродили уродливые тени. Вдруг вспомнилась далекая Кибарта. Бородатые орудия дяди... Горячая пыль под ногами. Розовые, алые закаты. Где все это? Мрачно, голодно и тоскливо в Москве. Исаак приходил из школы, и в безнадежности бытия ему светило синей льдиной окно. За ним был огромный город. Люди. Кто-то радовался, пахло снегом... Левитан отворачивался от сырых стен, не глядя на бродящие жуткие тени, влезал на высокий подоконник и восхищенно смотрел на лазурные крыши домов, на теплые очи окон, на мятущееся небо.

Но реальность одна... И для этого надо лишь обернуться и взглянуть на голодных и нищих домочадцев. Так пролетали дни и ночи в доме на Солянке.

Исаак шагал по городу. Рядом с жильем была Хитровка, откуда выползали диковинные бородачи с багровыми, оплывшими лицами. Странные, пестрые, простоволосые девки. Орала извозчики. Гудела булыжная мостовая. Угар, чад, запах навоза.

Старая Москва. Как красива она была зимою, в морозный, снежный, ясный декабрьский день, в праздники, когда весело скрипят полозья санок, воздух гудит от колокольного звона, на сугробах лежат лиловые тени, а лица девушек хороши — розовые, румяные, и блестят белозубые улыбки. Жить хочется!

В тринадцать лет юный Левитан поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. С первых шагов его ждал успех. Исаак был талантлив и начал получать награды за «первые номера по художественным занятиям». Но счастью недолго было суждено светить в неудачливой семье. Одна беда следует за другой. Умирает мать. Вскоре от тифа скончался отец. В семнадцать лет молодой студент остается нищим один на улице. Начинается долгая грядя скитаний, унижений, самой беспросветной нужды... Особенно ужасно брести по чужому городу ночью, когда на тебя смотрят сотни глаз окон, а тебе негде приклонить голову. Ты бродяга, изгой. Вскоре юношу ждал еще один удар. Его исключили из училища за неуплату очередного взноса за занятия.

Но добрые люди, друзья-студенты собрали необходимую сумму и внесли деньги в канцелярию. Левитан вернулся. Шли месяцы. Пусть не всегда сытые, но полные надежд... Совет преподавателей освободил юношу от платы за учение. Закатили пир, купили калачей, сыра, колбасы. Константин Коровин играл на гитаре. Пели песни. Все это скрашивало жуткие часы одиночества и отчаяния. Самое страшное наступало каждую ночь... Исаак дождался, пока все уходило из здания училища, брел на верхний этаж и там, прячась от сторожа, ложился на груды старых холстов и подрамников.

Ночь. Не спится. Хочется есть. Тишина. Где-то капает вода. Жутко. Вдруг придут и выгонят на трескучий холод?.. Так в борении, тоске и радости творчества текла жизнь будущего великого пейзажиста.

И когда однажды Алексей Кондратьевич Саврасов, давно привечавший талантливого подростка, взял его в свою мастерскую, Левитан был счастлив. Его мечта исполнилась! Ведь теперь его учителем будет создатель знаменитых «Грачи прилетели», сам Саврасов!

«Чудак»... Так за глаза величали Саврасова. А он, пожалуй, был один из самых мудрых художников своего времени.

Ученики обожали Алексея Кондратьевича. Не сводили с него восторженных взглядов, когда он приходил в мастерскую заросший, с отеками лицом.

Константин Коровин вспоминает про учителя: Саврасов, огромный, неуклюжий, с большими красными руками, заросший густой бородой. Глаза его сверкают. Он учит студентов:

— Весна, фиалки в Сокольниках, уже зелень распустилась. Ступайте туда. На стволах желтый мох блестит, отражается в воде... Воды весны! Да ступайте... Надо почувствовать красоту природы. В России все поет.

Левитан как-то раз заметил Коровину: «Мы, пейзажисты, никому не нужны». А позже, показывая свой этюд, проговорил: «Последний луч. Что делается в лесу, какая печаль! Этот мотив очень трудно передать. Пойдемте со мною в Сокольники. Там увидите, как хороши последние лучи...»

Вдруг пришел Саврасов. Посмотрел этюд. «Художники и певцы всегда будут воспевать красоту природы. Вот Исаак Левитан, он любит тайную печаль, настроение...» «Мотив», — вставил Левитан. — Я бы хотел выразить грусть, она разлита в природе. Это какой-то укор нам... А Коровин ищет веселье...»

Позже Коровин описывает, как они гуляли по Сокольникам, как солнышко зажигало розовые свечи сосен, хлало синие тени на снег.

— Что с вами? — спросил Коровин у Левитана.

Тот плакал и вытирал бегущие слезы.

— Я не могу: как это хорошо! Не смотрите на меня, Костя. Я не могу, не могу. Как это хорошо! Это как музыка.

Молодые художники шли обратно. Солнце зашло. Хрустел наст. Мотив одиночества, нужды сопровождал юность Левитана. Он говорил:

— Я восхищен лесом и хочу, чтобы другие тоже восхищались им так же, как я. Эти последние лучи — печаль и тайная тоска души — особенная, как бы отрадная... Неужели этот обман и есть подлинное чувство жизни? Да, и жизнь и смерть — обман. Зачем это? Как странно...

«Левитан был разочарованный человек, всегда грустный, — писал Коровин. — Он жил как-то не совсем на земле, всегда поглощенный тайной поэзией русской природы... Летом Левитан мог лежать на траве целый день и смотреть в высь неба. «Как странно все это и страшно, — говорил Левитан, — как хорошо небо, и никто не смотрит. Какая тайна мира — земля и небо. Нет конца, никто никогда не поймет этой тайны, как не поймут и смерть. А искусство — в нем есть что-то небесное — музыка...»

Наедине с Русью... Эти записки Коровина еще крепче утвердили мои размышления о левитанском неизбывном, постоянном диалоге с природой России. В те юные годы он только подходил к истинному контакту с пейзажем... С годами эта связь стала для Левитана его жизнью, его святой целью.

Все шло бы ничего, но заедали палитру привычные коричневые тона, не хватало смелости увидеть звенящую синь пленэра. Левитан мается. Пропадает где-то сутками. Приходит какой-то чужой, с воспаленными глазами, перепачканный красками, худой и печальный. Саврасов глядит на его маленькие этюды, хмыкает. Доволен.

И вот наступает первая в судьбе живописца выставка. Прочтите строки из газеты «Русские ведомости», в которых отмечают удачу пейзажей Куинджи, Шишкина, Саврасова и...

«Пейзажист г. Левитан выставил две вещи: одну — «Осень» и другую — «Заросший дворик». Дальше им дается высокая оценка: «Все это написано просто мастерски, во всем проглядывает чувство художника, его бесспорно жизненное впечатление от природы; судя по этим двум картинам, нет сомнения, что задатки г. Левитана весьма недюжинного характера».

Господин Левитан... А ему, этому юноше, — всего семнадцать лет. Это был 1877 год. Таково начало. Казалось, блестящее. Шлагбаум успеху открыт.

Левитан был истинный певец Отчизны. Как-то художник заметил: «Говорят, что нужно ехать в Италию, только в Италию можно стать художником. Но почему? Чем пальма лучше елки?» Эта мысль юноши нашла подтверждение во всей его жизни. Он был певец Руси не потому, что не видел красот иноземных. Нет. Он не раз колесил по Европе, но жизнь его искусства была дома, на родине.

Надо представить себе Левитана тех пор — юношу экзальтированного, с воспаленной фантазией, прибитого бытом... И, несмотря на это, мощно и прямо идущего к своей цели, к созданию портрета русской природы — яркого, многозначного, объемного. ...Вскоре стираются воспоминания детства, обычно самые яркие. Он живет будущим.

Левитана поддерживали. Его маленькие этюды не раз экспонировались на выставках и имели успех, но... В 1879 году страну сотряс выстрел в императора Александра II. Москва была закрыта для Левитана. Он уехал за город, в Салтыковку, и оттуда ежедневно добирался в Москву на «чугунке». Денег нет. Ботинки разбиты. Драный костюм и пустые карманы. Стыдно было показываться на люди. Так накапливалось в душе одиночество и тоска, которые даже в дни самых светлых удач омрачали жизнь молодого живописца. И эти перепады чувств рождали меланхолию — эту страшную ржавчину души.

Но он работал с энергией, изучая пейзаж во всех его деталях и подробностях, в цвете и тоне. Почерку Левитана с годами все более и более будет свойственна широта обобщения в мазке, колорите и композиции. Но это был результат невероятного труда, наблюдения. От деталей к общему — таков закон большого искусства.

История с учителями у Левитана была интересной и своеобразной. Великий Перов известен как проповедник критического реализма. Его полотна были полны горькой правды жизни. «Московская школа», — вспоминали о той поре С. Глазоль и М. Нестеров, — носила в себе своеобразный яркий отпечаток страстного увлечения и художественного подъема. И, думается, по своим устремлениям Москва и ее училище были в какой-то степени антиподом рутинной Петербургской академии. Это чувствовалось по многим признакам. Но Левитан был далек от Перова. Лишь Саврасов, этот второй колосс училища, сумеет привить ему вкус к неистовому поиску поэзии и правды природы. Очень заметен был приход в училище Поленова. Этот европейски образованный живописец принес с собой веяния пленэра; его картины и этюды, привезенные из-за границы, сразу поражали своей сочностью и свежестью. Вот эти разные, большие художники влияли на становление юного таланта... Аскетизм и гражданственность музы Перова, напряженный лиризм русского Коро — Саврасова и блистательный дар Поленова — все эти столь отличные друг от друга мастера вместе дали Левитану понимание широты и ощущение нужности художника, его благородного труда.

...Салтыковка. Вокруг кипела обыденная, дачная жизнь. Мелькали белые платья и чесучовые костюмы, соломенные шляпы, яркие зонтики, блестяли кокетливые глазки модниц, а у будущего мастера не было ни гроша, он голодал. Но наперекор всему отчаянно работал. Левитан не сдавался, он свято надеялся на целительную силу таланта и труда.

Упорство, вера и работа дали свои плоды. Юного пейзажиста заметил сам Третьяков.

«Осенний день. Сокольники». Шелестят верхушки темных сосен, лохматаясь на светлом бегущем небе. Шуршат золотые кленовые листья, разогнанные ветром по краям дорожки, удаляющейся от нас в туманную даль. Куда спешит эта одинокая дама в черном? У ее ног скользит прозрачная осенняя еле заметная тень.

Левитан отдал дань традиции. Пейзаж — жанр. Но природный вкус и чувство меры не позволили художнику перейти грань банальности. Это полотно — типичный «пейзаж настроения», в котором одновременно воздействуют на зрителя человек и природа. Этот опыт юного художника, еще не распознавшего себя и своего пути в искусстве, будет единственным. Живописец придет к более сложной и оригинальной форме.

Первая и последняя человеческая крупная фигура на картине написана Николаем — братом Антона Павловича Чехова, с которым Леви-

тана свяжет судьба на всю жизнь. Не без сложностей. Но они знали друг друга цену, и хоть не всегда дружили, но в самые последние дни в далекой Ялте Левитан напишет на память Антону Павловичу Чехову лирический пейзаж «Стога вечером». Но не будем забегать вперед. Вернемся в 1879 год.

Итак, пейзаж Левитана в галерее Третьякова. Это был миг радости. Автор картины получил сто рублей. Напомним, что художнику не хватало одного года до двадцати лет.

И опять судьба наносит очередной удар. Тяжко заболевает сестра. Левитан три года снимает дачу в Останкине и всеми силами пытается вылечить Терезу. И она поправляется. Художник ближе увидел подмосковную природу, больше стал писать пленэр, но когда, наконец, наступил момент окончания училища и Саврасов пометил на обороте дипломного холста: «Большая серебряная медаль», — это вовсе не был финал. Ученый совет решил по-другому, ему не понравилась картина. Автора попросили написать другую... Лишь через несколько лет, в 1886 году, Левитан получил диплом «внеклассного художника».

Но дама в черном из Сокольников уже много лет ждала в Третьяковке новых пейзажей Левитана. И она дождалась. Его полотна займут место в лучшей галерее России.

Но это было не так просто.

Сложен был путь Левитана к своему признанию. Куда только не толкала его нужда! Писал поденно скупщику картин, малевал и поштучно базарные пейзажи. И вот, наконец, судьба свела его с интересным человеком — это был Савва Мамонтов... Купец, богач решил создать свою частную оперу и... открыл новую страницу в создании оригинальных спектаклей, вошедших в историю развития русской национальной культуры... Первенцем была «Русалка» Даргомыжского, ею был обозначен сезон. Мамонтов пригласил Левитана вместе с Виктором Васнецовым писать декорации... Опыта у них не было, и они создавали большие картины-панно.

Премьера. Зал бешено аплодирует декорациям, что в опере бывало редко: здесь царствовали рутина, шаблон. Новую романтическую, богатую по цвету, русскую песню пропели художники. Левитану работа очень помогла, он стал шире видеть, стал цветнее. Его кисть забывает ученическую кропотливость, мазок стал раскованней, полотно зазвучало звонче...

...Все устали от трудового дня, ноги гудели, хотелось спать, но впереди была ночь — надо готовить генеральную репетицию. Малая Москвичев уже приняла «дозу» и храпит, нарушая тишину. Вдруг распахнулась дверь — Антон Чехов.

Чехов и Левитан. Если отбросить невроты Левитана, которые помогали исцелить Чехов-врача, то они часто обогащали друг друга, будучи абсолютно разными людьми. Конечно, были и шутки и игры, но все это с возрастом и возмужанием ушло, а ощущение близости, духовная дружба остались.

Для молодого Левитана театр был лишь эпизодом, не более. Константин Коровин стал корифеем русской сценографии. Зато пейзажист зарабатывал себе деньги на поездку в Крым.

Таврида со всеми своими прелестями, кипарисами, олеандрами, виллами и дворцами «не показалась» живописцу, и он пишет другой Крым — суровый, новый по ощущению. Пятьдесят этюдов привез он в Москву и покорила всех. Настоящее гжугее солнце светило на небольших холстах.

Может быть, здесь сыграло роль письмо Антона Павловича к Левитану, в котором он процитировал писателя Григоровича: «Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий...»

Как ни одинока и трудна была жизнь художника, но ему почти всегда помогали сильные талантом, характером русские люди, не давали хандрить. И он все больше понимал это. Художник пишет из Крыма: «Черт возьми, как хорошо здесь!.. Я вчера взобрался на скалу и с вершины взглянул на море, и знаете ли что, я заплакал, заплакал навзрыд; вот где вечная красота и вот где человек чувствует свое полное ничтожество! Да что значат слова... работается хорошо... если так будет работать, то я привезу целую выставку».

Левитан не обманул ожидания. Крымские этюды шли нарасхват, пейзажист обретал известность.

Но жизнь его внешне не изменилась. Меблирашки, скитание, кормежка впроголодь. Летом новые этюды. Не хватало основного, сильного, яркого... И вдруг вновь болезнь. Нестеров вспоминает: «Меблированные комнаты «Англия». Тускло горит лампа, два-три мольберта, от них тени по стенам. Тихо. Немного жутко. За стеной стонет тяжело больной Левитан...»

Как все в жизни, прошла болезнь, оставив слабость и безденежье. Но это было уже привычно. Замелькали московские будни. Жаркие споры об искусстве с художниками. Встречи с Чеховым. Пейзажи не очень «шли» у покупателей, все больше скапливалось их в мастерской — жилой комнате.

И снова судьба предлагает ему испытание. Чехов пишет: «Левитан закружился в вихре». Молодой человек вошел в салон к Софье Петровне Кувшинниковой — начинающей художнице по-своему восторженной и искренней. Он влюбился. Левитан оделся франтовски, стал посещать премьеры, словом, вел светскую жизнь и... безумно тосковал. Искусство, творчество не прошло измен. Картины были наконец распроданы, а новые чистые холсты ждали, ждали.

Художник бежит на Волгу... Правда, мудрый Чехов говорил в свое время: «Левитану нельзя жить на Волге. Она кладет на душу мрачность». Нелогично? Ширь, простор, мощь — и мрак.

Реакция последовала немедленно по приезде. Левитан пишет Чехову: «Разочаровался я чрезвычайно. Ждал я Волги, как источника сильных художественных впечатлений, а взамен этого она показала мне настолько тоскливой и мертвой, что у меня заныло сердце. Серое небо и сильный ветер. Ну просто смерть!» Так сбылось, казалось, предсказание Чехова.

Волга подавила Левитана величием и своей эпичностью, на первых порах он не знал, куда ему приклонить голову, кому излить тоску. Но шли дни, и весенняя река раскрыла ему свои просторы. Художник понял, что есть не только подмосковная дачная Русь, а нечто магическое, неразгаданное, ждущее своего поэта-живописца.

«Я никогда еще не любил так природу, — писал Левитан, — никогда еще так сильно не чувствовал я это божественное нечто, разлитое во всем... оно не поддается разуму, анализу, а постигается любовью... Многие не поймут, назовут, пожалуй, романтическим вздором — пускай! Они — благоразумие».

Это чувство пролилось на полотна мастера. Они не были похожи на яркие, сочные пейзажи Крыма, но за серой дымкой стояло раздумье, смена настроений, словом, это было преддверие настоящего Левитана, беседующего с природой. Живописец ощутил в полной мере масштабность, простор реки. Он уехал домой полный замыслов, жажды нового свидания с Волгой, ее Жигулями, Васильсурском.

Художник иногда не дает открытого решения, он не всегда должен громкогласно заявлять «да» или «нет», он может ставить перед зрителем сложные вопросы. В этом тончайшем диалоге с русским пейзажем раскрывается вся смятенность художника, чувствующего доброту духа Руси, бездонного и неохватного, но отличающегося порою удивительным безразличием к человеческой личной судьбе.

«Вечер на Волге»... Ненастье. Дожди, туманы, непогода — все эти столь обычные для русского пейзажа слагаемые создают атмосферу неизбывной печали, тоски... Вот эта грусть неподражаемо передана Левитаном в его полотнах. Мерцающая пелена, промозглая, серая, леденит сердце, будит чувство безысходности, тупика. Но художник нашел ту могучую мажорную ноту простора и необъятности, воли, свободы, которая перекрывает монотонность дождя.

Волга... Ее богатырский размах повлиял на становление Левитана как пейзажиста-патриота, гражданина своей Отчизны. «Вечер на Волге»... Монохромное небольшое полотно. Почти гризайль. Но духовность, ощущение необъятности далей, какой-то былинной древней свежести заставляют нас проникнуться чувством гордости за это диво природы, медленно, неслышно несущее массу вод через всю страну к Каспию. Ни одной живой души нет на холсте, но фантазия зрителя додумывает, дорисовывает образ Разина и его ватаги, плывущих по Волге. Звенят удалые песни, звучат шумные голоса атамановой вольницы... Так небольшой холст с тремя одинокими черными челнами и сверкающей гладью вод обретает особый живописный строй.

Плес... Заштатный волжский городишко. Мещане и мещанки, приземистые купцы и шустрые мастеровые, ширококостные медлительные грузчики... Художники поселились в Заречной слободе. Вскоре по приезде, в румяный, розовый вечер, в самую зарю, когда пылало небо, Левитан пишет полюболюбившуюся древнюю церквушку, реку, зелень, объятую пожаром заката, и создает этюд. Все в нем дышит умиротворенностью. Ему близка таинственная и простая старина. По просьбе художника однажды священник отслужил обедню в ветхой церквушке, давно закрытой. Вот как Софья Кувшинникова описывает впечатление, которое оказало на Исаака Ильича это действо: «Странно звучали удары старого, словно охрипшего маленького колокола... Где-то вверху на карнизе ворковали голуби... Левитан был тут же с нами, и вот, как только началась обедня, он вдруг, волнуясь, стал просить меня показывать, как и куда ставить свечи... И все время службы с взволнованным лицом стоял он подле нас и переживал охватившее его трепетное чувство».

Произшел еще один случай. Летний знойный полдень. Левитан пишет этюд. Вдруг к нему прибегла маленькая старушка, вся в черном, повязанная белым платком, и, подойдя поближе к художнику и, видно, приняв его за нищего, положила ему на крышу этюдника медную копейку. Левитан сперва опешил. Потом поцеловал монетку и до конца жизни не расставался с ней.

«Плес открыл Левитана...» — так говорили многие. Но и художник «открыл» никому не ведомый до него уголок. «Совершенно новыми приемами и большим мастерством поражали нас всех этюды и картины, что привозил Левитан с Волги», — говорил Нестеров.

На следующее лето все чаще и чаще художник, зачарованный тихой прелестью пейзажей Плеса, пишет проникновенные, полные мелодий весны и лета, счастья, надежды холсты. Ему легко дышится на волжском просторе. И он начинал сочинять картины-песни. Одной из первых была «Золотой Плес». В этом полотне нет ничего досконально похожего, копирующего, в полотне намечено состояние торжественности умирания дня и рождения вечера.

«Вечер. Золотой Плес». Этот холст — новый шаг Левитана в постижении пейзажа родины. Озаренность, сложное освещение полотна придают картине какую-то сказочную свежесть и очарование. Будто в золотом мареве купаются небо, вода и берега Волги, чуть-чуть тронутые сизым вечерним туманом, который стелется на берегу, покрывая все холодной дымкой вуали.

Как всякий вечер, холст навеивает грусть. И эта скрытая борьба ликующих теплых тонов уходящего дня, радостных и звучных, невольно подчеркивается пеленью наступающих летних сумерек, тронувших косогор, колокольню и домик. Городок притих. Вся картина наполнена удивительной музыкой молчания, так много рассказывающей нашему сердцу. Чистота, какая-то девственность, нетронутость, лирика длящегося секунды мига, остановленного навсегда Левитаном, делают эту картину значительной в истории русского искусства, предваряющей многие творения следующего века.

Главное, что отличает этот пейзаж, то, что художник приемлет всю эту напряженную интимность. Полотно пронизано острым чувством очарования живописца, влюбившегося в этот мотив. Он создавал его сложно, собирая по крупницам впечатления от многих вечеров. Картина создана мастером, как бы ставшим на мгновение птицей и взлетевшим над землей.

Окончание следует.

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Мafia:

ГОСУДАРСТВЕ

Владимир НИКОЛАЕВ

ГАНГСТЕРЫ-БИЗНЕСМЕНЫ

Сегодня главная сила «Коза ностры» и залог ее дальнейшего процветания заключаются в том, что она со своими огромными капиталами все активнее вторгается в легальный бизнес.

В 1978 году специальная комиссия по расследованию организованной преступности вскрыла 46 видов легальной деловой активности, в которые гангстеры вкладывают свои средства. В их числе — угольные, нефтяные, металлургические и автостроительные компании. Министерство юстиции США считает, что «Коза ностра» владеет примерно десятью тысячами легальных компаний, имеющих годовой доход до 12 миллиардов долларов.

В легальный бизнес «Коза ностра» проникает с деньгами, нажитыми в традиционных сферах преступной деятельности: рэке (вымогательство денег с помощью шантажа), игорном бизнесе, торговле наркотиками, ростовщичестве, распространении порнографии и сутенерстве.

И, наконец, еще одно квалифицированное мнение — из американского журнала «Тайм»: «В сущности, ни одна область коммерческой жизни Америки не избавлена от проникновения мафии в форме инвестиций, разумеется, в большинстве случаев оформляемых через адвокатов или подставных лиц».

Таково общее положение дел в сегодняшней «Козе ностре» — корпорации гангстеров-бизнесменов. В настоящее время каждый из них с первых своих шагов в рядах преступного синдиката выступает в личине делового человека (впрочем, и по сути своей они до мозга костей деловые люди!).

В таком на первый взгляд раздвоении личности нет ничего парадоксального. Это, вернее, не раздвоение, а самый прочный сплав удивительно однородных элементов. Гангстеры усаживаются в солидные кресла деловых контор не только и не столько затем, чтобы придать себе легальность и респектабельность, а затем, чтобы делать деньги из денег, то есть заниматься обычным делом всех бизнесменов.

Сенатская комиссия с полным на то основанием заключает: «Никто из нас, разумеется, не отрицает за раскаявшимся преступником права выбирать для себя законную область деятельности... Но в ходе нашего расследования мы слишком часто убеждались в том, что эти гангстеры на деле совсем не раскаялись. Едва лишь обосновавшись в той или иной сфере деятельности, они вновь принимаются за свои шуточки, прибегают к насилию, бомбам, даже к убийствам, для того чтобы одолеть своих честных конкурентов (оставим на совести авторов этого доклада выражение «честные конкуренты»). — В. Н.). И очень часто конкуренция, осуществляемая при помощи таких методов, приводит к разорению честных бизнесменов, или же толкает их к применению таких же методов, или, наконец, вынуждает их примыкать к обществу гангстеров».

В наши дни процесс делания денег руками гангстеров на ниве вполне легальных фирм в одних случаях уже не отличается от того, что делают легальные бизнесмены, в других случаях деятельность гангстеров-бизнесменов осложняется тем, что они с помощью вполне официальных компаний «отбеливают» «грязные» гангстерские деньги, пуская их в оборот в «чистых» фирмах. Но как в гангстерском, так и в легальном деловом мире существует один извечный закон, который гласит, что деньги не пахнут. В силу этого закона «грязные» и «чистые» деньги так же спокойно уживаются в легальных корпорациях и на биржах, как уживаются официальные бизнесмены с бизнесменами-гангстерами.

«Отбеливание» бандитских денег — просто вынужденный процесс при обмане американского закона, который в конце концов и сам по себе тоже имеет свою конкретную цену (в долларах) в каждом конкретном случае, были бы у желающих его обойти деньги, а у «Коза ностры» они есть.

Это одна, так сказать, деловая сторона рас-

Продолжение. См. «Огонек» № 41.

смагиваемой нами проблемы. Но есть сторона и моральная, социальная, тоже немаловажная. Сочетая деятельность гангстера и бизнесмена, член «Коза ностры» успешно вырастает в буржуазное общество как его естественный продукт. Законы этого общества его в общем-то вполне устраивают («боссы» «Коза ностры» сливаются за самых рьяных патриотов!), причем законы не только юридические, финансовые, но и мораль общества. Один американский корреспондент поинтересовался у гангстеров, чем привлекает их деятельность в сфере организованной преступности, и услышал в ответ: «Деньги, власть, признание и почет». Этот девиз невидимо начертан на любой деловой фирме, не только на гангстерской. Не без знания дела шеф чикагской полиции Уильям Хэнхардт так судит о побудительных мотивах гангстеров: «Тот, у кого роскошный автомобиль и много денег, считается уважаемым человеком. Достичь такого положения становится целью жизни». Вот и стремятся наперегонки к этой одной и той же цели просто бизнесмены и бизнесмены-гангстеры. И, так же как у обыкновенных деловых людей, у их бандитских коллег по общему американскому бизнесу есть вкус не только к наживе, но и к власти. Может быть, они ее любят еще и потому, что в итоге она тоже приносит доллары, и чем ее больше, тем и денег больше. Журнал «Тайм» справедливо констатирует: «Для многих бандитов конечная цель — стать «боссом» и наслаждаться поистине феодальными почестями, которые оказывают главарям их «солдаты». «Власть для этих людей имеет такое же значение, как и деньги», — считает Р. Моргентау, окружной прокурор Манхэттена (центрального района Нью-Йорка. — В. Н.). А вот аналогичное мнение с другой стороны, признание одного из главарей «Коза ностры», Джо Боннано: «Гангстеры отличаются от бизнесменов лишь тем, что действуют по ту сторону закона». Впрочем, это выражение «по ту сторону закона» требует уточнения. Слишком сильно сказано! Не так уж и «по ту сторону»...

Обратимся еще к одному конкретному примеру из множества аналогичных фактов. Больше четверти века прожил в Санта Клара Вэлли (штат Калифорния) преуспевающий бизнесмен Джозеф Серрито. Он продает американские и иностранные автомобили, владеет авторемонтными мастерскими. Душа местного общества, знакомство ведет с такими же солидными деловыми людьми. Ни разу не был замешан ни в одном скандале. И вдруг подал в суд на «Лайф», один из самых известных американских журналов. Он обвинил «Лайф» в клевете и потребовал за якобы нанесенный ему моральный ущерб компенсацию в семь миллионов долларов.

На что же так обиделся Серрито? Да на то, что журнал назвал его одним из лидеров «Коза ностры».

В «Лайфе» был опубликован большой материал об этой преступной корпорации, и в нем Серрито упоминался как один из гангстерских «боссов». Его адвокаты в заявлении, поданном в суд, писали: «Мистер Серрито является бизнесменом в Санта Клара Вэлли уже 25 лет и никогда не был членом какой-либо преступной организации».

«Лайф», разумеется, не хотел платить семь миллионов компенсации обнаглелшему гангстеру-бизнесмену и в ответ на его иск опубликовал на своих страницах документы, фотографии и другие свидетельства преступной деятельности этого с виду добропорядочного буржуа. Среди них был, например, снимок Серрито, сделанный в сицилийском городе Палермо. На нем он изображен в обществе Фрэнка Гарофало, известного гангстерского «босса». К любопытной фотографии была приложена ее история. Оказывается, Серрито ездил туда по командировке «Коза ностры» для обсуждения с тамошними гангстерами положения дел в американском преступном синдикате, в котором в ту пору разгорелась очередная грызня за власть. «Лайф» приводит и другой примечательный эпизод из жизни этого гангстера-бизнесмена: оказывается, он был делегатом очередного съезда «боссов» «Коза ностры». Его участие в этом сборище журнал подтверждает неоспоримыми документами. Эти и другие разоблачения помогли редакции отбиться от наглых притязаний Серрито, но тех же самых разоблачений для

американского закона было недостаточно, чтобы упрятать Серрито за решетку.

В этой поучительной истории любопытен факт подачи гангстерского иска в суд. В этом акте выражена вся неизмеримая обида за то, что, по мнению «Лайфа», Серрито-гангстер больше, нежели Серрито-бизнесмен, а вот сам он считает иначе. Он, видимо, искренне убежден в правомочности собственного положения в американском обществе. Отсюда и гневный судебный иск гангстера!

«Мафия» имеет больше адвокатов, чем мы», — заявляет профессор Блэйкей из Корнельского университета. И верно! Если время от времени члены «Коза ностры» и попадают под суд, то закон торжествует весьма редко. За последние годы статистика в этой области такова: 52 процента наказанных гангстеров были осуждены лишь на уплату штрафа и только 20 процентов получили тюремное заключение сроком более двух лет. Пресса справедливо отмечает, что «грабитель банка, с кошельком наголо добывающий себе пару тысяч долларов, гораздо лучше вписывается в представления, которые нормальный американский судья имеет о фигуре преступника, чем элегантно одетый и окруженный сонмом ловких адвокатов представитель уголовного мира, даже если он обокрал общество на многие миллионы».

О том, как «Коза ностра» с целью наживы проникает в самые разные сферы американской деловой жизни, говорит история захвата гангстерами многих профсоюзов. Откуда, казалось бы, у них такая тяга к профсоюзной работе? Все дело в том, что их привлекают денежные средства профсоюзов.

Лет тридцать назад некий Джеймс Хоффа, молодой американский парень итальянского происхождения, решил попробовать свои силы на ниве профсоюзной деятельности, то есть стать профессиональным работником в этой области. Энергии и деловой хватки ему было не занимать, а демагог и карьерист он был отчаянный. На него обратили внимание. Но не только профсоюзные боссы. Им заинтересовались и «боссы» «Коза ностры». Они помогли ему стать сначала мелким профсоюзным работником, а затем сделали его главой одного из самых крупных профсоюзных объединений США — водителей грузовых машин (более двух миллионов членов!).

Как известно, в Соединенных Штатах перевозки на грузовиках давно превышают объем грузооборота на железных дорогах. По исключительно широко развитой системе шоссейных дорог день и ночь мчатся тысячи огромных грузовых машин, обслуживающих все сферы жизни и хозяйства. Велико значение этого транспортного звена в жизни нации. Понятно, что водители — члены этого профсоюза принадлежат к самой высокооплачиваемой категории американских трудящихся, потому, естественно, их профсоюз — организация богатая. Именно по этой причине «Коза ностра» с помощью своего ставленника Хоффы и захватила этот профсоюз. Почти четверть века им заправляла эта марионетка гангстеров! И, между прочим, ни для кого это обстоятельство не было секретом. Хоффа все время был на подозрении у властей, постоянно находился под судом и следствием, но лучшие (и, конечно, самые дорогие) адвокаты страны всегда выгораживали своего клиента. Так же, как и многие другие «сливки» американского общества, профбосс был недостижим для закона. А жил он, как это и положено деятелям его масштаба. Его официальная годовая зарплата составляла 125 тысяч долларов. У него было три роскошных резиденции — в Вашингтоне, Калифорнии и Флориде. Был у него и свой реактивный самолет — современный символ власти и богатства в США. А главное — были у Хоффы связи в самых высших политических и деловых сферах (не говоря уже о том, что за ним стояла могущественная «Коза ностра»).

Как гангстеры используют профсоюз в своих интересах? Механика этого дела довольно проста. Например, есть у него пенсионный фонд — один миллиард (!) долларов. По закону, разумеется, эти деньги нельзя использовать для наживы — пускать их в оборот, играть на бирже, короче говоря, заниматься деланием новых долларов из этих профсоюзных средств. Но гангстеры-бизнесмены, спе-

циализирующиеся на профсоюзной ниве, знают, как обойти закон и в данном случае, знают, как пустить в оборот профсоюзные средства и в результате нажиться на этом. В специфических условиях американского большого бизнеса (а к нему, несомненно, принадлежат и профсоюзы) закону страны трудно стать на пути преступных махинаций с профсоюзными деньгами. Американский журнал «Ридерс дайджест» свидетельствует: «Проникнуть через завесу секретности, окружающую пенсионный профсоюзный фонд, так же трудно, как пробраться в Форт Нокс (где лежит золотой запас США. — В. Н.).» Повествуя дальше о доходах «Коза ностры», журнал пишет: «Значительная часть из этого золотого потока, — никто не знает точно, какая часть, — ушла в сферу организованной преступности, в значительной степени финансируемой за счет пенсионного фонда профсоюза водителей грузовых автомашин».

Такого рода утверждения вышли из области догадок, подозрений, слухов и обрели силу факта только после того, как Хоффа в конце концов попал за решетку. Впервые за долгие годы пребывания на посту профбосса! И сделать это было нелегко.

Коррупция в профсоюзе, возглавляемом Хоффой, была для всех секретом полишинеля, но вот за руку его поймать никак не могли. Скандальное и наглое его пребывание на посту профбосса, его всеамериканская печальная известность бросали заметную тень на так называемую буржуазную демократию. Дело дошло до того, что в числе предвыборных обещаний Джона Кеннеди было заверение в том, что, став хозяином Белого дома, он отправит Хоффу в тюрьму. И как только Джон Кеннеди стал президентом США, он сделал своего брата Роберта министром юстиции и напустил его на Хоффу. Но последний, как мы уже знаем, был очень не прост, и орешек этот оказался не по зубам даже президенту Америки. Да, при жизни Джон Кеннеди так и не сумел справиться с Хоффой. Только после смерти Джона Кеннеди его брат, оставшийся некоторое время на посту министра юстиции, добрался-таки до этого профсоюзного гангстера.

Кстати, темное дело об убийстве президента Джона Кеннеди, намеренно запутанное американскими властями (об этом речь еще пойдет ниже), с годами проясняется, и участие в нем «Коза ностры» уже не вызывает сомнений. Оба брата Кеннеди рисковали объявить ей войну (в том числе и Джеймсу Хоффе), и оба пали под пулями наемных убийц.

Но вернемся к Хоффе. С помощью сложной детективной интриги удалось не только посадить Хоффу на скамью подсудимых, но и осудить его. Один из самых ближайших подручных Хоффы был уличен властями в преступлении, за которое ему предстояло закончить жизнь за решеткой. Ему пообещали смягчить наказание за выдачу Хоффы. «Расколовшийся» преступник помог властям разоблачить своего «босса» на одном конкретном деле, но и этого уже было достаточно, чтобы осудить давно зарвавшегося профлидера. Дело было в том, что Хоффа в ходе одного из многих дел, постоянно введущихся против него, прибегнул к своему излюбленному трюку — подкупу присяжных. На этом и был пойман, как говорится, за руку. А тут уже и другое грязное дельце всплыло, и получил доселе непотопляемый Хоффа тринадцать лет тюрьмы.

Но и после его ареста парадоксы американского образа жизни продолжались. Руководство профсоюза вынесло постановление — выплачивать своему посаженному за решетку «боссу» его зарплату (помните, 125 тысяч в год!). Понятно, что одно это обстоятельство уже скрашивало Хоффе вынужденную бездельность и отсутствие свободы. Мало этого. Попав в заключение, он по-прежнему чувствовал себя все тем же «боссом», лишь ненадолго покинувшему свой роскошный кабинет. Собираясь в тюрьму, он сделал все необходимые распоряжения. Оставил на время за себя по всем текущим делам своего заместителя Фицсиммонса, а распорядителем финансов назначил некоего Дорфмана. Последний не только профессиональный, но даже потомственный гангстер, его отчим был связан с известным в истории «Коза ностры» чикагским гангстером Аль Капоне, о котором мы выше уже упо-

минали. Кстати, сам Хоффа был запущен на профсоюзные рельсы именно «семьей» Аль Капоне, так что назначение Дорфмана было вдвойне оправданным: и с уходом Хоффы на отсидку деньги профсоюза оставались под надежным контролем гангстеров, то есть профсоюз оставался по-прежнему весьма своеобразным, но надежным банкиром «Коза ностры», и вовсе не случайно последним распоряжением Хоффы было следующее: «Все, что будет решать здесь Дорфман, считайте, что решаю я лично!»

Итак, Хоффа отбыл в тюрьму, а решать все стали Фицсиммонс и Дорфман.

Приговоренный к тринадцати годам Хоффа отсидел почти пять лет и затем был освобожден «за хорошее поведение». За это время немало воды утекло. И главное — гангстерской верхушке пришлось очень по душе, как Фицсиммонс и Дорфман повели дело. Они устраивали «Коза ностру» еще больше, чем упрятанный за решетку бывший «босс». Его отпустили на свободу с условием, что он не будет заниматься профсоюзной деятельностью. Велико было негодование Хоффы, когда он узнал, что это условие было организовано его же ближайшими сподвижниками. Короче говоря, надоев он своим хозяевам — и составил уже, и обленился, и скомпрометирован... А Хоффа никак с этим не хотел смириться. Начал бороться за себя, за возвращение на пост руководителя своего, как он считал, профсоюза. Но место было прочно занято Фицсиммонсом, другим ставленником гангстеров, которых он устраивал больше, нежели Хоффа. «Без поддержки гангстеров, — пишет журнал «Ридерс дайджест», — Фицсиммонс не смог бы остаться на посту президента профсоюза ни одной минуты».

Недолго боролся Хоффа за утраченный авторитет и потерянное место. В один прекрасный день он бесследно исчез. Так обычно исчезают те, кого «Коза ностра» считает своими врагами. Власти установили, что Хоффа пал жертвой гангстеров, но ни тело его, ни убийцы обнаружены не были.

А дела в профессиональном объединении водителей грузовых автомобилей идут по-прежнему, но под официальным руководством уже не Хоффы, а Фицсиммонса.

В 1978 году журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Картина массового наступления организованной преступности на профсоюзы и одновременно картина полного бессилия властей перед лицом этого наступления выявилась в результате обсуждения этой проблемы в американском конгрессе».

Итак, гангстеры-бизнесмены с необыкновенно широким профилем... Но вспомним об их собратях по бизнесу, официально носящему легальный характер и как бы находящемуся по другую сторону закона, нежели бандиты-дельцы. Есть ли в США четкая грань, видимая или невидимая, которая отделяет бизнес легальный от нелегального? Обратимся к фактам из американской действительности.

Журнал «Нью рипаблик», издающийся в США, опубликовал статью «Преступность в деловом мире США» (по чисто американской логике эту нашу главу мы могли бы назвать так: «Бизнес в преступном мире США»). В статье сообщается, что из множества официально обследованных американских фирм 97 процентов их владельцев оказались не просто нарушителями американских законов, а преступниками-рецидивистами, то есть они нарушали закон по два раза и больше. Все нарушения эти связаны с одним — незаконным получением прибыли.

Можно вспомнить громкий скандал с американской фирмой «Локхид». Чтобы обеспечить продажу своих самолетов и обойти конкурирующие с ней другие авиастроительные фирмы, дельцы из «Локхида» давали взятки должностным лицам в Японии, Голландии и других странах. Когда этот скандал разгорелся, то выяснилось, что конкуренты «Локхида» оказались такими же взяткодателями.

Взятки и подкуп — это не единственное преступление, на которое идут вполне легальные бизнесмены. Как-то я был гостем американских ученых, занимающихся прогнозированием землетрясений. Это было в Калифорнии, где такие стихийные бедствия случаются часто. На основании прогресса современной науки этим ученым удалось составить карту, где

они указывают места возможных в недалеком будущем землетрясений. Эти карты бьют по интересам дельцов, торгующих земельными участками, и по интересам самых разных бизнесменов, чьи дела связаны с этими районами. Плевать они хотели на предсказания ученых, на ту опасность, которой могут подвергнуться там люди. Обеспокоенные за свой бизнес, за свои прибыли бизнесмены начали борьбу с учеными-сейсмологами. Их запугивали, шантажировали, пытались даже засудить! Помните гангстерского босса Серрито, подавшего в суд на журнал «Лайф»? А калифорнийские бизнесмены подавали в суд на науку за то, что она вдруг встала на пути к прибылям, пытались преследовать ученых за якобы нанесенный им бизнесу материальный ущерб.

Вернемся снова от обычных бизнесменов к бизнесменам-гангстерам. Такой знаток этой проблемы, как глава отдела по борьбе с преступностью в министерстве юстиции США Генри Петерсен, свидетельствует: «Под организованной преступностью я понимаю преступную организацию, которая действует постоянно и в течение долгого времени в атмосфере относительной безопасности для себя». Чего стоит в этом высказывании специалиста выражение «атмосфера относительной безопасности»? Откровение, говорящее само за себя... Тот же Генри Петерсен высказал и такую мысль:

«Высшие лидеры организованной преступности очень богаты. Это нелегальные биржевики. Они так же, как и биржевики Уолл-стрита, постоянно ищут, куда выгоднее вложить свои деньги. Именно этим и занимается вся верхушка организованной преступности. Если бы нам удалось лишить «Коза ностру» этой ее деловой основы, если бы мы сумели вывести ее из сферы бизнеса в сферу индивидуальной преступности, то нам было бы легче бороться с этой организацией».

Короче говоря, в американских условиях бороться с организованной преступностью, с «Коза нострой» бесполезно. Так свидетельствует тот, кто по должности обязан возглавлять борьбу.

ЗЛОВЕЩИЙ СИМБИОЗ

Но даже в Соединенных Штатах не бизнесом единым жив человек. Стоит там заняться кому-либо всерьез деловыми операциями, как тут же приходится входить в контакт с политикой. Это — общее правило. Распространяется оно и на гангстеров, становящихся бизнесменами. Сенатская комиссия по расследованию организованной преступности в США отмечает, что «преступность, политика и деловая жизнь сливаются в своего рода зловещую троицу». Так что, как видите, эпитет «зловещий» в названии этой главы не придуман нами, а взят из официального американского документа. В том же докладе читаем:

«После того как мы заслушали показания в Чикаго, ни у кого из нас уже не оставалось сомнений в том, что организованная преступность и политическая коррупция в США идут рука об руку: столь широкая преступная организация не могла бы существовать, если бы не постоянный и взаимовыгодный союз тех, кто управляет рычагами преступности, с теми, кто держит в своих руках политические рычаги». В докладе также говорится о том, что в ходе расследования была собрана «обширная документация, свидетельствующая о том, что гангстеры оказывают значительное влияние на обе крупнейшие партии США».

Кстати, эта тема — самая запретная для средств американской информации. Мы еще можем в США почитать и услышать о сложных перипетиях гангстерских войн, кровавой борьбе за власть в «Коза ностре», о роскошной жизни ее «боссов», об их деловой хватке и предпринимательской деятельности, но вот сведения о связях преступного синдиката с политическим миром доходят до широких масс только в самых крайних случаях и только в самом урезанном, затухающем виде. Хотя, как мы в этом дальше легко убедимся, связи «Коза ностры» с политикой осуществляются, как говорится, на самом высоком уровне. Да и не может быть иначе! Ведь мы знаем, что «Коза ностра» — практически крупнейшая корпорация в США, ей и карты в руки, в том числе и крапленые политические.

Американский журнал «Пэрийд» опублико-

вал статью под характерным заголовком: «Тень мафии над нашим правительством». В статье говорится:

«По утверждению федеральных юристов, многие конгрессмены поддерживают тайные связи с заправителями преступного мира, и это вызывает тревогу. Главарь мафии финансирует предвыборные кампании политиков и обеспечивает им всевозможную поддержку, что весьма существенно для карьеры конгрессмена. Так возник нечестивый союз между теми, кто устанавливает законы, и теми, кто их нарушает».

Главарь преступного мира с вождельством поглядывают на государственную казну США и подумывают, как бы протянуть свои лапы к зеленым долларовым бумажкам в федеральных учреждениях. Имеются доказательства, что они подкупают федеральных чиновников с целью получения мошенническим путем правительственных займов».

Выше перечислены далеко не все связи и взаимные интересы между политическим миром и организованной преступностью, но уже в этом перечне видна взаимная выгода обеих сотрудничающих сторон. Эти общие положения находят подтверждения в повседневной жизни Америки на каждом шагу, причем с годами — все на более высоком политическом уровне.

Был, скажем, в конгрессе США некий Корнелиус Галлахер. В политическом мире, несомненно, звезда первой величины. Он не просто представлял в американском конгрессе демократов от штата Нью-Джерси, но и был по всем признакам выдающимся деятелем: одним из ведущих членов комиссии по иностранным делам, председателем американо-канадской межпарламентской группы, делегатом США на конференции по разоружению. Наконец, однажды зашла даже речь о выдвижении его кандидатуры на пост вице-президента США!

Кроме политического опыта, Галлахер обладал и другими достоинствами: был адвокатом, директором банка, совладельцем строительной фирмы. Но главная сила конгрессмена была засекречена от его избирателей, знала об этом только верхушка «Коза ностры». Дело в том, что Корнелиус Галлахер служил не столько своим избирателям и своему родному штату, сколько наместнику «Коза ностры» в Нью-Джерси гангстерскому «боссу» Джо Зикарелли. В ходе полицейской слежки за последним и была обнаружена многолетняя связь Галлахера с организованной преступностью. Оказалось, что по требованиям Зикарелли конгрессмен не только улаживал конфликты гангстеров с властями, но и активно участвовал в их гангстерских и деловых начинаниях. Например, Зикарелли как-то надумал взять под свой финансовый контроль авиационную компанию в Доминиканской Республике (не самая большая авантюра для одного из «боссов» «Коза ностры»), и Галлахер тут же подключился к делу, вместе с гангстером-бизнесменом направился в Санто-Доминго для практического осуществления этого плана. Перечень подобных совместных дел гангстера и конгрессмена велик. Мы же остановимся еще только на одном случае.

Один из подручных Зикарелли попал в руки правосудия, ему по совокупности насчитали за все его преступления 174 года тюрьмы! В обмен на обещание смягчить его участь гангстер «раскололся» (такие сделки в США часто имеют место) и кое-что поведал о Галлахере, в том числе рассказал о том, что однажды ночью конгрессмен вызвал его по телефону к себе домой и провел в подвале, где гангстер увидел труп одного из своих коллег. Галлахер велел гангстеру забрать труп и тайно захоронить. Но опытный бандит не решился на это без приказа своего «босса» Зикарелли. Тогда Галлахер соединил его с Зикарелли, и последний санкционировал распоряжение конгрессмена. После исповеди гангстера полиция проверила эту историю и убедились в ее достоверности.

Рассказ о сотрудничестве Галлахера и Зикарелли, политика и гангстера, у нас мог бы получиться долгим, мы же обратимся еще только к двум деталям. Первая — оба они остались на свободе. Вторая — в бытность свою в американском конгрессе Галлахер особо отличился именно в то время, когда там начали

было поговаривать о необходимости усилить борьбу с организованной преступностью. Всеми правдами и неправдами он противился этому. Странная позиция для конгрессмена, слуги народа, не так ли? Но вовсе не странная для слуги гангстеров. Рассказывая о сотрудничестве политических деятелей с «Коза нострой», американский журнал «Пэрейд» писал:

«Чтобы выжить, гангстеры тоже нуждаются в поддержке политиков. «Организованная преступность не может существовать без коррупции на всех уровнях административного аппарата»,— скупно заметил один видный юрист. Другой пояснил, что гангстеры «процветают благодаря способности нейтрализовать действия властей». Осведомители в преступном мире подтверждают это. «Широкая преступность не может развиваться без продажных политических деятелей»,— сказал один из них».

Если Галлахер, как мы уже упоминали, едва не стал вице-президентом США, то его коллега, тоже политический деятель Спиро Агню таковым стал. И обрел на этом высоком посту большую скандальную славу. В самый разгар его деятельности в Белом доме Агню был обвинен во взяточничестве и вымогательстве (последнее ремесло — одна из любимых отраслей деятельности гангстеров). Как только слухи об этом поползли по Вашингтону, вице-президент начал их решительно опровергать. «Я не виновен в том, в чем меня обвиняют. Меня не заставят уйти в отставку. Не заставят!» — публично громыхал Агню. «Меня травят,— взывал он к справедливости,— я жертва честолобного фанатика (прокурора Джорджа Билла.— В. Н.), который пытается сделать себе рекламу».

А тем временем многие мошенничества Агню всплыли на поверхность. Оказалось, что, еще будучи губернатором штата Мэриленд, он брал взятки направо и налево. Заняв пост вице-президента США, Агню продолжал эту свою привычную преступную деятельность. Следствие насчитало за ним более ста тысяч долларов, «заработанных» таким образом. Надо полагать, что сумма эта далеко не полная.

Весьма характерно для общественного климата страны то, что именно Спиро Агню считался среди политиков одним из самых главных столпов морали и нравственности. Газета «Вашингтон пост» писала: «Моральный человек, самый выдающийся поборник закона и порядка, бдительный воитель с внутренними «врагами», защитник устоев дома, семьи и американского флага разоблачен как обыкновенный мошенник».

Финал истории с Агню схож со многими аналогичными делами, в которых столкновение сильных мира сего с американским законом еще раз доказывает силу сильных. Попал все же Агню под суд за взяточничество, незаконное использование избирательных фондов, уклонение от уплаты налогов. За все это в совокупности он должен был получить солидный срок заключения. Но... Три года условно и десять тысяч штрафа — таков был приговор. Официальному Вашингтону подробное разбирательство этого дела и примерное наказание мошенника были явно ни к чему. Суд скомкали, чтобы не всплыли подробности скандала, в котором наверняка оказались бы замешанными многие другие политики. Вымогателя пощадили, чтобы он не потянул за собой других своих коллег. Недаром в то время министр юстиции Ричардсон заявил, что длительный и доскональный разбор дела Агню означал бы «продолжительный и потенциально разрушительный период страданий и неопределенности». Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» писал в связи с этим делом, что оно «вновь поднимает вопрос: не стали ли взятки и вымогательство образом жизни в США? Многие эксперты в Вашингтоне и по всей стране отвечают на этот вопрос утвердительно и, более того, указывают, что подобная практика с каждым годом приобретает все больший размах».

Не оттого ли так вольготно и живется «Коза ностре», не оттого ли она так плодотворно сотрудничает с политическим миром, что в США царит именно такой общественный климат, о котором пишет журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»?

Продолжение следует.

ПЕВЕЦ ЧЕЛОВЕКА

Отпросившись на несколько часов, солдат-второгодок нашел в незнакомом Вильнюсе эту квартиру. Ему так не хотелось упускать случая украсить солдатские будни встречей с поэтом, имя которого было у всех на устах. Хозяин квартиры уделяет нежданному гостю немного времени и дарит свои книги. Солдат не решается просить автограф и отмечает дату встречи по-своему. На титульном листе он пишет: «21 сентября 1963 года. Вильнюс. Квартира поэта».

Поэтом был Эдуардас Межелайтис, солдатом — автор этих строк. Так Межелайтис вошел в мою жизнь.

К каждому читателю настоящий поэт приходит по-своему. Но он приходит. И этот высокий стиль вполне оправдан, ибо речь идет о настоящем поэте высокого слова и высокой мысли.

Слава Э. Межелайтиса началась именно тогда, в начале шестидесятых годов, когда сначала в Вильнюсе (1961), затем в Москве (1962), а потом во многих странах мира была издана его книга «Человек», отмеченная Ленинской премией. Великолепно иллюстрированная С. Красаускасом, эта книга сразу же стала классикой, более того — книгой этапной для всей советской поэзии.

Поэт создает книгу философской лирики о величии человека, покоровшего Вселенную. Он соединил в стихах землю с небом, сблизил макро- и микромир, породил луга и лес с камнем и железом, слил культуру и природу, которую создал когда-то хаос рождения мира. Как истинный поэт, Эдуардас Межелайтис (а это были годы запуска первых спутников Земли, полета Юрия Гагарина) вырвался за пределы Земли мыслью о прекрасном звездном мире. И героем книги стал его современник, живущий на нашей планете, но страстно мечтающий увидеть жизнь других миров.

Мои мысли,
словно птицы, поднялись,
С каждым днем быстрее их движение,
Звездную преодолели высь
И земное победили притяжение.
Мы отвергли царства тьмы приход.
В нем поэзия давно заглухла б наша!
Мы обогатили небосвод
Звездами кремлевских башен.

...Фамилия «Межелайтис» означает «ячмень», в ней — связь с землей, с природой. От матери, литовской крестьянки, он перенял натуру поэтическую, возвышенную. Отец поэта многое пережил, в том числе сидел в Бутырках за участие в московском восстании 1905 года и воочию видел всполохи октябрьских зорь в России. Рассказы отца будоражили воображение сына, но родился он в мрачные для Литвы времена: буржуазные националисты в крови потопили первые всходы молодой советской республики. Вот почему детство, отрочество, юность будущего поэта связаны с иными отблесками памяти: в доме не хватало хлеба и слово «человек» повсюду

унижалось, как в старые времена. Мать напоминала сыну о той хмурой поре. «Несу я тебя маленького, плачущего вдоль берега Круои,— вспоминает Э. Межелайтис ее рассказ,— прижимаю к груди. А ноги подкашиваются, сил нет. Ни крошки хлеба, ни капли молока. И сама третий день голодаю... Брошу его, думаю, в Круою, господь простит, он и сам видит, как мне тяжело. Затихнет горлан и уполывет с богом. Но нет! Гоню от себя искушение нечистого, прижимаю кричащее тельце к сердцу. Выращу, как бы тяжело ни пришлось. И вырастила».

Быть может, эти рассказы, услышанные десятилетним ребенком, взрастили в нем семена вопросов, желание в стихах спросить людей: почему так тяжело живется отцу с матерью, почему в доме нечего есть, а в других домах, где ярко горит свет, на столах стоят яства, почему рабочему человеку приходится так много трудиться? «Писание стихов захватило меня,— рассказывает в своей автобиографии поэт.— Укрывшись от всех на чердаке, я пытался изложить на бумаге свое отношение к жизни, к миру. Казался он мне не бог весть каким совершенным, этот хваленый мир. Но с малых лет я не любил в трудные минуты обращаться за помощью ни к каким высшим силам, которые смягчили бы мои обиды и помогли легче переносить страдания и боль». Чуть позже на многие из этих вопросов поможет ему ответить его первая учительница, великая Саломея Нерис, литовский соловей.

Есть в биографии Межелайтиса строка о том, что в 1937 году он вступил в подпольную комсомольскую организацию и стал молодым революционером. Даже если не знать об этом, то, прочитав его книги, почувствуешь их новаторскую сущность, их гражданственный, социальный пафос. Их боль за судьбу человека. Атмосфера напряженного борения стихий исходит из книг и стихотворных циклов Межелайтиса. Он так сталкивает полюса высокого и низкого, обжигающего и леденящего, что все его произведения насыщены противоборством земного тяготения и человека, вырвавшегося за его пределы, противоборством любви и смерти, силы и немощи, света и тьмы,— уже названия стихотворений в книге «Человек» говорят об этом: «Развяжите глаза», «Пепел», «Мне не страшно (Белоянис)», «Нет, не ты победишь, разрушитель!»...

В эти дни Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии, заместителю Председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР Эдуардасу Беняминавичу Межелайтису исполнилось 60 лет. «Для меня юбилей настанет тогда, когда все задуманное будет сделано для читателей»,— сказал поэт в одном из предъюбилейных интервью. Знаменательные слова. Достойные истинного художника. Они сулят нам новые встречи с его высоким искусством.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

гастроли

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

Знакомясь с театром во время гастрольного сезона, москвичи всегда в первую очередь спешат посмотреть постановки неизвестных им пьес, а уже потом, исходя из первых впечатлений, решают, пойти ли еще и на классику в исполнении данной труппы. И, честно скажем, не каждый театр может похвастаться постоянным аншлагом на всех спектаклях, как это случилось с Норильским Заполярным театром драмы имени Вл. Маяковского.

Гастроли театр открыл композицией «Темп-29» по пьесам Н. Погодина. Тем самым гостям из далекого, сурового края сразу заявили об избранном ими героико-романтическом направлении. Борьба за человека, стремление раскрыть его духовное богатство, неподдельная вера в созидательное начало — вот что объединяет многие постановки норильчан.

Казалось бы, мало хорошего можно сказать о непутевом электросварщике Хрустове из пьесы молодого драматурга Р. Солнцева «Золотая труба на двоих». Болтун, лентяй, враль, он только делу мешает... Исполнители создали спектакля дают нам понять, что даже этот парень может быть героем, ибо велики нравственные резервы любого человека, надо лишь найти благодатную почву для их проявления. И в связи с этим норильчане особое внимание уделяют проблеме взаимоотношений людей, ответственности за другого, за чужие и свои поступки.

И драматическая, даже трагическая история «Случай в метро» Н. Баэра (этот американский киносценарий нам известен под названием «Инцидент») и польская комедия «Девятый праведник» Е. Юрандота подробно исследуют этот аспект человеческого существования. Режиссер и актеры шаг за шагом прослеживают, как рушатся антигуманные представления о жизни, как прорываются на свет любовь, доброта, справедливость и надежда.

Почти все спектакли норильчан поставлены главным режиссером Л. Белявским. Его творческий почерк отличается прежде всего четкостью, динамичностью. Все постановки энергичны, решительны, и даже хочется иногда, чтобы действие «прокручивалось» чуть помедленнее, а то в «Золотой трубе на двоих», например, создается впечатление, что артисты едва успевают постронуть следующую мизансцену.

Однако режиссура не «забывает» актеров. Они играют с превеликим удовольствием и наслаждением, что, к сожалению, бывает далеко не всегда на сцене современного театра. Тут каждый — на своем месте, все понятно и никто не забыт. Это мы увидели и в «Трех сестрах» А. Чехова и в «Мистерии-буфф» В. Маяковского...

У норильчан — большая группа талантливых мастеров сцены: Ю. Гребень, А. Амалин, С. Романова, А. Эльнес, Б. Гольман... Растет прекрасная молодежь: В. Сизых, С. Шилева, А. Сорokin, Т. Самкова, В. Решетников и другие.

Летом 1936 года на енисейском Севере гастролировали артисты Малого театра во главе с Верой Николаевной Пашенной. Именно по ее инициативе, благодаря ее энтузиазму был создан после этой поездки в городе Игарка первый Заполярный театр драмы имени Пашенной. В 1941 году этот театр отправил часть своей труппы в Норильск, их было тринадцать человек.

Нынешний восторженный прием норильчан москвичами стал бы для Веры Николаевны высшей наградой.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Сцена из спектакля «Три сестры». Фото М. Строкова

Беречь народное добро!

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

«Леваки».

— На нашем предприятии резервов экономии электроэнергии днем с огнем не сыщешь.

— Как видите, несмотря на отдельные недостатки в подготовке к зиме, у нас в цехе комнатная температура.

Нашли применение.

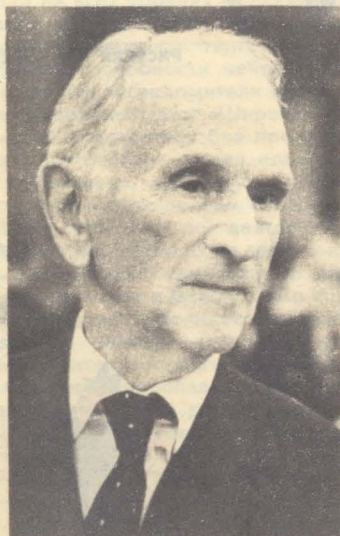

Чтобы не проходили мимо.

Дома: «Сколько там нагорело!»
На работе: «Сколько бы ни нагорело!»

ПАМЯТИ В. Г. ЛИДИНА

Умер Владимир Германович Лидин, один из старейших советских писателей, чей творческий путь начался в 1915 году. Ушел из жизни прекрасный мастер художественного слова, плодотворно работавший в советской литературе на протяжении многих десятилетий. 85 лет его жизни — это годы неустанныго труда литератора, бескорыстно служившего народу своим талантом и знаниями.

Для В. Г. Лидина не было вопроса — принимать или не принимать Октябрьскую революцию. И он с первых дней Советской власти там, куда посылает его молодая республика: служит в Красной Армии, выполняет обязанности порученца при реввоенсовете республики, организует книжное дело, принимает участие в становлении молодой советской литературы. Именно в эти годы из-под пера В. Г. Лидина выходят произведения, принесшие ему известность среди читателей: «Идут корабли», «Норд», «Сын человека» и многие другие. В них писатель рисует характеры сильных, мужественных людей новой формации, ищущих дорогу к новой социалистической действительности. К тридцатым годам лидинская проза становится все более емкой по охвату жизненного материала, все более глубокие

проблемы ставит писатель в своих повестях и рассказах, более зорким становится взгляд художника. Первое собрание сочинений в шести томах как бы подытожило десятилетие его работы в литературе.

В годы войны и в послевоенное время В. Г. Лидин становится подлинным мастером рассказа. Вместе с другими прозаиками, работавшими в этом малом жанре литературы, из «кусочков» жизни, борьбы, труда советских людей он создает широкое повествовательное полотно, на котором четко виден основной герой его произведений, борющийся за новую жизнь, сражающийся с фашизмом, строящий будущее — советский народ.

В. Г. Лидин становится преподавателем Литературного института имени А. М. Горького, профессором, ученым, воспитателем. Большое число молодых литераторов обязано ему чутким словом, добрым вниманием, участием в их судьбах и творчестве.

Без многих рассказов и очерков писателя невозможно представить современную советскую прозу: «Зима 1941 года», «Простая жизнь», повесть «Изгнание». Мемуарный цикл писателя «Люди и встречи» и сборник «Друзья мои — книги» выдержали несколько изданий и стали любимым чтением тысяч и тысяч профессиональных литераторов, библиографов, журналистов, студентов, всех любителей книги.

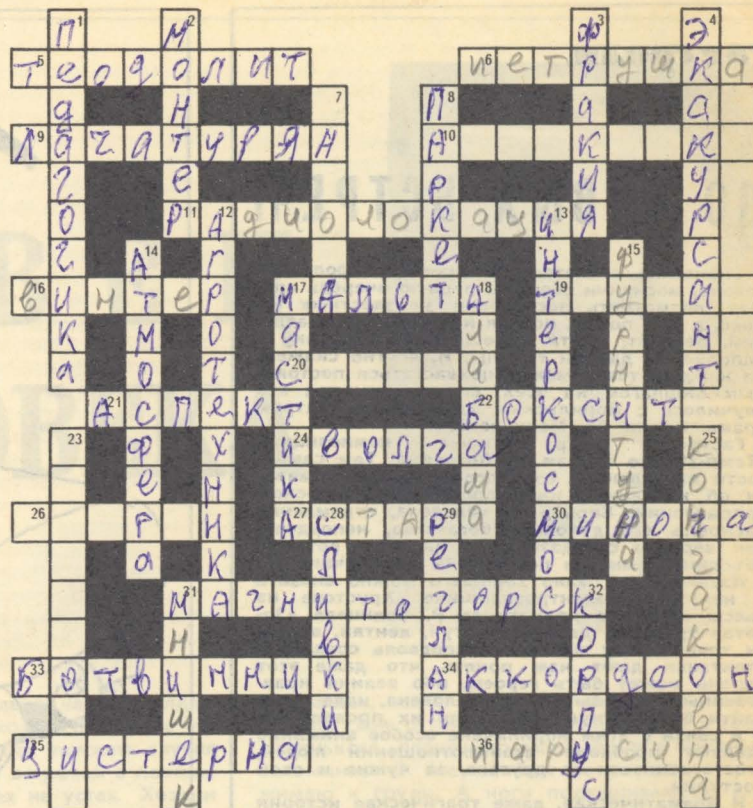
В. Г. Лидин был старейшим автором журнала «Огонек». Как правило, новое, только что написанное произведение, особенно рассказ или очерк, он первым предлагал для опубликования в нашем журнале. Вот и один из последних его рассказов «Зимний отпуск» был напечатан в «Огоньке».

Мы прощаемся с писателем высокой культуры, человеком щедрой души и большого сердца, тружеником пера. Останутся его книги, останется память о нем в сердцах тех, кто знал и любил его, останется пример его жизни — честной, щедрой, большой.

Огоньковцы

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Берлин, 4 октября Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер вручает Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу высшие государственные награды республики.
Фото В. Мусазьяна и Э. Песова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Берлин — столица ГДР.
Фото Л. Шерстенникова

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Геодезический инструмент. 6. Овощное зонтичное растение. 9. Композитор, автор балета «Спартак». 10. Опера Д. Мейербергера. 11. Обнаружение и определение местонахождения объекта наблюдения. 16. Советский энергетик, академик. 17. Государство в Южной Европе. 19. Птица отряда журавлей, обитающая в Южной Америке. 20. Рассказ А. П. Чехова. 21. Точка зрения, с которой воспринимается определенное явление, понятие. 22. Минеральное сырье для производства алюминия. 24. Лесная певчая птица. 26. Итальянский живописец венецианской школы. 27. Город в Эфиопии. 30. Промысловая рыба отряда угреобразных. 31. Один из крупнейших металлургических центров СССР. 33. Советский гроссмейстер, экс-чемпион мира. 34. Пневматический клавишный инструмент. 35. Резервуар, вагон для хранения и перевозки жидкостей. 36. Плотная льняная ткань.

По вертикали: 1. Наука о воспитании, обучении. 2. Рабочий, обслуживающий электрооборудование. 3. Область на северо-востоке Греции. 4. Участник коллективного посещения достопримечательных мест. 7. Река, впадающая в Онежское озеро. 8. Деревянные планки для настила полов. 12. Система приемов возделывания сельскохозяйственных культур. 13. Наименование искусственных спутников Земли, запускаемых в СССР по программе сотрудничества с другими странами. 14. Единица измерения давления. 15. Вспомогательный материал для изготовления обуви, одежды. 17. Пластическая смесь, применяемая в строительстве. 18. Река на юго-востоке США. 23. Художественный прием в поэзии. 25. Персонаж оперы А. П. Бородин «Князь Игорь». 28. Молочный продукт. 29. Фасон пальто, платья. 31. Действующее лицо трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 32. Войсковое соединение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 5. Формация. 7. Каденция. 9. Рейн. 11. Котры. 12. Строй. 13. Федотова. 14. Момбаса. 16. Скрипач. 18. Гальванометр. 19. Даргомыжский. 24. Капуста. 26. Медонос. 27. Комиссия. 28. Мидия. 29. Фотон. 30. Роль. 31. Перечень. 32. Чернавка.

По вертикали: 1. Хоровод. 2. Жирафа. 3. Каркас. 4. Николай. 6. Марабу. 8. Натрий. 9. Радиовысотомер. 10. «Неосторожность». 15. Стандарт. 17. Катовице. 20. Ганимед. 21. Мулине. 22. Погода. 23. Сломка. 25. Акцент. 26. Мятлев.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 24.09.79. Подписано к печати 09.10.79. А 00731.
Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2300. Заказ № 1204.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В бездонную бочку Пентагона.

Под разбойничьим флагом.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки
народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Маленькая поправка.

Сомоса: «Главное, дорогой Ромеро,—
вовремя смыться!...»

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

